

ИСТОРИЯ HISTORY

Серёгичев С. Ю.
S. Y. Seregichev

ОТ ФРОНТА ИСЛАМСКОЙ ХАРТИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ИСЛАМСКОМУ ФРОНТУ: РАННИЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДАНСКИХ ИСЛАМИСТОВ

FROM THE FIC TO THE NIF: THE EARLY PHASES OF THE ACTIVITY OF SUDANESE ISLAMISTS

Серёгичев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва). E-mail: sers80@mail.ru

Mr. Sergey Yu. Seregichev – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow). E-mail: sers80@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые вопросы и проблемы становления исламо-фундаменталистского движения в Судане в период с 1964 по 1989 гг. В это время была заложена политико-идеологическая, материально-финансовая и организационная база будущих триумфов суданских исламистов под руководством Хасана ат-Тураби. Но здесь же находятся и причины их сокрушительного поражения от военных во главе с Омаром аль-Баширом в конце XX – начале XXI в.

Summary. The paper discusses key issues and challenges of the making of an Islamic-fundamentalist movement in Sudan between 1964 and 1989. During this time the political, ideological, material, financial and organizational framework was formed for future triumphs of the Sudanese Islamists led by Hassan al-Turabi. But here also lay the reasons for their subsequent crushing defeat from the military led by Omar al-Bashir at the turn of XXI century.

Ключевые слова: Республика Судан, Хасан ат-Тураби, Фронт исламской хартии, Национальный исламский фронт, «Братья-мусульмане».

Key words: Republic of Sudan, Hassan al-Turabi, Front of the Islamic Charter, National Islamic Front, Muslim Brotherhood.

УДК 94(5)

Летопись современной политической истории Республики Судан обычно принято делить на периоды с 1956 по 1989 гг. и, соответственно, с 1989 г. по настоящее время. При этом весьма большое внимание уделяется именно последнему хронологическому отрезку, на который приходится огромное количество эпохальных для страны событий: неудачные попытки строительства Хасаном ат-Тураби и Омаром аль-Баширом исламской государственности в 1990-х гг., завершение 22-летней войны между Югом и Севером (1983-2005) и подписание Всеобъемлющего мирного соглашения 2005 г., раздел страны на Республику Южный Судан и Республику Судан в июле 2011 г. и др.

Но весь этот «фейерверк» вышеуказанных событий уходит своим корнями в 1960-1980-е гг., когда сформировался целый комплекс их взаимосвязанных внешних и внутренних причин как общественно-политического, так и социально-экономического характера. Немалую толику в копилку данных причин внесла и эволюция суданского исламо-фундаменталистского движения, прошедшего длинный путь от статуса непримиримой оппозиционной силы до партнера военных по правящей коалиции, взявшей власть в ходе «революции национального спасения» 30 июня 1989 г.

Именно анализу этих двух с половиной судьбоносных в истории суданских

Серёгичев С. Ю.

ОТ ФРОНТА ИСЛАМСКОЙ ХАРТИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ИСЛАМСКОМУ ФРОНТУ:

РАННИЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДАНСКИХ ИСЛАМИСТОВ

исламистов десятилетий и посвящена настоящая статья. Её временными рамками мы избрали 1964 г. – нижняя граница (образование Фронта исламской хартии (ФИХ)) и 1989 г. – верхняя граница (приход исламистов к власти). Это было время горьких поражений и невиданных триумфов исламского фундаментализма в Судане, «выковавшие» в итоге к концу 1980-х гг. из сторонников Хасана ат-Тураби грозную, динамичную, рвущуюся к власти политическую силу, с которой были вынуждены считаться даже военные, главные вершители суданской истории. Как же всё это происходило, какие факторы предопределили дальнейшие (в девяностых годах прошлого века) успехи исламистов, а какие их поражение на рубеже 1990 – 2000-х годов? На эти вопросы мы постараемся найти ответы, используя доступную нам литературу и источники.

Но для начала мы предложим свою периодизацию изучаемых событий:

- 1) 1964–1969 гг. – падение диктатуры Ибрагима Аббудды, «второй демократический период» суданской истории, борьба за принятие исламской конституции;
- 2) 1969–1977 гг. – военный переворот Нимейри, репрессии против исламистов.
- 3) 1977–1985 гг. – сотрудничество исламистов во главе с Хасаном ат-Тураби с режимом Джаафара Нимейри;
- 4) 1985–1989 гг. – падение диктатуры Нимейри, «третий демократический период», приход Национального исламского фронта (НИФ) к власти.

Длинный путь к власти для Хасана ат-Тураби и тысяч его сторонников начался в октябре-ноябре 1964 г., когда возник Фронт исламской хартии («Джабхат аль-мисак аль-исламий»), объединивший более 50 исламо-фундаменталистских группировок во главе с «Братьями-мусульманами». Фронт потребовал принятия «исламской конституции», а его лидером стал молодой 32-летний доктор конституционного права Хасан Абдалла Дафалла ат-Тураби [9, 209]. «Исламская хартия», давшая название исламистскому объединению, была принята в начале 1965 г. и включала в себя помимо уже ставших привычными требований (вроде введения шариата и др.) «установление системы президентской власти, региональной деволюции и справедливой в социальном плане экономической системы без ущерба для демократии» [18, 110].

В 1966 г., после года с небольшим яростных политических дебатов с левыми и южанами (Суданская коммунистическая партия, Южный фронт, Судано-африканский национальный союз (САНУ), Либеральная партия Юга Судана (ЛПЮС) и Суданская партия единства (СПЕ)), исламистам и традиционалистам (партия «Аль-Умма») представилась возможность сделать мечты об исламской суданской республике реальностью: 4 января 1966 г. решением Учредительного собрания Судана была сформирована Национальная конституционная комиссия. В комиссии было 44 депутата, большинство представляли Национально-Юнионистскую партию (далее – НЮП) и «Аль-Умму», а также депутаты-южносуданцы, по одному от трех партий (САНУ, ЛПЮС и СПЕ) [9, 231].

Под нажимом Аль-Уммы и ФИХ комиссия взяла за основу при разработке новой суданской конституции «исламский проект»: документ должен базироваться на принципах ислама, а шариат – главный источник законов [9, 231]. Тем не менее, несмотря на все усилия, предпринятые руководством «Аль-Уммы» и ФИХ, при голосовании 9 апреля 1967 г. проект исламской конституции был полностью отвергнут.

Виной тому стало совокупное действие двух факторов: во-первых, резкое неприятие данного проекта со стороны южан, так как он низводил их фактически до уровня граждан второго сорта (на Юге подавляющее большинство населения исповедует христианство), а во-вторых, он не устраивал правобуржуазные круги Судана чрезмерной даже для них радикальностью своих положений (так например, ст. 119 гласила: «Правительство устанавливает максимум земельной собственности в соответствии с необходимостью, определяемой интересами» [9, 437]).

Неудача с принятием исламской конституции не остановила «Аль-Умму» и ФИХ, которые 15 января 1968 г. представили в парламенте ещё один её проект: Судан должен был стать унитарной демократической социалистической республикой, ислам – государственной религией, арабский – официальным языком, а шариат – основой законодательной системы. Однако даже употребление модной в то время социалистической риторики и предложения введения «местного самоуправления» (в чем авторами основного закона виделось решение проблемы Юга) не спасло данный проект от провала [9, 236].

Казалось, что безудержный напор исламистов и заблокировавшихся вместе с ними традиционалистов было не остановить, ещё чуть-чуть и суданцы проснутся в полностью исламизированном государстве. Однако этого не случилось: в ночь с 24 на 25 мая 1969 г. в Судане был произведен очередной военный переворот, и власть перешла в руки Совета руководства революции (СРР), председателем которого стал полковник Джаафар Нимейри (тут же присвоив себе звание бригадного генерала, а чуть позже и маршала) [12, 91]. Хасан ат-Тураби и многие другие видные деятели суданского исламо-фундаментализма (Абдалла Абд аль-Маджид, Ясин Омар аль-Имам, Абд ар-Рахим Хамди и др.), равно как и сотни их рядовых сторонников, оказались за решеткой [9, 254]. Нимейри избрал курс на борьбу с «Братьями», не прекращавшими свою антиправительственную деятельность (попытки организации крупных вооруженных путчей в январе 1973 г., в ноябре 1974 г., мае и сентябре 1975 г. и в июле 1976 г. [11, 178]).

Однако, невзирая на всю тяжесть ударов со стороны режима Нимейри, суданские исламисты не только выжили в 1969–1977 гг., сохранив дееспособную организационную структуру, но и улучшили её «боевые» качества за счет внутренних реформ, проведенных под руководством ат-Тураби, сутью которых стало массовое привлечение в ряды ФИХ молодежи обоих полов, менявшей «старую гвардию» [18, 116-117].

Тем временем на политическом Олимпе Судана вновь переменялся «ветер». Точкой отсчета стали события 19-22 июля 1971 г., когда офицеры суданской армии, поддерживавшие Суданскую коммунистическую партию (СКП), предприняли попытку государственного переворота. Она хоть в итоге и оказалась неудачной, но в ходе её осуществления Нимейри и его ближайшее окружение оказались всего в одном шаге от своей гибели, что навсегда изменило психологию и политику суданского диктатора, ставшего с тех пор маниакально подозрительным и недоверчивым.

И вот спустя всего шесть лет эта политика «майского режима» зашла в тупик: правящий режим не мог полностью уничтожить противостоящие ему силы суданской оппозиции, так как мог опираться в борьбе с ней только на госаппарат и силовые структуры, где на места активистов и участников левых партий приходили сторонники правых, а та, в свою очередь, не могла свергнуть диктатуру Нимейри. Исходя из сложившегося положения, руководство страны решило пойти на компромисс с правой оппозицией (левая была разгромлена в июле 1971 г.) путем предоставления ей ограниченного права на участие в политической жизни страны, а также и в процессах управления ею.

Кроме этого, Нимейри решил пойти по стопам Анвара Садата и задействовать в своей политике исламскую специфику своей страны: суданский диктатор намеревался укрепить свою власть за счет превращения Судана в исламское государство. С этой целью Нимейри в 1977 г. освободил из тюрьмы Хасана ат-Тураби и его сторонников. Через год лидера суданских исламистов ввели в состав политбюро Центрального комитета правящей и единственно разрешенной партии в стране партии Суданский социалистический союз. Наконец, в августе 1979 г. Хасан ат-Тураби стал генпрокурором Судана, готовившим комплекс мер по «шариатизации» судопроизводства.

В это же время «бойцы» ат-Тураби вслед за своим раисом стали проникать в аппарат армии, полиции, службы государственной безопасности, руководство Суданского социалистического союза, распространяя там своё влияние. Эта тактика получила название «фикх ад-дарура» («юриспруденция необходимости») [10, 68; 9, 286; 4, 183], когда ради достижения главной цели – захвата власти и построения подлинного исламского государства, можно было пойти на временное сотрудничество с «неверным» режимом.

В результате в сентябре 1983 г. был принят закон «Основы юридического управления». Отныне, «если требуется интерпретация любого текста в действующем законодательстве, то он должен быть соотнесен с шариатом. В тех случаях, когда нет соответствующего законодательства, дело должно быть решено на основе шариата» [14, 43].

Таким образом, в Судане была заложена основа для исламизации страны, которая достаточно решительными мерами велась в период с 1983 по 1985 гг.: в провинции Хартум были закрыты все точки по торговле спиртными напитками, кредитно-финансовым учреждениям было запрещено ссужать деньги под проценты, введен в качестве налога на имущество и капитал «закят», начал осуществляться переход с григорианского календаря на

Серёгичев С. Ю.

ОТ ФРОНТА ИСЛАМСКОЙ ХАРТИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ИСЛАМСКОМУ ФРОНТУ:

РАННИЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДАНСКИХ ИСЛАМИСТОВ

исламский.

Но спасти ухудшающуюся с каждым днем социально-экономическую ситуацию исламизация Судана не могла: в 1984-1985 гг. в стране начался голод [5, 146]. Закономерным итогом такой политики стал крах в ночь с 5 на 6 апреля 1985 г. режима Нимейри, свергнутого суданской армией, которая опасалась захвата власти восставшим в конце марта народом. Незадолго до этого, 11 марта 1985 г., Нимейри отстраняет от власти ат-Тураби, который к тому моменту стал юридическим советником президента, и арестовывает его вкуче с несколькими десятками исламистов [9, 305].

Однако спустя всего лишь два месяца ФИХ в полной мере воспользовался падением зарвавшегося диктатора, трансформировавшись 11 мая 1985 г. в Национальный исламский фронт (НИФ) («Аль-Джабха аль-исламия аль-кауумийя») во главе с Хасаном ат-Тураби. В учредительном съезде НИФ приняло участие около трех тысяч делегатов [6, 78].

Согласно оценке египетского журналиста Мохаммеда аль-Хашими, НИФ представлял собой не что иное, как «новую коалицию между исламским движением и различным числом племенных и народных деятелей, которые обязались защищать и сохранять достижения движения против кампании секуляристских политических партий и властных группировок по полному искоренению исламского наследия режима Нимейри» [16, 9].

Своей основной целью НИФ считал построение в Судане истинно исламского государства, где бы мериллом всех ценностей выступали бы Священный Коран и Сунна, а общественные отношения регулировались бы посредством применения норм шариата. Руководство НИФ во главе с ат-Тураби всячески отстаивало так называемые «сентябрьские» законы Нимейри. Экс-диктатор 8 сентября 1983 г. принял решение о введении в Судане исламского законодательства и замене гражданского судопроизводства шариатом. За их окончательную реализацию в масштабах всей стране и выступали суданские исламисты во главе с их харизматичным лидером Хасаном ат-Тураби. Именно ат-Тураби публично угрожал развязать джихад в Судане в случае «любого изменения сентябрьских законов» [13, 154].

Исламисты избрали в качестве своей тактики метод агрессивного публичного давления на своих политических противников. Данный стиль общественно-политического поведения был необходим Фронту для привлечения в свои ряды дополнительных сторонников, особенно из числа учащейся молодежи, преподавателей школ и вузов, чьи радикалистские взгляды были близки по духу к воинствующей исламистской риторике.

К чему это приводит, наглядно показали трагические события 19 – 20 августа 1985 г. в Хартуме. НИФ организовал мощные демонстрации в поддержку вооруженных сил страны, борющихся с повстанцами Юга. Очень быстро эти демонстрации из формы выражения и без того бурных чувств негодования в отношении повстанцев переросли в кровавые столкновения между арабами и южносуданцами. В результате уличных боев погибло, по официальным данным, 30 человек и около 100 получили ранения [8, 142].

Значительную помощь организации ат-Тураби оказали влиятельные суданские бизнесмены и политики: Мохаммед Юсуф Мохаммед (известный законодатель и бизнесмен) и Осман Халед (предприниматель, контролировавший большинство рынков по продаже кунжута и проса). Материальную поддержку избирательной компании НИФ оказывали такие крупнейшие финансовые корпорации, как «Исламская компания развития» и исламский банк Фейсала в Судане, в руководство которых входят лидеры Фронта [1, 149]. Всё это в итоге обеспечило исламистам третье место на всеобщих парламентских выборах 1 – 12 апреля 1986 г.

В январе 1987 г. Фронтом была разработана и принята «Суданская Хартия: национальное единство и разнообразие» («Хартия НИФ 1987 года»), главный тезис которой – превращение шариата в основной источник законодательства, социально-политической и экономической эволюции общества. В то же время с целью привлечения в ряды Фронта новых сторонников в Хартии была сделана попытка учесть сложную полиэтническую и много-конфессиональную структуру суданского общества. Для этого Хартией была предусмотрена возможность введения системы автономий: "Действенность ряда законов должна подчиняться территориальным ограничениям, учитывающим преобладающее влияние религий или культур в регионах, где основная религия не является доминирующей... В этих случаях могут быть установлены эксклюзивные местные правила на основе мандата, полученного от местного меньшинства... Таким образом, законо-дательная власть регионов,

населенных в основном немусульманами, может быть исключением из сферы действия национального закона" [7, 23].

В соответствии с другими положениями «Суданской Хартии»: исламское государство в Судане должно быть построено в форме «смешанной системы, включающей федеральные и региональные элементы ... НИФ выступает за принятие федеральной системы в конституционном регулировании децентрализации в Судане, с равным отношением ко всем регионам, либо специальные меры для некоторых и через любой процесс постепенного перехода» [19, 329, 331].

Рассказывая журналистам на пресс-конференции в январе 1987 г. о новом программном документе НИФ, Хасан ат-Тураби сделал основной упор на том, что Хартия основывается на предоставлении для всех суданцев свободы культа и веры, на различиях их вероисповеданий и идеологий и призывает государство к свертыванию основного закона, блюдущего не тот курс, что мусульмане, подобно тому, как курс мусульманского большинства бережётся шариатом, являющимся по этой главной причине источником законодательства [15].

Через год с небольшим после этого, 15 мая 1988 г. исламисты наконец-таки получили министерские портфели. На первые роли в правительственной коалиции выдвинулись «Аль-Умма» и НИФ. Хасан ат-Тураби получил посты вице-премьера и министра иностранных дел [9, 73].

Данное правительство просуществовало меньше года, развалившись как от груза взятой на себя ответственности за выправление сложнейшей социально-экономической ситуации в стране, так и от межпартийных дрызг: 1 февраля 1989 г. был создан новый кабинет министров. Большинство мест в нем разделили между собой «Аль-Умма» (10 портфелей) и НИФ (8 портфелей), ЮДП (Юнионистско-демократическая партия) отказалась от участия в нём, требуя возобновления диалога с Югом. Лидер НИФ получил должности заместителя премьер-министра и министра иностранных дел [13, 164].

Это правительство стало последним, в котором участвовали исламисты на протяжении «третьего демократического периода» 1986–1989 гг. Дело в том, что Хасан ат-Тураби и его окружение в 1988–1989 гг. предчувствовали скорый крах суданской парламентарной демократии, на смену которой шла столь неизбежная в суданской истории военная диктатура. Только на этот раз НИФ не собирался быть простым наблюдателем нового торжества военных, а захотел использовать их в своих целях.

Так в итоге и вышло: впервые в истории страны 30 июня 1989 г. военный переворот был осуществлен группой исламистски настроенных офицеров национальных вооруженных сил в количестве 300 человек. Среди них были и 175 бойцов-парашютистов бригады аль-Башира [17]. Финансовую поддержку новой хунте оказал директор Исламского банка Фейсала в Судане [4, 185, 389]. НИФ (формально он был вскоре распущен) и армия встали у руля страны, где и находились вместе до 1999 г., когда военные стали править единолично.

Таким образом, возвращаясь к вопросам, поставленным нами в начале статьи, мы можем указать факторы, возникшие в 1964–1989 гг. и предопределившие успехи исламистов в 1990-х гг. и их поражение на рубеже веков (XX–XXI).

Начнем с первых, обеспечивших триумф исламо-фундаментализма в последнем десятилетии XX века:

1. Исламисты, начиная с 1978 г., когда Нимейри стал проводить политику «национального примирения», пользуясь благосклонностью властей, стали проникать в аппарат армии, полиции, службы государственной безопасности, распространяя там своё влияние. Более того, по информации ряда западных обозревателей сам аль-Башир (лидер военного переворота 1989 г., ныне президент Республики Судан) был в свое время функционером военной организации НИФ [2, 223].

2. За годы пребывания в подполье сформировалась жесткая, основанная на военной дисциплине, структура Национального исламского фронта, располагавшего сотнями своих вооруженных сторонников, организованных в отряды. Численность милиции Фронта составляла 80 тыс. чел., то есть достигала 2/3 численности суданских вооруженных сил (120 тыс. чел.) [3, 208].

3. Были наработаны и постоянно совершенствовались приемы агитационной борьбы, в пропагандистской работе активно были задействованы женщины, действовавшие с

Серёгичев С. Ю.

ОТ ФРОНТА ИСЛАМСКОЙ ХАРТИИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ИСЛАМСКОМУ ФРОНТУ:

РАННИЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДАНСКИХ ИСЛАМИСТОВ

невероятным энтузиазмом, пока активисты-мужчины сидели в тюрьмах.

4. Оказывалась финансовая помощь со стороны консервативных арабских режимов, таких, как Саудовская Аравия и др.

Теперь перейдем к анализу слабых сторон движения Хасана ат-Тураби, не позволивших исламистам надолго удержать власть:

1. Мощное противодействие со стороны традиционных суфийских орденов «Аль-Ансар» и «Аль-Хатмийя» с их многомиллионными армиями сторонников (более половины арабо-суданцев (около 10 млн чел.) – ансары [12, 14, 27], принадлежность к ордену наследуется). Следствием этого является относительная узость социальной базы исламо-фундаментализма.

2. Стремление исламистов стопроцентно контролировать каждое движение военных, вызванное мартовскими репрессиями 1985 г. со стороны Нимейри и приведшее к острому желанию военных во главе с аль-Баширом избавиться от столь назойливой опеки в лице ат-Тураби и его соратников.

3. Не до конца учитывалась сложнейшая этно-конфессиональная специфика Судана, из-за чего исламо-фундаменталистский проект всегда встречал мощное сопротивление со стороны африкано-христиано-анимистской части населения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова, И. О. Судан: трудности и противоречия буржуазного развития / И. О. Абрамова, Г. И. Смирнова // Страны Северной Африки. Национальный частный сектор: тенденции 70-80-х гг. – М., 1990.
2. Бабкин, С. Э. Движение политического ислама в Северной Африке / С. Э. Бабкин. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – 341 с.
3. Гусаров, В. И. Власть и армия в независимом Судане: взаимодействие и противоречия / В. И. Гусаров // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии (сборник статей). – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. – 400 с.
4. Жиль Кепель. Джихад: экспансия и закат исламизма / пер. с фр. В. Ф. Денисова. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2004. – 468 с.
5. История Востока. В 6 т. Т.6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.) / под общ. ред. Р. Б. Рыбакова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. – 1095 с.
6. Комар, В. И. Эволюция политических систем в некоторых странах Африки: исламизм, оппозиция и традиции (80–90-е годы) / В. И. Комар. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
7. Кудряшова, И. В. Идеологический дискурс политического ислама / И. В. Кудряшова // Миссионерское обозрение. – 2003. – № 12.
8. Новейшая история арабских стран Африки. 1917–1987. – М., 1990.
9. Поляков, К. И. История Судана. XX век / К. И. Поляков. – М.: ИВ РАН, 2005. – 510 с.
10. Серёгичев, С. Ю. Армия и Национальный исламский фронт Судана: эволюция взаимоотношений / С. Ю. Серёгичев // Ближний Восток и современность. – М.: Институт Ближнего Востока, 2005. – Вып. 25. – 332 с.
11. Серёгичев, С. Ю. Современный Судан: от единства к разделу / С. Ю. Серёгичев. – М.: Институт Ближнего Востока, РГГУ, 2011. – 240 с.
12. Судан: справочник / под общ. ред. А. А. Ткаченко, Ю. М. Кобищанова и О. В. Левина. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 320 с.
13. Узденов, Т. А. Политическая идеология и практика исламского фундаментализма (на примере современного Судана): дис. ... канд. полит. наук / Т. А. Узденов. – СПб., 2001.
14. Фахрутдинова, Н. З. Исламский фактор в общественно-политической жизни Судана / Н. З. Фахрутдинова. – М.: Институт Африки РАН, 2004. – 84 с.
15. Аль-Ахали. 21.01.1987.
16. Elhachmi H.M. The Making of Islamic Political Leader: Conversations with Hasan al-Turabi. – Oxford, 1998.
17. Library of Congress / Federal Research Division / Country studies / Area Handbook series / Sudan. Internet: <http://www.lcweb2.loc.gov>.
18. Mustafa A. Abdelwahid. The rise of the Islamic movement in Sudan 1945-1989 / A dissertation submitted to the Graduate Faculty of Auburn University in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Auburn, AL, May 10, 2008.
19. The Search For Peace In The Sudan: A Chronology of the Sudanese Peace Process 1989-2001. London. 2002.

Киба Д. В.
D. V. KIBA

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ АТЭС¹

ADDRESSING FOOD SECURITY IN APEC²

Киба Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50-336; 8(4217)59-16-40. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru
Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681021, Komsomolsk-on-Amur, 50-336, Komsomol St.; 8 (4217) 59-16-40. E-mail: darya.kiba.80@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются пути решения проблемы продовольственной безопасности, предлагаемые АТЭС.

Summary. The paper discusses ways and methods for addressing the problem of food security in APEC.

Ключевые слова: деловой консультационный совет, мировой продовольственный кризис, Ниигатская декларация.

Key words: Business Advisory Council, global food crisis, Niigata Declaration.

УДК 94

Вопрос продовольственной безопасности относится к числу наиболее острых проблем современного общества. В международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. государства признали «право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание...» [4]. Продовольственная безопасность считается достигнутой при наличии у всех людей постоянного физического и экономического доступа к необходимому количеству питательной пищи. К сожалению, в настоящее время от голода страдают сотни миллионов человек.

Остроту вопроса продовольственной безопасности подтверждают данные о доле населения в мире, не получающего достаточного питания: 1990 – 1992 гг. – 848 млн чел. (16 %), 1995 – 1997 гг. – 792 млн чел. (14 %), 2000 – 2002 гг. – 836 млн чел. (14 %), 2006 – 2008 гг. – 850 млн чел. (18 %) [2].

Для Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) проблема обеспеченности продовольствием также является актуальной. АТР остро ощущает нехватку земли и воды, необходимых для массового производства зерновых культур продовольственного и кормового назначения. Недостаток посевных площадей остро ощущается в Юго-Восточной Азии, где сель-

¹ Научные исследования проведены при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы: соглашение на предоставление гранта № 14.В37.21.0958.

² The study was done with financial support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, as part of the federal target program “Researchers and Academic Teachers of the Innovative Russia”, years 2009 – 2013; grant agreement No. 14.В37.21.0958.

Киба Д. В.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ АТЭС

скохозйственные земли используются для выращивания биосырья. В связи с этим вопрос продовольственной безопасности активно обсуждается на саммитах Азиатско-Тихоокеанского Форума экономического сотрудничества (АТЭС). Рассматривая степень интенсивности обсуждения продовольственной проблемы данной международной организацией в разные годы, следует отметить, что в 1990-е гг. вопрос продовольственной безопасности не находился в центре внимания АТЭС.

Однако в 2007 – 2008 гг. в мире разразился продовольственный кризис, причиной которого было длительное недостаточное инвестирование в сельское хозяйство и, как следствие, – стагнация сельскохозяйственного производства во многих регионах. Средняя доля государственных расходов на сельское хозяйство в развивающихся странах снизилась до 7 % всех расходов бюджета, что негативно сказалось на приходе частного капитала в аграрный сектор. Отдельные крупные страны смогли противостоять данному кризису. Небольшие, зависимые от импорта государства пережили резкое повышение цен на сельскохозяйственную продукцию. Продовольственный кризис 2007 – 2008 гг. и финансово-экономический кризис 2007 – 2009 гг. ударили по наиболее уязвимым слоям населения. В результате, по данным ФАО (Food and Agriculture Organization), в 2009 г. число голодающих в мире увеличилось примерно на 200 млн чел., по сравнению с 2000 г. Основная масса голодающего населения проживала в АТР (642 млн чел.) [5]. Учитывая международную обстановку и положение в аграрном секторе, АТЭС активизировал обсуждение вопросов продовольственной безопасности.

Странами-участницами АТЭС предпринимались меры по преодолению бедности в регионе. Однако в 2008 г. в Итоговой Декларации 16 саммита международной организации было отмечено, что высокая волатильность цен на продовольствие и его нехватка в некоторых развивающихся странах подрывают все усилия Форума. Лидеры стран-участниц выразили поддержку Всеобъемлющему плану действий, разработанному Рабочей группой ООН по глобальному продовольственному кризису, и обещали способствовать его продвижению в регионе. Форум разработал и собственный рабочий план по борьбе с существующими вызовами продовольственной безопасности. Следует отметить, что Деловой консультационный совет АТЭС активно привлекал внимание международной общественности к проблемам сельского хозяйства. Форум пришел к выводу, что для решения продовольственной проблемы необходимо развивать сельскохозяйственные биотехнологии, повышать уровень образования в сельскохозяйственной сфере, что в перспективе поможет справиться со многими проблемами.

Вопрос обеспечения продовольственной безопасности был одним из самых обсуждаемых на 17 саммите АТЭС в 2009 г. Форум выразил поддержку Аквильской инициативе по продовольственной безопасности, принятой на саммите «Группы восьми» в Аквиле (Италия) в июле 2009 г. В Аквильском заявлении подчеркивалась необходимость финансирования и увеличения целевых инвестиций для укрепления мирового потенциала производства продовольствия.

Необходимость инвестирования в сельское хозяйство обсуждалась странами-участницами АТЭС на встрече министров сельского хозяйства в г. Ниигате в октябре 2010 г. Итогом дискуссии стала Декларация о продовольственной безопасности. В документе подчеркивалось, что темпы роста накопления капитала в мировом сельском хозяйстве упали с 1,1 % в 1975 – 1990 гг. до 0,5 % в 1991 – 2007 гг. Международная помощь сельскому хозяйству за период с 1980 по 2005 гг. уменьшилась на 58 % [1]. Декларация призывала добиваться устойчивого развития аграрного сектора. Для достижения данной цели следовало увеличить производительность сельского хозяйства, более широко использовать технологии обработки выращенной сельскохозяйственной продукции, расширять обрабатываемые площади, вести борьбу с эрозией почвы, использовать те ресурсы, которые еще мало вовлечены в производство. В Декларации признавалась ключевая роль частных инвестиций, в том числе иностранных и государственно-частного партнерства.

На 19 саммите АТЭС в 2011 г. лидеры договорились укреплять систему продовольственной безопасности и содействовать торговле, в том числе путём поддержки Глобального Фонда продовольственной безопасности.

В ноябре 2011 г. Глобальный институт McKinsey (MGI) выпустил доклад «Революция в использовании ресурсов: как удовлетворить мировые потребности в энергоносителях, промышленных материалах, продовольствии и воде», описывающий основные вызовы в сфере продовольственной безопасности, которые будут стоять перед планетой до 2030 г. По мнению MGI, главная проблема, с которой столкнется мир в сфере продовольственной безопасности, – взрывной рост среднего класса. Переход в средний класс сопровождается изменением рациона человека, что, в свою очередь, увеличивает спрос на продовольствие и рост цен. MGI отмечал, что данный вопрос будет особенно актуален для экономик АТЭС, поскольку именно динамичный Азиатско-Тихоокеанский регион станет главным источником роста среднего класса.

Россия, вступившая в АТЭС в 1998 г., неоднократно заявляла о готовности к активному международному сотрудничеству, в том числе в рамках решения продовольственного вопроса [6]. Российские эксперты отмечали, что наше государство способно внести вклад в укрепление продовольственной безопасности АТР, так как обладает запасами воды и земли, не введенной в хозяйственный оборот, может поставлять энергоносители, что сократит объем производимого биотоплива в регионе, участвовать в производстве биоэтанола, что также позитивно скажется на продовольственной ситуации.

В связи с переходом председательства в АТЭС к Российской Федерации, в ноябре 2011 г. в Москве был проведен Первый азиатско-тихоокеанский форум, организованный Российским советом по международным делам и Российским центром исследований АТЭС. В работе форума приняли участие представители органов власти, бизнеса и научной общественности России, Китая, Японии, Южной Кореи и США. На нем обсуждались проблемы экономического сотрудничества в АТР, в том числе вопрос продовольственной безопасности. В результате было отмечено, что все предлагаемые меры могут лишь смягчить продовольственную проблему, тогда как ее решение зависит от динамики социально-экономического развития региона.

На 20 форуме АТЭС, прошедшем во Владивостоке в сентябре 2012 г., тема продовольственной безопасности являлась одной из приоритетных [7]. Впервые в истории АТЭС благодаря российскому председательству появилось Партнерство в сфере продовольственной безопасности. Идея его создания прозвучала еще в 2011 г. Однако именно России удалось окончательно утвердить принципы формирования данного органа и создать план его работы на ближайшие пять лет. Кроме того, на последнем саммите АТЭС было предложено разработать виртуальную платформу (интернет-портал), которая позволит снизить волатильность на рынках продовольствия. В настоящее время значительная часть волатильности на рынках вызвана нехваткой информации у трейдеров о существующих запасах продовольствия, планируемом спросе. Платформа позволит узнавать о количестве зерна на складах стран АТЭС, и тогда текущие изменения в поставках, вызванные техногенными, климатическими и политическими факторами, не будут существенно влиять на его цену.

Таким образом, несмотря на уровень развития науки и техники современной цивилизации, тема продовольственной безопасности регулярно появляется в повестке дня саммитов АТЭС. Основными причинами обострения продовольственной проблемы в 2000-х гг. являются мировые продовольственный и финансовый кризисы, недостаток посевных площадей, рост численности среднего класса. Важно, что наше государство становится активным участником дискуссии вокруг продовольственной проблемы. Следует отметить, что страны Северо-Восточной Азии более заинтересованы в России как в энергетическом партнере. Однако стратегическая задача нашей страны – стать равноправным членом АТЭС, способным воплотить в жизнь различные экономические проекты, в том числе проекты, связанные с решением вопроса продовольственной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов, А. Направления сотрудничества России и Китая в решении продовольственной проблемы в Восточной и Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/10063>.
2. Бюллетень российского центра исследований форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество». – 2012. – № 34. – С.16.
3. Интересы России в азиатско-тихоокеанском регионе: безопасность и развитие. Итоги Первого азиатско-тихоокеанского форума. – М. : Изд-во «Проспект», 2012. – С. 17.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.
5. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/newsroom/docs/russian_figs.pdf
6. См. подробнее: Петрунина, Ж. В. Современные ключевые направления интеграции Дальнего Востока в АТР / Ж. В. Петрунина // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №10. – С. 165-68.
7. См. подробнее: Шунейко, А. А. Членство России в АТЭС и человеческий капитал / А. А. Шунейко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2012. – №IV (2) – 12. – С. 21-22.

Ахметова А. В.
A. V. Akhmetova

ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (20-е гг. XX ВЕКА)¹

PROBLEMS RELATED TO PROVIDING HEALTH CARE TO INDIGINEOUS ETHNIC GROUPS OF RUSSIA'S FAR EAST DURING THE FORMATION OF THE NATIONALITIES POLICY OF THE EARLY SOVIET STATE (1920-ies)²

Ахметова Анна Валинуровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, Россия, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Октябрьский, 36 – 55; 89622960095. E-mail: wyrds@rambler.ru.

Ms. Anna V. Akhmetova – PhD in History, Associate Professor, Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681035 Russia, Khabarovsk Region, Komsomolsk-on-Amur, 36 – 55, Oktyabrskiy pr.; phone: + 79622960095. E-mail: wyrds@rambler.ru.

Аннотация. В статье рассматривается становление системы медицинского обслуживания коренных малочисленных народов Дальнего Востока в начальный период существования советского государства. Анализируются результаты деятельности медицинских отрядов и зарождение сети стационарных врачебных пунктов.

Summary. The paper deals with the establishment of a medical services system for the indigenous peoples of the Far East in the early period of the Soviet rule. We analyze the results of the work of mobile medical detachments and the emergence of a network of stationary medical establishments.

Ключевые слова: Дальний Восток, коренные малочисленные народы, медицина, инфекционное заболевание, здравоохранение, национальная политика, советское государство.

Key words: Far East, indigenous peoples, medicine, infectious disease, healthcare, nationalities policy, the Soviet state.

УДК 341.16

Советское государство с самого начала своего существования обращало внимание на устройство жизни и быта коренных малочисленных народов Севера, что отражало идейные основы национальной политики партии.

Уровень медицинского обслуживания аборигенного населения Дальнего Востока был самым низким по стране и требовал скорейшего вмешательства новой власти.

Советская политика в отношении коренных народов в период до коллективизации обычно характеризуется как политика особой заботы об этих народах. Эта политика учитывала особенности общественного развития народов Севера и в соответствии с этими особенностями проводилась в специфических формах. Одним из важных проявлений этой политики

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0482 "Национальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1917 - 1991 гг.)".

² The study was done with support from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, grant agreement No.14.В37.21.0482, grant title "Nationalities Policy of the Soviet Russia on Indigenous Minorities of the Far East of the Country (1917 – 1991)".

Ахметова А.В.

**ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (20-Е ГГ. XX ВЕКА)**

было создание в 1924 г. Комитета Севера как особого органа, который руководил осуществлением национальной политики в северных регионах.

Видную роль в Комитете Севера играли выдающиеся ученые-этнографы, рекомендации которых лежали в основе многих правительственных решений по народам Севера. Комитетом Севера были организованы научные экспедиции, результаты которых позволили правильно оценить ситуацию с северными народами и принять соответствующие решения. Влияние этнографов на выработку политики советского режима в отношении аборигенов, например, профессора Богораза, рассматривается в историографии в качестве важнейшего позитивного фактора [5, 55]. Комитет Севера являлся очень влиятельным и авторитетным органом.

Так, до установления советской власти на Камчатке и Чукотке сеть медицинских учреждений была настолько мала, а ассигнования правительства на их содержание настолько малы, что их нельзя принимать всерьез. На Чукотке с 1889 г. (с момента прибытия туда первого врача) по 1923 г., побывало 9 врачей и фельдшеров, было организовано 2 фельдшерских пункта (Анадырь и Марково), которые обслуживали в основном администрацию [2, 189]. Таким образом, медицинская помощь оказывалась почти исключительно русскому населению, качество которой оставляло желать лучшего.

Чукотский национальный округ до Октябрьской революции 1917 г. был наводнен инфекционными болезнями, которые и в советский период не сразу искоренились. Медицинские учреждения были расположены лишь в губернских и уездных центрах. Вся же остальная территория, где проживало коренное население, фактически находилась вне сферы влияния медицины [1, 18].

На начальном этапе существования советского государства не могло быть и речи об организации постоянной сети медицинских учреждений для коренных малочисленных народов Дальнего Востока, что связано с отдаленностью территорий, нехваткой средств и кадров. Наиболее подходящей формой медико-санитарного обслуживания коренных народов стала организация врачебных отрядов. Большую работу, как лечебно-профилактическую, так и научно-исследовательскую, проводило Российское общество Красного Креста (РОКК).

Во второй половине 1920-х гг. были организованы врачебные отряды по всем округам Дальнего Востока. Отряды разрабатывали маршруты движения по национальным стойбищам, которые должны были обеспечить максимальный охват коренного населения. Сотрудники обследовали аборигенов, организовывали прививки, проводили санбеседы и т.д.

Так, Николаевский отряд за период работы с 1 октября по 31 декабря 1927 г. обследовал 8 стойбищ, насчитывающих 62 двора, имеющих 68 семей в числе 382 чел., из них мужчин – 93, женщин – 97, детей – 148 (все по национальности – нанайцы). Во время обследования произведена прививка от оспы 103 чел., из них 99 вакцинации и 4 ревакцинации. Остальные дети имели привитую оспу раньше, следы которой имеются на лице. До прививки детрита туземному населению он был испытан прививкой его 20 школьникам в с. Вознесенском, прививка дала положительный результат до 60 % [3, л. 66].

С января по май 1928 г. действовал передвижной врачебный пункт доктора Сахарова в районе долин рек Хор и Бикин, который описывал свою работу следующим образом: «Закончил свою работу на Хору пункт 8 марта, за все время пропустил 204 туземца, из числа 220 насчитывающихся проживающими на Хору, из них мужчин 69, женщин 72 и детей в возрасте до 10 лет – 63 (мальчиков 31 и девочек 32). При осмотре их обнаружено: абсолютно здоровыми – 110; больных: туберкулезом – 9; болезнями дыхательных путей – 8; желудочно-кишечными – 5; кожными – 27 (чесотка, парша); венерическими – 0; глазными – 19 (слепота – 12), ушными – 4; болезнями сердца и сосудистой системы – 105, хирургическими болезнями – 23; костный туберкулез – 2; атрофия грудных желез – 5, цинга – 44» [3, л. 66].

Из приведенных цифр можно заметить, что аборигены не были подвержены кожным и венерическим заболеваниям, что довольно трудно поддается объяснению, так как условия

их быта должны, скорее, давать повод к большему распространению среди них заразных кожных болезней, таких, как чесотка, а она наблюдается в единичных случаях.

В результате поездки в низовья Амура и обследования состояния здоровья гиляков селения Чарбах сотрудником Дальневосточного химико-бактериологического института врача Л.И. Витте было выявлено «большое распространение чахотки среди гиляков Чарбаха и еще большую зараженность глистами, в том числе крайне вредным солитером. Почти во всех вскрытых экземплярах кеты и дельфинов было найдено огромное количество разного рода глистов. Гилякское население почти сплошь кету употребляет в пищу в сыром виде, чем и объясняется их зараженность глистами» [3, л. 27]. Это послужило сигналом для организации бактериологическим институтом поголовного обследования на глисты учащихся туземного отделения Хабаровского педагогического техникума.

Были проведены медицинское освидетельствование учащихся-туземцев Педагогического техникума с составлением личных карточек, проверка работоспособности врача Педагогического техникума в отношении ухода за больными, оказание содействия в получении разрешения тяжелобольных туземцев помещать на лечение в городской больнице [3, л. 132].

В результате деятельности подвижных врачебных отрядов в 1927 – 1928 гг. органами здравоохранения и особенно РОКК был сделан большой шаг вперед в деле обслуживания аборигенного населения. Комитет Севера при Далькрайисполкоме (ДКИК) принял решение о необходимых мероприятиях по линии органов здравоохранения среди коренного населения (28.01.28), а именно: перевод подвижных отрядов на стационарное положение и организация специальных обследований распространенности определенных заболеваний.

Специальные обследования должны были дать ответ на вопросы о распространенности туберкулеза, глазных болезней и зараженности глистами среди аборигенов и наметить практические меры борьбы с этими болезнями.

Подвижные отряды в том виде, в котором они были организованы, не приспособлены для ответов на эти вопросы. Между тем заболеваемость представителей коренных народов легочными и глазными болезнями в ряде районов была угрожающе высока. Как было сказано в «Заявке на мероприятия в области обслуживания туземного населения» (31.01.28) от Комитета Севера: «Работы доктора Витте в 1927 г. в низовьях Амура установили большую распространенность туберкулеза и угрожающую зараженность глистами даже в таком экономически сильном туземном селении, как гилякский Чарбах в Николаевском-на-Амуре округе» [3, л. 25].

Таким образом, с 1926 по 1929 гг. на Дальнем Востоке работал 31 передвижной врачебный отряд, 25 из которых действовали по линии Красного Креста, 6 – по линии Наркомздрава. На здравоохранение было отпущено 411 367 р. [4, л. 31].

Деятельность отрядов РОКК на Крайнем Севере сыграла огромную роль. Она помогла изучить характер и особенности болезней народностей Севера, выявить очаги эпидемических заболеваний и разработать методы борьбы с ними, первично обследовать жителей тундры и выработать необходимые рекомендации органам здравоохранения.

Однако стационарная сеть являлась недостаточной для обслуживания коренного населения. Такие факторы, как отсутствие подходящих зданий под врачебные пункты и финансовых средств на строительство, препятствовали открытию новых медицинских учреждений.

Работу по созданию системы здравоохранения в рассматриваемый период можно проанализировать, привлекая материалы Первого туземного съезда Дальневосточной области (ДВО) (15 по 19 июня 1925 г.). На съезд выносились сложнейшие проблемы культурного и социально-экономического положения коренных народов Дальнего Востока, в том числе медицинского обслуживания. Присутствовало 30 человек с решающим и 60 с совещательным голосом. В основном, это были представители коренных народов Приамурья и Приохотья: нанайцы, ульчи, нивхи, орочи, эвенки, негидальцы и др.

Ахметова А.В.

**ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТНОСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (20-Е ГГ. XX ВЕКА)**

В протоколах Первого туземного съезда представлены доклады с мест по самым разнообразным вопросам. Так, в докладе о работе туземного населения Амурской губернии были озвучены проблемы с медицинскими пунктами для аборигенного населения, а именно: недостаточное финансирование и, как следствие, нехватка кадров, отсутствие медикаментов. Прививание от оспы национального населения происходит бессистемно, эпизодически. Во многих случаях прививка от оспы вообще не имела никакого результата, так как аборигенное население проживало в неотопливаемых помещениях, где заболевание не прививается [6, 11]. Это была общая проблема всей Дальневосточной области. В докладе по Хабаровскому району также освещалась проблема оказания медицинской помощи. Медицинских пунктов всего два, чего, естественно, было недостаточно, особенно в плане акушерской помощи.

В 1928 г. пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК и его оздоровительная комиссия совместно с представителями местных Комитетов приняли решение организовать медицинские стационары в компактно населенных и отдаленных районах. Основной формой медицинской помощи должны были стать стационарная база в административном центре коренных жителей и культбаза с разъездным персоналом.

Следует учитывать объективные факторы, препятствующие оказанию качественной медпомощи аборигенным народам. Суровые природно-климатические условия, отсутствие развитых путей сообщения, огромные пространства тайги и тундры, на которых обитали «туземцы», – немногие из целого ряда причин, крайне затрудняющих развитие системы здравоохранения у коренного населения всех северных территорий. Недостатками медицинского обслуживания являлись как низкая квалификация медработников, так и недобросовестное отношение некоторых из них к своим обязанностям.

Рубеж 1920 – 1930-х гг. традиционно считается началом нового периода советской национальной политики на Севере. С этого времени начинается коренное переустройство жизни северных народов. После 1929 г. происходит изменение советской политики в отношении коренных народов Дальнего Востока. 1929 – 1930 гг. являются началом осуществления коммунистических идей по преобразованию жизни аборигенов. С этого времени советское влияние начинает проникать во все сферы их экономической и культурной жизни, включая и медицинское обслуживание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова, А. В. Медицинское обслуживание и устройство быта коренного населения Чукотки в дореволюционный период / А. В. Ахметова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 2 (8). В 3 ч. Ч. III. – С. 16-18.
2. Балицкий, В. Г. От патриархально-общинного строя к социализму / В. Г. Балицкий. – М.: Мысль, 1969. – 220 с.
3. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 27.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3977. Оп. 1. д. 280.
5. Корчагин, Ю. В. Народы Севера России в двадцатом столетии : процесс преобразований в западноевропейской и североамериканской историографии / Ю. В. Корчагин. – СПб.: Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчат. гос. пед. ун-та, 1994. – 285 с.
6. Первый туземный съезд ДВО / под ред. И. Ф. Федорова. – Хабаровск : б.и., 1925. – 139 с.

Гальперин М. С.
M. S. Galperin

РЕФОРМА VS РЕВОЛЮЦИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ VS ИСКУССТВЕННЫЙ ПРОРЫВ

REFORM VS REVOLUTION: EVOLUTION VS FORCED BREAKTHROUGH

Гальперин Михаил Самойлович – кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: Mgalperin@list.ru

Mr. Mikhail S. Galperin – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Linguistics and Cross-cultural Communications, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: Mgalperin@list.ru

Аннотация. Данная статья носит до некоторой степени методологический характер и содержит краткий аналитический обзор содержания и специфики понятий «реформа» и «революция», которые являются ключевыми в подходе к проблеме поиска и выбора путей социального обновления. Автором проводится мысль об исторической правомерности реформ как уникальном инструменте эволюционного, позитивного развития. Именно реформа отвечает объективным потребностям экономической и политической модернизации любого общества. В этой связи представляется важным рассмотрение соотношения экономического и политического факторов, а, следовательно, определение их приоритетности как для подготовки, так и в ходе реализации преобразований на их начальной и последующих стадиях.

Summary. This paper has rather methodological value; it contains a brief review of the meaning and specific features of such concepts as "reform" and "revolution", which, as is well-known, are the key ones in approaching the problem of searching for and a selecting ways of social renewal. The author advances the idea of historical legitimacy of reform which is a unique tool for positive evolutionary development. It is reform that meets the objective needs of economic and political modernization of any type of society. In this regard, it appears to be of importance to consider correlation between economic and political factors, and hence to define their priority ranking both at the preparation stage as well as during implementation of reform in its initial and further phases.

Ключевые слова: реформа, социальная революция, политическая революция, демократия, либерализм, эволюция, искусственный прорыв, К. Маркс, П. Ткачев, Н. Бердяев, экономический фактор, политический фактор, социальная модернизация.

Key words: reform, social revolution, political revolution, democracy, liberalism, evolution, forced breakthrough, K. Marks, P. Tkachev, N. Berdyaev, economic factor, political factor, social modernization.

УДК 32:316

В условиях современной России идёт трудный и длительный поиск наиболее приемлемых и эффективных путей развития: переосмысливаются в отечественной науке, применительно к условиям нашей страны, основные нормы и ценности, уже имеющие на Западе богатые традиции, а также не прекращаются поиски собственного пути исторического развития, причем следует отметить – на основе своего понимания так называемых либеральных ценностей, поскольку простой перенос идей западного либерализма на российскую почву представляется, как свидетельствует историческая практика, предприятием крайне сложным и в конечном счете бесперспективным, если не сказать, сомнительным изначально.

Так, по мнению авторов книги «Реформы и контрреформы: циклы модернизационного процесса», именно либерализм способен сыграть значительную роль в этом процессе, так как исходит из высоких ценностей и в состоянии обеспечить эффективность общественного

развития. В нашей истории уже есть примеры того, как в кризисной ситуации либеральные ценности играли положительную роль: достаточно вспомнить эпоху Великих реформ 1860 – 1870-х гг. и февральскую революцию 1917 г., когда Временное правительство пришло к власти, провозглашая именно либеральные ценности [2, 356-359].

Существует и другой, более осторожный нейтрально-выжидательный подход, касающийся общей оценки роли либерализма в условиях нашего общества: "а нужен ли он вообще России?". В его основе заложена до некоторой степени верная, заметим, мысль о том, что «демократия в России не либеральна, а либерализм не демократичен». Не случайно все реформаторские начинания в 80-90-е годы в нашей стране имели идеологическое обоснование в виде призывов к восстановлению и утверждению либеральных ценностей, утраченных за время тоталитарного правления.

Как известно, либеральная доктрина предъявляет определенные требования к характеру проводимых преобразований. По мнению В. Леонтовича, «метод либерализма – это устранение помех личной свободе. Такое устранение не может, однако, принимать форму насильственного переворота или разрушения... Согласно либеральному мировоззрению, необходимо устранять в первую очередь неограниченные полномочия государственной власти... Наоборот, либерализм относится с величайшим уважением к субъективным правам отдельных людей...» [4, 20-21]. Рассмотрим в самом общем виде основные моменты, касающиеся противопоставления и взаимодействия этих двух ведущих инструментов общественного развития.

Эволюция раскрывалась в таких базовых категориях, как «кумуляция» и «насыщение». Так, К. Маркс характеризует понятие «эволюция» лишь как количественные изменения, а понятие «революция», прежде всего, как качественные. Как известно, классический марксизм разработал на основе пресловутого базисно-надстроечного конструирования теоретическое решение острейших проблем человеческого общества путем обязательного перехода к коммунистической формации. Тем самым был выдвинут и предельно однозначно обоснован способ достижения цели в понимании К. Марксом революции, как «локомотива истории». Революция, в марксистском понимании, выступает как объективный процесс и предстает уже не только средством разрешения противоречий, но и **единственной возможностью** преодоления любых форм отчуждения личности в обществе в условиях существующего социального устройства. Разумеется, насилие, в трактовке основоположников марксизма, выступает как временное явление, и его роль в революционном процессе можно рассматривать лишь как катализатор дальнейшего прогресса.

Развивая далее этот пункт в учении К. Маркса, В.И. Ленин не отвергает наличие указанной субъективно обоснованной обусловленности революционного процесса, но интерпретирует «насилие» как теоретический посыл в работах К. Маркса уже иначе. В этом плане на русскую социал-демократию огромное влияние, как мы знаем, оказали работы П.Н. Ткачева, идеолога террористических методов революционной борьбы. Здесь, вероятно, следует искать подтвержденное на практике непоколебимое убеждение, что революции могут и должны быть осуществлены организованной группой лиц насильственно. Революция приобретала, тем самым, антропологическое звучание в теории Ленина.

Таким образом, в истории развития общества реально существуют две противостоящие силы – эволюция и революция. Эволюция и, в известном смысле, революция представляют собой содержание (а революция – и отражение) объективных процессов. Реформа же, наоборот, есть субъективная реакция (определенной личности или группы людей) на объективные процессы, результатом которой является целенаправленная деятельность, ориентированная на позитивные изменения в структуре общества. Такой подход объективно подводит нас к постановке проблемы исторической состоятельности революции как социального явления.

В подтверждение высказанных выше суждений обратимся к статье великого русского мыслителя Н. Бердяева «О политической и социальной революции», написанной в апреле 1917 г. и посвященной ситуации в России в переломный период непосредственно после Февральской революции.

Во вводной части автор так обосновывает необходимость серьезного и ответственного подхода к применению понятий «социальная революция» и «политическая революция»: «В такое время, как наше, многие слова употребляются некритически и без определенного реального содержания. Словесные лозунги соответствуют известным настроениям и потому приобретают силу, но строгого смысла и содержания они могут быть лишены. Сейчас очень злоупотребляют выражениями "политическая" и "социальная" революция и на этом противополжности ориентируют разные точки зрения на происходящий в России переворот. Одни очень настойчиво утверждают, что в России произошла исключительно политическая революция, другие же требуют, чтобы политическая революция была продолжена в сторону социальной и как можно дальше на этом пути зашла. Для тех, которые стоят на второй точке зрения, революция только начинается, она ещё впереди, пройден лишь первый подготовительный этап, за которым должны следовать дальнейшие этапы социально-классовой революционной борьбы» [1, 18-19]. Далее, вскрывая чисто конъюнктурную интерпретацию содержания категории «социальная революция» в программе российских социал-демократов, он отмечает: «Если под выражением "социальная революция" нужно понимать социалистическую революцию, то остается непонятным, как можно по существу буржуазную революцию превратить в социалистическую какими-либо насильственными, диктаторскими мерами, борьбой за политическую власть рабочего класса, не соответствующую его социальному весу в данный исторический момент». По его мнению, «...нужно просто признать, что буржуазная революция есть прогрессивный этап в историческом развитии народов. Сам Маркс признавал за буржуазией в высшей степени прогрессивную и революционную роль в истории. В сущности, буржуазная революция означает национальную, всенародную революцию, момент в исторической судьбе целого народа, в его освобождении и развитии» [1, 19].

Продолжая свою мысль, он дает следующую сопоставительную, оценку происходящих событий и их возможного, но нежелательного развития: «"Буржуазная" революция сейчас в России и есть не классовая, а... всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общегосударственные». А если бы сейчас в России произошла "пролетарская" революция, то она была бы исключительно классовой, антинациональной и антигосударственной и привела бы к насильственной диктатуре, за которой по непреложному закону последовал бы цезаризм» [1, 19-20]. Тем не менее, предвидя подобную перспективу, Н. Бердяев проявляет присущую ему гениальную, на наш взгляд, прозорливость, выразившуюся в следующей предельно откровенной и объективной характеристике сущности и исторической несостоятельности социалистических устремлений.

«В революционном максимализме всегда отсутствует творческий исторический инстинкт, и никогда гений не влечется в эту сторону. И всякий обладающий творческим историческим инстинктом, постигающий судьбу народов, должен признать реакционным срывом все максималистские социалистические течения в нынешний час исторического существования России. ... То стихийное массовое движение, которое именуется у нас социальным, не вдохновляется сейчас идеей социального целого, ... в нем явно преобладают интересы личные и групповые в ущерб целому, в нем ... слишком много корыстного и захватного. ... Но принудительное водворение "Царства Божьего на земле" всегда пахнет кровью, всегда есть злоба и взаимное истребление. В таком максимализме есть глубокая религиозная и моральная ложь, не говоря уже о его социальной и исторической невозможности» [1, 20-22]. И его предвидение, к сожалению, полностью оправдалось.

Таким образом, мы можем рассматривать развитие общественной системы как проявление взаимодействия эволюционных и революционных процессов, в которых реформы занимают совершенно особое положение.

Но здесь, вероятно, следует сделать оговорку о том, что в качестве исходного критерия характера реформ берется в данном случае временной фактор. Именно в этом значении мы часто используем понятие «революция» и производный от него эпитет «революционный» для характеристики тех или иных процессов и явлений. В широком смысле слова мы подразумева-

ем качественный итог относительно длительного процесса позитивных перемен – либо в обществе в целом, либо в отдельных сферах его деятельности. В узком смысле слова, употребляя указанные понятия, мы, как правило, имеем в виду подготовку и проведение группой лиц комплекса кратковременных, по сути, мероприятий, ориентированных, как правило, на насильственную смену политической власти, но опять-таки с возможным изменением общественного строя, т.е. разграничение понятий «социальная революция» или «политическая революция», представляется, на наш взгляд, до некоторой степени, произвольным. Обратимся еще раз к размышлениям Н. Бердяева по этому поводу накануне революционных потрясений.

«... Необходимо напомнить о той выяснившейся окончательно истине, ... что социальная революция в строгом смысле слова вообще невозможна, её никогда не бывало и никогда не будет. В этой области слово **"революция"** можно употреблять только **иносказательно, лишь в очень расширенном смысле.** (Здесь и ниже выделено нами – М.Г.) Так, например, мы говорим, что в XIX веке великие технические изобретения были великой революцией, перевернувшей всю человеческую жизнь. Но по существу нужно сказать, что **возможна лишь социальная эволюция с более или менее ускоренным темпом, возможны лишь социальные реформы более или менее смелые и радикальные.** Заговорами, бунтами, восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной, все это есть лишь накипь. **Насильственные эксперименты, производимые явочным порядком, лишь отбрасывают назад в социальном развитии».**[1, 23-24].

Далее, невозможно рассматривать политические процессы в обществе в отрыве от развития экономики. Политика без экономики – это абстракция, не имеющая ничего общего с реальной жизнью общества. Как некогда образно выразился военный историк А. Керсновский: «Экономика – дочь Политики, Политике принадлежит главная роль. Хорошая экономика при плохой политике – лишь опасный мираж. ... На песке можно выстроить красивое здание, но от этого здания нельзя требовать ни прочности, ни долговечности» [3; 3, 125]. Кстати, приведенная цитата взята из раздела, посвященного состоянию длительного периода пост-петровской России, которое – еще тогда, в 1930-е гг. – было кратко оценено им уже знакомым нам понятием «застой». Следовательно, социально-экономическое положение выступает изначальной предпосылкой необходимости преобразований во всех сферах, и оно же – как конечный результат – является ключевым индикатором эффективности реформы. Политический же фактор, выступая в виде комплекса политических институтов и отношений, играет роль генератора идеи реформы на подготовительном этапе, а затем координирует, корректирует и направляет сам процесс преобразований.

В этой связи возникает вопрос о приоритетности политического и экономического аспектов, при их одновременной взаимосвязи в ходе системной и систематической трансформации общества. При ответе на него отечественные и зарубежные ученые уже не всегда руководствуются устоявшимся «базисно-надстроечным» подходом, отдающим приоритетное значение экономике. Так, например, польский исследователь Збигнев Камецкий в статье «Трудности осуществления экономических реформ» отмечает: **«Хотя политические факторы играли важную роль в начальной стадии осуществления реформы, они стали менее важными, так как политическая ситуация вернулась к нормальной** (здесь и далее выделено нами – М.Г). Это экономические факторы сдерживали возможности реформы. Например, нехватка многого сырья и импортированных товаров вызвали продление центральной системы распределения, которая является полностью противоречащей реформе».[7, 131]. Как видно из приведенной цитаты, точка зрения автора акцентирует внимание только на роли экономических инструментов. Однако далее он, в чем-то противореча сам себе, замечает: «Реформа вводится теми самыми людьми, которые работали в течение многих десятилетий при высокоцентрализованной системе. Некоторые из них были приучены к предоставлению или получению директив или, еще хуже, ожиданию их. Именно эти привычки препятствуют реформе, и они присутствуют на всех уровнях управления... **Осуществление экономической реформы остается политическим обязательством существующего руководства»**

[7, 132]. То есть реформа, фактически, осуществляется политиками, точнее – политическим руководством. Следовательно, при всей важности, по мнению автора, экономических факторов, её эффективность зависит все же от того, насколько быстро органы политической власти избавятся от указанных вредных привычек. Тем самым, вероятно, сам того не желая, З. Камецкий, свидетельствует в пользу приоритетной роли политического аспекта реформ.

Приведем еще один, несколько иной пример подхода к проблеме «политика и/или экономика». Джек Беласяк в статье «Экономическая реформа против политической нормализации», касаясь взаимодействия двух аспектов, пишет во вводной части: «Очевидная напряженность существует между программой экономического оздоровления, основанной на децентрализации, и политической программой “нормализации”, нацеленной на консолидацию власти и гегемонию над обществом. Хотя теоретически возможно отделить экономику от политической власти в централизованно-плановой экономике, историческое свидетельство ... социалистических государств демонстрирует неудачу в том, чтобы достигнуть экономической децентрализации при поддержании политической централизации» [6, 103]. Далее, в разделе «Системные препятствия реформе» он делает ряд весьма существенных, на наш взгляд, замечаний: «Существуют системные препятствия к высвобождению экономического выбора от политического процесса. Это – из-за “сплавленной воедино” природы систем Советского типа, где политическое, и экономические царства являются тесно взаимосвязанными, характеризующимися однопартийным правлением и централизованным распределением ресурсов. ... Унитарная логика системы подразумевает соединение государственного устройства и экономики в форме однопартийного государства с централизованным планированием. ... Точно по этой причине **экономическая реформа становится проблемой не только управления (в экономике) но также и правления (в государственном устройстве).** Эта проблема, в свою очередь, объясняет робость экспериментальной реформы в системах Советского типа» (выделено нами – М.Г.) [6, 105].

Заметим, в этой связи, что подобная система зародилась отнюдь не в прошлом веке, равно как и не только в Европе: «За последние два-три десятилетия востоковедами достаточно обстоятельно изучен открытый в свое время учеными своеобразный социально-экономический и общественный строй стран Востока (с его политической надстройкой – восточной деспотией). ... При всем различии... определений под сущностью этого явления всеми учеными подразумевается одна и та же сумма отличительных черт. ... Ему свойственны жесткая централизация, пирамидальная структура общества и власти, преобладание вертикальных, а не горизонтальных социальных связей, приоритет распределения над свободной торговлей, господство аппарата, засилье бюрократизма, нивелировка личности» [5, 2]. Подобное определение тоталитарной системы – с доминированием политики над экономикой – представляется универсальным во времени и пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев, Н. О политической и социальной революции. – [http:// www.krotov.info/library/02_berdyayev/1918_duorr_01.htm](http://www.krotov.info/library/02_berdyayev/1918_duorr_01.htm)
2. Ильин, В. В. Реформы и контрреформы: циклы модернизационного процесса / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 400 с.
3. Керсновский, А. А. История русской армии. В 4 т. / А. А. Керсновский.. – М.: Голос, 1992 – 1994.
4. Леонтович, В. В. История либерализма в России. 1762 – 1914 / В. В. Леонтович. – М.: Русский путь, 1995. – 445 с.
5. Непомнин, О. Е. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох / О. Е. Непомнин, В.Б. Меньшиков. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 334 с.
6. Jack Bielasiak. Economic Reform Versus Political Normalization – Creditworthiness and Reform in Poland. Western and Polish Perspectives. Ed by Paul Marer & Wlodzimierz Siwinski. – Indiana University Press, 1988. 348 p
7. Zbigniew Kamecki. The Difficulties of Implementing Economic Reforms. – Creditworthiness and Reform in Poland. Western and Polish Perspectives. Ed by Paul Marer & Wlodzimierz Siwinski. – Indiana University Press, 1988. 348 p.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.
T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СИСТЕМЫ КРИТЕРИЕВ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ
СФОРМИРОВАННОСТИ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

**THEORETICAL SUBSTANTIATION OF A SYSTEM OF CRITERIA AND INDICATORS
DESCRIBING EDUCATIONAL COMPETENCES' WELL-FORMEDNESS IN STUDENTS**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-(4217)-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor of Education, Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin Av., Komsomolsk-on-Amur, 681013; tel. 8-4217-53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет» (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8-(4217)-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor, Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1 Vokzalnaya St., ap. 21, Komsomolsk-on-Amur, 681013; tel. 8-421-27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена теоретически обоснованная система критериев и показателей сформированности компетентности обучающихся, позволяющая считать результат, полученный в ходе мониторинга качества обучения, наиболее объективным и достоверным. Описание системы представлено через содержательную характеристику когнитивного, деятельностно-творческого и личностно-смыслового критериев, раскрывающихся рядом показателей и качеств.

Summary. The paper presents a theoretically based system of criteria and indicators characterizing education competence well-formedness in students. In the course of education quality monitoring its results, due to application of such a system, become more objective and reliable. The description of the system is presented through the content characterization of cognitive, practical, operational and functional criteria of action revealing indicators and qualities.

Ключевые слова: качество образования, результаты обучения, образовательные компетентности, критерии, показатели.

Key words: education quality, education results, educational competencies, criteria, indicators.

УДК 159.5(07)

В настоящее время достаточно остро стоит проблема повышения качества образования. Под качеством образования понимается соотношение цели и результата (компетентность учащегося), мера достижения цели. Подходы к методическому обеспечению управления качеством образования и процессом формирования компетентности учащихся ранее опирались на сложившуюся систему субъект-объектных педагогических отношений в воспи-

тании и обучении. В связи с этим применяемые критерии и показатели носили усредненный, уравнилельный характер. Используемый измерительный инструментарий не давал информации о достижениях личности в процессе получения образования и ее развитии, о сформированности компетентностей обучаемого.

Аналитиками образовательного процесса отмечается тенденция, в основе которой лежит следующее положение: современное образование должно стать «антропоцентричным», т.е. центром всех учебно-воспитательных влияний должен стать конкретный обучающийся и, соответственно, все способы и формы организации образовательного пространства должны быть подчинены цели его разностороннего целостного личностного развития, формированию компетентной личности.

Одной из основных образовательных задач является интеллектуальное (умственное) воспитание. Интеллект при этом рассматривается как специфическая форма организации индивидуального ментального (умственного) опыта (М. А. Холодная). Каждый обучающийся обладает своим ментальным опытом, который предопределяет характер его интеллектуальной активности в тех или иных конкретных ситуациях. У каждого учащегося этот опыт различен, поэтому они и различаются по своим интеллектуальным возможностям. Исходя из этого, каждый субъект воспитательной системы нуждается в создании условий, которые будут содействовать максимальному обогащению его ментального опыта и, соответственно, интеллектуальному росту.

Успешность достижения цели (конечного состояния) прямо зависит от знания основных промежуточных состояний и их последовательности. Поэтому процесс управления формированием компетенций обучаемых должен обеспечить прохождение формируемых видов психической деятельности учащихся через основные качественные этапы процесса обучения. Кроме этого, необходимо выделение совокупности контролируемых характеристик на основании целей обучения. Оцениванию подвергаются основные независимые характеристики процесса обучения, совокупное изменение которых приводит к переходу учащегося из одного качественного состояния в другое (из некомпетентного в компетентное). Компетентность обучаемого – категория, отражающая социальный заказ общества на учебно-воспитательную деятельность образовательного учреждения. В условиях перехода к новой философии образования – личностной – актуализируются эмоциональное и социальное развитие учащегося, сформированность у него ценностно-ориентационной сферы. Исходя из этого, педагогическая наука и школьная практика ставят перед собой новую задачу поиска научно обоснованной системы критериев и показателей оценки сформированности компетентностей обучающихся.

Оценивая уровень сформированности компетентностей обучающихся необходимо обращаться не к какому-то одному показателю, а выстроить определенную систему целесообразных критериев и показателей, позволяющих полученный в ходе обследования учащихся результат считать наиболее объективным и достоверным.

Одним из распространенных и традиционных критериев, позволяющих оценить степень сформированности компетентности учащихся, является когнитивный критерий, характеризующийся показателями сформированности компетентностей, отражающими качества знаний учащихся. Знания – это результат духовной и практической деятельности людей, выраженный в системе фактов, представлений, понятий, правил, законов, теорий. Учащиеся в процессе обучения изучают систему знаний из разных научных областей. Освоение научных знаний является результатом процесса обучения. Качество знаний – это целостная совокупность относительно устойчивых свойств знаний, характеризующих результат учебно-познавательной деятельности учащихся. Качество знаний проявляется в их системности как результате осознанности, полноты, систематичности, глубины, конкретности и обобщения. Кроме этого, знания являются качественными, если обладают свойством действенности, проявляющемся в их мобильности, умении применять знания при решении учебных, практи-

ческих задач и задач жизненного характера, а также характеризуются осознанной полнотой и применением в разных ситуациях. Также следует сказать о таком качестве знаний, как прочность, – сохранении их в памяти, зависящем от действенности знаний и их осознанности.

Полноценность знаний учащихся обеспечивается сочетанием действенности, прочности и системности знаний. Такие знания дают возможность ориентироваться в различных ситуациях, представлять образ деятельности, изменять ее план с выходом на новые цели и средства, высказывать оценочные суждения.

Таким образом, качества знаний – это параметры, отражающие цель и результат обучения; форма сохранения информации. Систему качеств знаний образуют: полнота, глубина, конкретность, обобщенность, свернутость, развернутость, системность, систематичность, осознанность, гибкость, оперативность, прочность знаний. Рассмотрим те качества знаний, которые, выступая показателями сформированности компетентностей обучающихся, образуют рассматриваемый когнитивный критерий.

Полнота знаний – это качество, отражающее состав и количество приобретенных знаний. Оно измеряется количеством знаний об определенном объекте или явлении, отраженных в программе.

Глубина знаний – это качество знаний учащихся, приобретаемое в том случае, когда они отражают сущность и законы науки. Чем больше число существенных связей между элементами знания, соотносимыми знаниями и чем они существеннее, тем больше они отражают сущность явлений, тем больше глубина знаний.

Конкретность знаний – это качество знаний обучающихся, которое проявляется в раскрытии обобщенного знания. Все факты и сведения о процессах и явлениях окружающей действительности всегда конкретны, хотя конкретное может осознаваться и на интуитивном уровне.

Обобщенность знаний – это качество знаний учащихся, которое реализуется при подведении данных под общее. Любое обобщение, производимое учащимися, содержит в скрытом для постороннего человека виде систему конкретных знаний, образов, но главное, что необходимо, чтобы для самого познающего субъекта эта система была ясной.

Свернутость знаний – это качество знаний обучающихся, проявляющееся в уплотненном выражении знаний. Данное качество обозначает способность личности выразить знание компактно, но так, чтобы оно представляло видимый результат уплотнения совокупности знаний. Данное качество зависит от цели изложения знаний и конкретных обстоятельств.

Развернутость знаний – это качество знаний учащихся, которое проявляется при раскрытии системы определенных этапов, ведущих к свертыванию, сжатию знаний. Развернутость знаний – одно из условий осознания элементов объекта усвоения.

Системность знаний – это качество, которое предполагает инвариантность роли того или иного знания. Системность предусматривает осознание учащимися знаний по их месту в структуре теории той или иной научной области. Статус каждого знания в определенной теории постоянен и каждое знание занимает в ней свое неизменное место.

Систематичность знаний – это качество, характеризующееся осознанием состава некоторой совокупности знаний, их иерархии и последовательности, т.е. осознание одних знаний как базовых для других, но при определенном, заданном угле зрения на эту совокупность.

Таким образом, когнитивный критерий, позволяющий оценивать степень сформированности компетентности обучающихся, выражается следующими показателями:

- полнотой и глубиной знаний учащихся;
- конкретностью и обобщенностью знаний;
- свернутостью и развернутостью знаний;
- системностью и систематичностью знаний;
- осознанностью и прочностью знаний.

Непосредственно близко примыкающим к когнитивному критерию и показателям его раскрывающим (в системе оценивания уровня сформированности компетентности обучаю-

щихся) является деятельностно-творческий критерий. Данный критерий тесно связан с категорией качества знаний учащихся, но имеет свою специфику. Показателями выраженности данного критерия (уровня сформированности компетентностей) выступают оперативность и гибкость знаний.

Оперативность знаний – это качество знаний обучающихся, характеризуемое количеством ситуаций, в которых человек может использовать данное знание, или количеством способов, с помощью которых он может применить это знание.

Гибкость знаний – это качество знаний учащихся, реализуемое при творческом уровне усвоения, проявляющееся в быстром нахождении вариантов способов применения знания в изменяющейся ситуации. Кроме этого, гибкость знаний подразумевает готовность личности самостоятельно находить способы применения знаний при изменении обстоятельств их применения или различных способов в одной и той же ситуации.

Таким образом, знания отличаются определенными качествами, которые непосредственно связаны с мыслительными операциями. Требования, предъявляемые к обучаемому, в основном заключаются в быстром решении задач, требующих мобилизации памяти, формирования понятий, понимания весьма абстрактных проблем. Подразумевается некоторый уровень развития внимания, памяти, мышления, обеспечивающий возможность приобретать новые знания и эффективно их использовать как в процессе обучения, так и в жизни. При этом мышление и память рассматриваются, прежде всего, как познавательные процессы, а внимание изучается как процесс психической регуляции. Важно выяснить в течение какого промежутка времени учащемуся удастся поддерживать высокую сосредоточенность, как быстро он включается в работу, каков оптимальный темп его деятельности, как влияет на сосредоточение выполнение задач с относительно высокой интеллектуальной нагрузкой.

Однако в настоящее время цель работы образовательного учреждения – формирование творческой, компетентной личности, способной к самовыражению. Следовательно, становится недостаточно оперативности знаний по образцу и конкретности понятий. Выход на новый, творческий уровень ставит задачу осознания своей мыслительной аналитической деятельности, которая дает возможность понять и выделить в ней показатели оценки сформированности компетентностей. То есть из понятия «качества знаний» можно выделить определенные элементы, которые расширяют показатели оценки компетентностей и позволяют проводить диагностику их усвоенности [1].

Становится очевидным говорить не только об определенных качествах знаний, но и об уровнях качества этих знаний (компетентностях), непосредственно связанных с различными видами деятельности личности, которые должны быть освоены. Качества знаний и уровни качества знаний (сформированность компетентности), конкретизирующие и дополняющие их, отражают результат и цель образования. То есть, чтобы оценить уровень сформированности компетентностей учащегося необходимо определить совокупность качеств знаний, без которых невозможно точно обозначить уровни оценки и способы диагностики сформированности компетентностей [2, 26].

В процессе оценки уровня сформированности компетентностей учащихся показателями являются следующие качества знаний, демонстрируемые учащимися:

- знания как таковые характеризуются способностью запоминать и воспроизводить изученный материал, знание употребляемых терминов, конкретных фактов, методов и процедур, основных правил, понятий и принципов, заданных программой; основой данного умения является припоминание соответствующих сведений;

- понимание знаний предполагает способность преобразовывать материал из одной формы выражения в другую, перевод его с одного «языка» на другой; умение интерпретировать изученное (объяснять, разъяснять, кратко излагать, приводить пример); умение предполагать дальнейший ход явлений и событий, т.е. предсказание последующих результатов;

– применение знаний включает в себя способность использовать изученный материал в конкретных условиях и новых ситуациях; умение применять правила, методы, понятия, принципы, законы, теории в конкретных практических ситуациях; данные умения могут реализовываться на трех уровнях: репродуктивном, конструктивном и вариативном;

– анализ знаний – это способность разбить изученный материал на составляющие так, чтобы ясно выступала его структура; умение вычленять части целого, выявлять взаимосвязи между ними, осознавать принцип организации целого, т.е. умение выделять скрытые (неявные) позиции, видеть ошибки и упущения в логике рассуждения, проводить различия между фактами и следствиями, оценивать значимость данных;

– синтез знаний проявляется в способности комбинировать элементы, чтобы получить целое, обладающее новизной, т.е. умение делать сообщение, составлять план действий или совокупность обобщенных связей, что может проявляться как написание творческих работ, разработка плана какой-то творческой работы, использование знаний из разных областей для разрешения той или иной проблемы;

– оценка знаний – это способность учащегося оценивать значение того или иного материала для конкретной цели, причем на основе внутренних (структурных, логических) и внешних (соответствие намеченной цели) параметров, которые могут определяться самим учащимся или задаваться извне.

Таким образом, деятельностно-творческий критерий связан с категорией качества знаний обучающихся и подразумевает под собой владение разнообразными способами деятельности.

Помимо оперативности, гибкости и уровней качества знаний немаловажной составляющей деятельностно-творческого критерия является такой показатель, как уровень развития творческих способностей, необходимых для самореализации личности в познании, труде, различных видах деятельности. Личностью человек становится только тогда, когда начинает самостоятельно выполнять творческую деятельность. Независимо от рода деятельности творческая личность должна обладать такими качествами, как: умение поставить творческую (достойную) цель и подчинить свою деятельность ее достижению, умение планировать и самоконтролировать свою деятельность, умение находить и решать проблемы, составляющие основу цели, умение защищать свои убеждения.

Личностная направленность образовательного процесса определяющим способом влияет на ценности гуманистической педагогической культуры, в качестве которых выступают: не знания, а личностные смыслы учения в жизни ребенка; не отдельные умения и навыки, а индивидуальные особенности, самостоятельная учебная деятельность и жизненный опыт личности; не педагогические требования, а педагогическая поддержка забота, сотрудничество и диалог ученика и учителя; не объем знаний, не количество усвоенной информации, а целостное развитие, саморазвитие и личностный рост ученика [3, 47].

Исходя из этого, следующим критерием оценки сформированности компетентностей обучающихся является личностно-смысловой критерий.

Когда мы говорим о личностно-смысловом критерии, главным становится вопрос о ценностях и мировоззрении личности, особенностях темперамента и характера, системе мотивов, представлениях его о себе, особенностях межличностных отношений. В данном случае понятие «интеллект» и «личность» разводятся. Первое связывается с обучением и теми сложными когнитивными процессами, которые формируются и развиваются благодаря обучению, понятие же личности соотносится с воспитанием. Здесь речь идет о социализации, формировании мотивации, ценностей и убеждений учащихся.

Определенный уровень развития интеллекта является необходимой базой, лежащей в основе способности к обучению, а нормальное функционирование личности и характеристики межличностных отношений формируют те условия, в которых должен реализовываться имеющийся потенциал. Исходя из этого, основными показателями выраженности личностно-

смыслового критерия качества образования учащихся являются: уровень развития регулятивной сферы, уровень соответствия личностных изменений нормам возрастного развития, уровень развития мотивационной сферы.

Современное образование предъявляет высокие требования к сосредоточенности, умению планировать и контролировать свои действия. Учащиеся с отсутствием рефлексии, двигательной и эмоционально расторможенные имеют наибольшие затруднения в обучении. Особенно ярко это проявляется на начальных этапах. По мере взросления детей происходит увеличение самоконтроля, влияние на него психофизиологических причин уменьшается, и ведущими в проблеме самоконтроля становятся факторы, связанные с трудностями личностного развития. История жизни человека есть некоторый опыт, который запечатлен в памяти. Сумма представлений о себе, своих поступках, своем прошлом, идеи о своем будущем составляют основу Я человека. Самооценка – это сложное динамическое личностное образование, личностный параметр умственной деятельности. Самооценка выполняет, прежде всего, регулятивную функцию. Эффективность учебной деятельности младшего школьника зависит не только от системы хорошо усвоенных знаний и владения приемами умственной деятельности, но и от уровня самооценки. Существует тесная связь между успехами, достигнутыми в овладении учебной деятельностью, и развитием личности. Это объясняется тем, что в ней интегрируется то, чего достиг младший школьник, и то, к чему он стремится, т.е. проект будущего.

Несмотря на несовершенство этого проекта, он имеет важное значение в регуляции поведения в целом, в том числе и учебной деятельности. Самооценка лежит в основе наиболее адекватного мотива учебной деятельности – мотива достижения. С самооценкой тесно связано и другое личностное образование – уровень притязаний, который рассматривается как устойчивая потребность в определенной положительной оценке. Высота положительной оценки, в которой нуждается обучающийся, может быть разная. Одних вполне удовлетворяет, когда им говорят, что их работа не хуже других, другие претендуют на оценку выше обычной, третьи – на оценку выше остальных.

Самооценка и связанный с ней уровень притязаний, являясь показателями личностно-смыслового критерия сформированности компетентности обучающихся, позволяют судить о том, как проходит процесс развития личности под влиянием учебной деятельности.

На основе частных самооценок, относящихся к отдельным качествам и конкретным видам деятельности, формируется общая самооценка личности – обобщенное отношение к себе как к индивидуальности в целом.

Самооценка играет важную роль в регуляции деятельности и поведения человека. В зависимости от того, как оцениваются индивидом собственные качества и возможности, он принимает для себя те или иные цели деятельности, формируется то или иное отношение к успехам и неудачам, тот или иной уровень притязаний. Тот или иной уровень притязаний и потребность в достижениях не являются врожденными и формируются в дошкольном детстве. К моменту поступления в школу этот уровень достаточно ярко выражен и определяет индивидуальные особенности поведения и деятельности ребенка, дальнейшее развитие его личности. Учащиеся, имеющие сильно выраженную потребность в достижении успеха, обычно добиваются в учении больших результатов, чем те, у кого развито противоположное стремление – избегать неудач.

Среди всех представлений обучающегося о себе и своих поступках есть как положительные, так и отрицательные. Перевес последних соответственно вызывает определенные затруднения в процессе образования. На учебную успешность это может влиять через ухудшение отношений с одноклассниками, учителями, потерю уверенности, излишнюю концентрацию на собственных переживаниях. Поэтому следует учитывать такие критерии, как уровень и качество представлений учащегося о собственном Я и качество межличностных взаимоотношений.

Кроме этого, в каждом возрасте констатируется совершенно определенный специфический круг задач для личностного роста. Возрастное развитие личности человека рассматривается как закономерное чередование этапов развития. Внутри каждого из этапов происходит накопление некоторых свойств и качеств, которые в дальнейшем требуют новых форм для своей реализации. При этом происходит качественный скачок – переход на новую стадию развития с новыми задачами личностного роста. Если задачи личностного роста на какой-либо стадии не решены или решены не полностью, то возникает ситуация, когда нерешенные проблемы тормозят личностное развитие.

Исходя из вышесказанного, степень выраженности показателей личностно-смыслового критерия можно рассматривать как уровень сформированности Я-концепции. Необходимо, чтобы у обучающегося складывался адекватный, непротиворечивый, позитивный, все более осознанный образ самого себя. Понимание себя должно идти через «отражение» себя в группе сверстников, через осознание своих взаимоотношений, через осознание себя субъектом учебной деятельности, через проигрывание своих социальных ролей.

Еще одним показателем, раскрывающим личностно-смысловой критерий, является особенность взаимоотношений учащегося в группе сверстников. Кроме отношений в группе сверстников, важно учитывать и диагностировать особенности отношений учащегося с педагогами и родителями. Если обучающийся в процессе мониторинга оценивает родителей либо излишне категорично, либо отстраненно, то это свидетельствует о неблагополучии в личностном развитии и в подавляющих случаях будет вести к проблемам в познавательной деятельности, что в итоге и отразится на качестве образования. Все вышеуказанное в некотором роде относится и к взаимоотношениям с педагогами. Как и в любой другой среде, в педагогической среде нередко возникают конфликтные ситуации, в которых человек ведет себя по-разному. Поэтому также важно знать о том, насколько обучающийся осознает меру ответственности за возникновение и разрешение конфликтных взаимоотношений с каждым партнером – взрослым или сверстником.

Исходя из этого, можно выделить следующие показатели сформированности компетентностей обучающихся, содержательно раскрывающие личностно-смысловой критерий:

- уровень и качество представлений о себе и своем месте среди сверстников (в соотношении с реальным положением), уровень самоконтроля, уровень самооценки и уровень притязаний;
- особенности взаимоотношений со сверстниками;
- особенности взаимоотношений с педагогами и родителями.

Следующим показателем сформированности компетентностей учащихся, содержательно раскрывающим личностно-смысловой критерий, можно назвать иерархию мотивов и устойчивость мотивационной сферы.

Мотивация человека многообразна, но для образовательного процесса важна специфическая группа мотивов. Прежде всего, нужно выделить познавательный мотив. Здесь имеется в виду непосредственный познавательный интерес к учебному материалу. Вторым мотивом является мотив достижения успеха. Современная система контроля за успеваемостью обучающегося стимулирует, прежде всего, стремление к получению результата, независимо от того, нравится учащемуся изучаемый материал или нет. Если мотив достижения успеха будет одним из ведущих, то это говорит и может вести к поддержанию высокой успешности в обучении. Кроме этого, мотив достижения успеха играет значимую роль в процессе формирования самооценки и уровня притязаний личности. Также не стоит забывать и о других существенных мотивах, таких, как мотив общения, мотив тревожности и мотив негативного отношения к обучению, поскольку последние два мотива могут блокировать учебную деятельность. Одним из важных моментов здесь является то, что необходимо выяснить иерархию мотивов, как выделенные мотивы соотносятся друг с другом, насколько это соотношение устойчиво, а следовательно, определяет поведение ребенка.

Кроме этого, необходимо сказать об уровне развития эмоциональной сферы и эстетических чувств, что должно проявляться в умении правильно распоряжаться своим эмоциональным состоянием, придавать эмоциональным реакциям рациональную установку; должны быть сформированы предпосылки сложных эстетических чувств: понимание красоты природы и человеческих отношений, творческий подход к собственной деятельности, эстетическая оценка произведений искусства и др.

Таким образом, личностно-смысловой критерий и показатели его раскрывающие подразумевают под собой возможность познания себя, овладение способностью к саморефлексии, т.е. к оценке обучающимся себя, результатов и процесса своей деятельности с учетом оценки других. Кроме этого, данные показатели определяют степень овладения способами саморегуляции, самосовершенствования, нравственного и жизненного самоопределения, сформированность определенной, характерной возрасту личностной позиции. Процесс образования тесно связан с процессом познания окружающего мира, который предполагает решение целого комплекса задач всестороннего и целостного развития личности ребенка. Исходя из этого, личностно-смысловой критерий определяет сформированность представлений о том, как человек должен взаимодействовать с окружающим его миром, каковы основы взаимоотношений между людьми, что называется культурой поведения и как оценивать положительные и отрицательные поступки, что определяет уровень развития инициативного самостоятельного нравственного ценного отношения к окружающим учащегося объектам и людям. Также очень важными в структуре личностно-смыслового критерия содержательно раскрывающими личностно-смысловой критерий являются: уровень культуры взаимоотношений со сверстниками, младшими, взрослыми, сформированность умения рационально организовывать свою жизнь и деятельность, опираясь на первые знания о себе как биологическом и социальном существе, уровень воспитанности любви и уважения к родной стране, ее истории и культуре.

Таким образом, показателями сформированности компетентностей обучающихся, содержательно раскрывающими личностно-смысловой критерий, также являются:

- уровень развития регулятивной сферы;
- особенности формирования Я-концепции;
- уровень и качество межличностных взаимоотношений со сверстниками, родителями и учителями;
- иерархия мотивов и уровень устойчивости мотивационной сферы;
- уровень развития эмоциональной сферы и эстетических чувств.

В целом система оценки компетентностей обучающихся может опираться на систему критериев их оценки содержательно представленную: когнитивным критерием, отражающим степень сформированности представлений личности в различных областях жизнедеятельности; деятельностно-творческим критерием, выявляющим способность действовать в соответствии с имеющимися представлениями; личностно-смысловым критерием, обнаруживающим отношение обучающегося к опыту деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наливайко, Т. Е. Диагностика предметных, коммуникативной и социальной компетентностей обучающихся: моногр. / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 175 с.
2. Наливайко, Т. Е. Диагностика сформированности ключевых компетентностей обучаемых: педагогические возможности и методы оценки / Т. Е. Наливайко, М. В. Шинкорук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 25-31.
3. Кульневич, С. В. Педагогика личности: От концепций до технологий: учеб.-практ. пособие для учителей, кл. рук., студентов, магистрантов и аспирантов пед. учеб. заведений, слушателей ИПК / С. В. Кульневич. – Ростов н/Д.: Учитель, 2001. – 159 с.

Назаренко Н. В.

КОДЕКС КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МАГИСТРАТУРЫ ВУЗА

Назаренко Н. В.

N. V. Nazarenko

КОДЕКС КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МАГИСТРАТУРЫ ВУЗА

THE CORPORATE CULTURE CODE AT UNIVERSIRY MASTER'S PROGRAMS/COURSES

Назаренко Н. В. – аспирант, соискатель учёной степени кандидата педагогических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Хабаровской государственной академии экономики и права (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская 134, факс 8-(4212)-76-54-55; 680018, г. Хабаровск, ул. Полярная д. 4, кв. 107; 8-914-190-14-76. E-mail: mosaleva_n@mail.ru

Mr. N.V.Nazarenko – PhD Candidate (Education Science), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Khabarovsk City State Academy of Economics and Law. 134, Tikhookeanskaja St.; fax: + 7 (4212) 76-54-55; 4, Polyarnaya St., flat 107, city of Khabarovsk, 680018 Russia; 8-914-190-14-76. E-mail: mosaleva_n@mail.ru.

Аннотация. Смена образовательной парадигмы привела к необходимости корректировать либо менять культуру университета, т.е. его *корпоративную культуру*, поскольку «возможно, единственная действительно важная вещь, которую делают руководители – это создают и управляют культурой» [5, 23-27]. В основе корпоративной культуры магистратуры лежат ценности и этические и правовые нормы, прописанные в Корпоративном Кодексе магистратуры.

Summary. The recent change of educational paradigm has led university administrations to the necessity of improving or changing the university corporate culture because “the only really important thing university leaders can do is managing the university by means of culture” [5, p. 23–27]. At the bottom of corporate culture at master’s programs and courses lie the ethical and legal values and norms stipulated in “The Corporate Culture Code for Master’s Faculty and Students” document.

Ключевые слова: корпоративная культура магистратуры, ценности, этические и правовые нормы и соглашения.

Key words: corporate culture at master's programs, values, ethical and legal norms and conventions.

УДК 378

С переходом России к рыночной экономике система образования, ориентированная на плановую экономику, перестала удовлетворять изменившиеся потребности рынка труда. Сегодня работодателю нужен специалист совершенно другого качества, от которого требуются активность, самостоятельность, гибкость, креативность, нестандартность мышления, умение принимать решения, умение общаться, общая и профессиональная культура.

В настоящее время фиксируются изменения в культуре управления, обусловленные процессами реформирования общества. Плодотворная деятельность вуза сегодня, как и успех в бизнесе, по мнению исследователей О. Шкаратана и В. Карачаровского, предполагает высокую степень совместимости *менеджмента организации, стратегии развития и корпоративной культуры* [6, 3-56].

Аналогичное мнение мы находим и в работе учёного-экономиста В. В. Радаева. Основой создания и укрепления имиджа и репутации вуза может служить качественная подготовка специалистов, серьёзная научно-исследовательская работа, наличие корпоративных традиций и узнаваемого образа, т.е. создание собственного «бренда», при этом В. В. Радаев подчёркивает, что *высокая культура и понятие чести внутри профессионального сообщества имеют особую важность* [3, 254-275].

С переходом на двухуровневую систему высшего образования возникает противоречие в деятельности преподавателей вуза, которое характеризуется, по мнению исследователя-педагога О. В. Андомина, закрытостью, индивидуализмом, инертностью, авторитарностью управления и новыми требованиями к образовательной деятельности, основанными на принципах открытости, демократизма, командной работы. В рамках своего диссертационного исследования автор рассматривает андрагогическую модель обучения преподавателей и сотрудников, которая предусматривает активную деятельность по формированию их корпоративной культуры [1].

Педагогические исследования Е. Д. Разумовой основ корпоративной культуры будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки в вузе выявили, что корпоративные ценности являются внутренним стержнем корпоративной культуры, действенным проявлением «коллективного сознания», основой этической среды вуза, которая возникает в ходе совместной деятельности преподавателей и студентов. Система ценностей находит своё отражение в формулировке кредо организации [4]. В исследованиях А. Р. Петросян факультетские традиции рассматривались как средство формирования корпоративной культуры педагогического вуза (см. прим. 1).

Таким образом, в связи с реформированием системы высшего профессионального образования возрастает потребность исследования корпоративной культуры как социокультурного феномена современной эпохи с рассмотрением ценностей, функциональных особенностей, структуры, профессиональной специфики формирования, а в контексте прагматического подхода – возможности и целесообразности её применения как эффективного средства управления вузом.

Культура в рамках прагматического подхода представляет собой одну из подсистем (наряду с технологической, административной), выполняющую функции адаптации организации к окружающей среде и идентификации её сотрудников. В этом смысле данный термин описывает атрибуты группы и представляет собой совокупность поведений, символов, ритуалов и мифов, которые соответствуют разделяемым ценностям, присущим организации. Имеются и другие варианты трактовки феномена корпоративной культуры. Однако общей чертой является то, что эта культура рассматривается как *средство*, которое может быть использовано для эффективной деятельности образовательного учреждения, укрепления её целостности, улучшения механизмов социальной сплочённости работников, повышения их качества и мотивации труда. Здесь корпоративная культура воспринимается как рационально выстроенная подсистема организационной структуры, которая может помочь вузу разрешать возникающие проблемы. Одно из важнейших понятий прагматического подхода – этические и правовые нормы.

Практически все исследователи сходятся во мнении, что корпоративная культура не возникает сама по себе, а является в первую очередь результатом умелого руководства. Однако, по мнению К. Ушакова, возникнув, именно она может быть основой дальнейшего совершенствования управления, основой успешной деятельности образовательного учреждения. Поэтому корпоративная культура может стать как результатом, так и основой эффективного управления, поскольку *возможно, единственная действительно важная вещь, которую делают руководители – это создают и управляют культурой* [5, 23-27].

Цель новой вузовской корпоративной культуры – развивать способности студента принимать нестандартные решения, способствовать овладению студентом модели поведения современного образованного культурного специалиста, востребованного в рыночной экономике, формировать рыночное экономическое мышление. Профессионализм выпускника определяется не столько полученным образованием, сколько теми качествами, которые были у него сформированы в процессе обучения в вузе или другом образовательном учреждении, включая коммуникабельность, ответственность, активность, желание и умение учиться, способность воспринимать *корпоративную культуру*.

В магистратуре как новой зарождающейся школе российского высшего профессионального образования возникает потребность формировать свою корпоративную культуру, основанную на ценностях и нормах магистерского научного сообщества. Этические нормы (корпо-

ративная этика) регулируют поведение людей и подразделений, находят своё отражение в принципах и прописываются в Кодексе корпоративной культуры. Администрация магистратуры, преподаватели, сотрудники и студенты добровольно принимают на себя обязательства по соблюдению принципов, норм и правил делового поведения, установленных в данном Кодексе, который регламентирует главные аспекты корпоративной культуры магистратуры, обязательные для всех субъектов образовательного процесса, включая филиалы и представительства.

Кодекс корпоративной культуры магистратуры вводится с целью её укрепления и развития, повышения уровня мотивации профессорско-преподавательского состава, студентов, сотрудников для обеспечения сознательной поддержки стратегии и основных программ деятельности, направленных на улучшение качества подготовки студентов-магистрантов и повышение престижа вуза в российском и мировом образовательном пространстве, а также направлен на политику «удержания» профессионалов в соответствии с возможностями магистратуры и вуза. Корпоративный Кодекс является основой для принятия управленческих решений, неспособных ущемить интересы членов магистерского сообщества, их права и достоинство. В Кодексе прописываются установленные правила поведения, определённый тип отношений между всеми субъектами образовательного процесса.

Кодекс корпоративной культуры магистратуры разрабатывается на основе общепризнанных принципов и норм законодательства Российской Федерации, а также в соответствии с Уставом вуза и основными учредительными документами. Положения Кодекса могут изменяться и дополняться по решению Совета факультета, Учёного совета (Ректората) вуза согласно вышеперечисленным документам. Кодекс содержит правила и стандарты поведения, распространяемые на всех членов коллектива магистратуры, независимо от занимаемой должности, статуса и местопребывания – как внутри, так и вне вуза. Магистратура вуза вправе уточнять во внутренних документах положения Кодекса применительно к специфике её деятельности, при условии согласования с соответствующими структурами своего вуза (см. прим. 2).

Корпоративная культура магистратуры как культура научного сообщества должна базироваться, на наш взгляд, на таких *принципах*, как академическая добросовестность и честность, интеллектуальная свобода и социальная ответственность, открытость, демократическое и этичное управление, где соблюдение этических норм становится делом чести, уважения достоинства, физической и психической неприкосновенности людей, сохранения лучших университетских традиций и зарождения новых магистерских. Принцип интеграции образования, научных исследований и производства, а также перманентного формирования/изменения/дополнения элементов инновационной корпоративной культуры магистратуры, могут послужить основой осуществления опережающей подготовки магистров мирового уровня. Принцип диверсификации источников финансирования и активный фандрайзинг позволит магистратуре решать свои финансовые вопросы.

Предмет деятельности магистратуры как самостоятельной структуры в вузе и её собственные потребности носят социально-перспективный и общественно-значимый характер. Следовательно, для отражения в миссии и философии магистратуры её факторов внешнего воздействия будет немаловажным наличие в Корпоративном Кодексе положений, касающихся *правовых норм*, констатирующих, что магистратура не приемлет любых видов деятельности, связанных с нарушением законов, в том числе в области трудового законодательства; соблюдает фундаментальные нормы общественной морали, не прибегая к коррупции и мошенничеству; осуществляет конкуренцию на рынке образовательных услуг честными методами, стимулируя инновации, внедряя новые технологии. Кроме того, магистратура защищает интересы профессорско-преподавательского состава, студентов, сотрудников, т.е. всех субъектов образовательного процесса, устанавливает с ними взаимоотношения социального партнёрства, признаёт свою социальную ответственность перед обществом во всех отношениях, а именно: в воздействии на качество жизни, помощи малообеспеченным студентам, заботе о своих пенсионерах и т.д.

Декларируемые миссией фундаментальные ценности, принципы, этические нормы деятельности способствуют формированию профессионального самосознания, устанавливают

сбалансированные взаимоотношения и контакты между сотрудниками и студентами, определяют образцы поведения по отношению друг к другу, объектам корпоративного интереса и задают значимость деятельности магистратуры в социальном аспекте.

Кроме того, наличие морально-этических и ценностно-нормативных устоев среди всех членов магистерского сообщества способствуют формированию и укреплению корпоративного духа, являющегося необходимым условием делового успеха. Формирование корпоративного духа магистерского сообщества во многом зависит от ценностей, этических и правовых норм, а также от традиций и символики магистратуры. Последними должны проникнуться как сотрудники, так и студенты магистратуры. Студент, проникаясь идеалами, признанными его группой (командой), магистерским сообществом, автоматически проникается и идеалами всего вуза.

По окончании магистратуры выпускник входит в самостоятельную творческую жизнь, получив навыки работы в команде. В современном бизнесе очень важно уметь работать в команде (группе), так как успех зависит не только от профессионализма каждого, но и от умения работать вместе, от способности чувствовать партнёров по команде. Следовательно, корпоративный дух вооружает весь персонал и студентов-магистрантов единой системой ценностей, мотивирует на дальнейшее саморазвитие, профессиональный рост и этическое поведение. Корпоративный дух переносит акцент с делового администрирования на духовно направленное управление развитием магистратуры, рассматривающее человеческие ресурсы и соучастие сотрудников в делах магистратуры как необходимое условие её эффективной деятельности [2, 3-10].

В результате разделения ценностно-нормативной системы на всех иерархических уровнях, *приоритетность* корпоративной культуры магистратуры, на наш взгляд, определяют следующие факторы:

1) Сплочённость персонала и создание собственного «фирменного» стиля (ориентация на научные исследования определённого направления; содействие выпускникам-магистрам в трудоустройстве и продолжении научно-исследовательской деятельности, создание условий для стажировки за рубежом для преподавателей и студентов).

2) Стремление к внесению соответствующего вклада в благосостояние общества и поднятие престижа своей магистратуры.

3) Социальная ответственность за поведение, как всего коллектива магистратуры, так и каждого его члена в отдельности, с точки зрения стандартов морали, этики, справедливости и качества.

Этические нормы выполняют жизненно важные для всех субъектов образовательного процесса *функции*, так как они обеспечивают предсказуемое поведение окружающих в различных ситуациях; позволяют стандартно реагировать на ситуации, стабилизируя межличностные отношения всех субъектов образовательного процесса; избавляют работников от неопределённости во взаимодействиях с другими субъектами педагогической деятельности; способствуют организации эффективного осуществления совместной деятельности; создают имидж магистратуры.

Процесс нормообразования является одновременно и механизмом становления и развития неформальных отношений в университете. Принятая, осознанная личностью нравственная норма превращается в мотив поведения, поступков в интересах коллектива и общества в целом. Следовательно, можно сказать, что сформировавшаяся система норм способствует, с одной стороны, росту привлекательности членов образовательной корпорации в отношении их этического поведения, а с другой – усиливает групповое давление в отношении тех, кто в своём поведении отклоняется от принятых норм.

Магистерская корпоративная этика базируется на этосе науки, демократических ценностях и академических свободах и, как нам представляется, должна включать такие элементы, как: внешний вид, культуру манер, соблюдение внутренней дисциплины, межличностное общение со студентами, преподавателями, друзьями, стиль одежды в официальной и неформальной обстановке, форму проведения праздников. Магистратуре, позиционирующей себя как научное сообщество, необходим и *свой стиль* (внешний вид магистранта, его манеры,

речь, стили поведения). В его создании должно принимать участие всё магистерское сообщество. И если он принимается большинством, то может быть записан в Уставе магистратуры. Этот стиль должен пронизывать весь научный, культурный и предметный мир магистратуры, отличающий студентов-магистрантов от студентов-бакалавров своего университета и от студентов других университетов.

Разделяя мнение Н. Л. Яблонскене [7, 8-30], мы полагаем, что корпоративные ценности и нормы (соглашения) с позиции координации образовательным и культурно-воспитательным процессом магистратуры могут формулироваться такими *аспектами*, как:

- предназначение магистратуры и её имидж, куда могут войти такие ценности, как высокий уровень используемых технологий, высокое качество образовательного процесса, лидерство в своей отрасли, преданность духу профессии, новаторство и т.д.;

- старшинство и власть, включающие полномочия, присущие должности или лицу;

- обращение с людьми, выражающееся в проявлении заботы о людях и их нуждах; беспристрастном отношении к подчинённым; привилегиях в отношении отдельных лиц; уважении к индивидуальным правам; возможности обучения и повышения квалификации сотрудников; карьере; справедливости при оплате труда; мотивации людей к качественному труду;

- критерии выбора на руководящие и контролирующие должности, которые могут складываться из должностных приоритетов при внутреннем выборе, эффективности работы того или иного лица, влияния неформальных отношений и групп;

- организация работы и дисциплина, являющиеся, на наш взгляд, основополагающими аспектами формирования корпоративной культуры любого учреждения, в том числе и магистратуры. Руководство магистратуры должно проявлять *гибкость* в изменении ролей при выполнении людьми своих должностных обязанностей или реализации какого-либо проекта, с тем, чтобы не унизить их человеческого достоинства. Следует искать и использовать новые формы организации работы;

- стиль руководства магистратурой мы также относим к одному из важнейших аспектов деятельности магистратуры, от которого зависит жизнедеятельность всей образовательной корпорации, её сплочённость, желание качественно трудиться, создание благоприятного внутреннего климата. Стиль руководства может быть определён как личный пример руководителя, новаторский, консультативный, авторитарный, сотрудничество, гибкость, умение приспособливаться к сложившимся обстоятельствам;

- процессы принятия решений являются не менее важным аспектом, определяющим ценностную основу корпоративной культуры магистратуры, поскольку в зависимости от того, кто принимает решения, с кем проводятся консультации по поводу принятия решений, принимаются решения индивидуально или это обычно коллективное решение, рассматривается ли необходимость согласия лица, в отношении которого принимается решение, допускается ли возможность компромиссов и т.д., формируется один из важнейших элементов корпоративной культуры – *корпоративный дух*;

- распространение и обмен информацией, возможность и доступность обмена информацией является, по нашему мнению, признаком открытости и демократии. Отсутствие возможности обмена информацией, как нам кажется, может стать причиной конфликтов, распрей, непонимания, негативных межличностных отношений. Принципы открытости и демократии рассматриваются нами как ценности магистратуры и её корпоративной культуры, следовательно, соблюдение этих принципов крайне важно;

- характер межличностных контактов, предпочтение личных или письменных контактов, жёсткость или гибкость в использовании установившихся каналов служебного общения; значение, придаваемое формальным аспектам образовательной деятельности; возможность контактов с высшим руководством, проведение собраний, кто и на какие собрания приглашается. Нормы поведения при проведении собраний также являются проявлением межличностных отношений и зависят от тех норм и соглашений, которые прописываются в Корпоративном Кодексе магистратуры;

- пути разрешения конфликтов. Этот аспект может принимать различные формы: желание избежать конфликта и идти на компромисс; предпочтение применения официаль-

ных или неофициальных путей его решения; с участием или без участия высшего руководства в разрешении конфликтных ситуаций и т.д. и, как мы полагаем, зависит от общих ценностей магистерского сообщества и ценностей каждого индивидуума в частности;

– оценка эффективности работы, по нашему мнению, тоже является важным аспектом для каждого члена магистерского сообщества. Однако эта оценка может быть реальной или формальной, скрытой или открытой. Немаловажно знать, кем осуществляется оценка работника (студента) и как используются результаты его труда. Мы уверены, что реальная и открытая оценка труда может служить хорошим стимулом к дальнейшему плодотворному труду, также как и критическая оценка, сделанная в корректной форме. Следовательно, формы оценки труда также могут быть прописаны в Корпоративном Кодексе. Вышеперечисленные положения, на наш взгляд, помогут избежать конфликтов и непонимания в коллективе.

Таким образом, ценности и нормы, составляющие ядро корпоративной культуры магистратуры, прописанные в Корпоративном Кодексе, охватывают все аспекты образовательного процесса магистратуры, способствуют созданию доброжелательного климата среди работников и студентов, взаимопониманию, возможности избегать конфликтов, стимулируют к качественному труду, уважительным межличностным отношениям в коллективе, укреплению корпоративного духа, а также играют важную роль в процессе управления магистратурой (вузом). Следовательно, корпоративная культура, формирующаяся на ценностной основе, может служить одним из эффективных средств совершенствования управления образовательным процессом магистратуры, главной целью которого является повышение качества выпускаемых магистров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андомин, О. В. Формирование корпоративной культуры преподавателей в системе внутривузовского повышения квалификации [Текст] 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук: защищена 25 мая 2010 г. / О. В. Андомин. – Самара, 2010. – 19 с.
2. Куликова, Л. Н. Корпоративный дух образовательного учреждения: сущность, психолого-педагогические основы развития [Текст]: сб. науч. ст. по материалам междунар. научн. конф. Корпоративный дух образовательного учреждения как фактор саморазвития личности / Л. Н. Куликова; под ред. Л. Н. Куликовой. – Хабаровск, 2005. – С. 3-10.
3. Радаев, В. В. Новые формы организации учебного процесса (на примере ГУ – ВШЭ) [Текст] / В. В. Радаев // Вопросы образования. – 2006. – № 1. – С. 254-275.
4. Разумова, Е. Д. Формирование основ корпоративной культуры будущих менеджеров в процессе профессиональной подготовки в вузе [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук: специальность 13.00.08: защищена 26 мая 2008 г. / Е. Д. Разумова. – М., 2008. – 24 с.
5. Ушаков, К. Управление школьной организацией: организационные и человеческие ресурсы [Текст] / К. Ушаков. – М.: Сентябрь, 1995. – С. 23-27.
6. Шкаратан, О. В. Русская трудовая и управленческая культура [Текст]: опыт и исследования в контексте перспектив экономического развития / О. Шкаратан, В. Карачаровский // Мир России, 2002. – № 1. – С. 3-56.
7. Яблонскене, Н. Л. Корпоративная культура современного университета [Текст] / Н. Л. Яблонскене // Университетское управление: практика и анализ. – 2006. – № 2. – С. 8-30.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Петросян, А. Р. Традиции факультета как средство формирования корпоративной культуры педагогического вуза. Электронный ресурс / А. Р. Петросян: дис. канд. пед. наук: 13.00.08 – Теория и методика проф. образования. – Сочи, 2005. – 188 с. – Режим доступа: http://www.milh-partu.ru/_lib/alt/3.html (дата обращения 15.06.2009).
2. Кодекс корпоративной культуры «Сибирского государственного аэрокосмического университета» им. Академика М. Ф. Решетнева. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.sibsau.ru/index.php?option=com_content&task (дата обращения 10.09.2010).

Туркулец И. А.
I. A. Turkulets

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ
ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА»)**

**PHRASEOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE NAMES OF MAGIC OBJECTS
IN THE RUSSIAN FOLKTALE (ILLUSTRATED BY THE OBJECT GROUP
«VEHICLES»)**

Туркулец Иван Алексеевич – ассистент кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680021, г. Хабаровск, 21 ГОС, а/я 1916; 8(4212)40-72-01. E-mail: march-wolf@mail.ru.

Ms.I.A.Turkulets – Assistant Lecturer, Department of the Russian Language, the Far-Eastern State University of Humanities (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 680021, Khabarovsk, 21 GOS, PO box 1916; 8 (4212) 40-71-01. E-mail: march-wolf@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические особенности наименований волшебных предметов (на примере тематической группы «транспортные средства», такие как летучий корабль, сапоги-скороходы, сани-самоходы), фигурирующих в русских народных сказках, их роль в осмыслении мира и метафорические значения.

Summary. The paper deals with phraseological features of the names of magic objects in the Russian folktale (illustrated by the object group «vehicles» such as *the flying ship, the seven-league boots, the self-propelled sled*); it reveals their role in understanding the outworld and their metaphorical meanings.

Ключевые слова: фразеология, сказка, волшебный предмет, летучий корабль, сапоги-скороходы, сани-самоходы.

Key words: phraseological unit, fairy tale, magic object, flying ship, seven-league boots, self-propelled sledge.

УДК 811.161.1.'374

Русская народная сказка – это отражение языковой картины мира народа; как и русскую фразеологию в целом, ее отличает неповторимая образность, богатство содержания, национальный ментальный колорит, поэтический язык и высокая воспитательная направленность («сказка ложь, да в ней намек»).

Весь неоценимый житейский опыт, вся история развития русского народа показана сквозь призму сказочных повествований. В них представлен широкий онтологический аспект. Сказки приобщают к богатейшей русской культуре, к мудрому народному знанию, к родному языку. В сказке добро всегда побеждает зло. В этом состоит, с одной стороны, аксиологический ее аспект (аспект ценностей) и, с другой стороны, праксеологический аспект (регулятивная программа действий, морального выбора и ориентации на добро).

Согласно мнению В. Я. Проппа, бывают различные виды сказок: волшебные, бытовые и сказки о животных. Волшебные сказки занимают в русском фольклоре довольно большое место. Одной из важных особенностей волшебных сказок является использование ее героями волшебных специальных предметов (термин В. Я. Проппа). Это предмет, который обладает определенными фантастическими свойствами, помогающий герою добиться поставленной цели. Использование метода фактического выбора фразеологизмов и анализ трех томов

«Русских народных сказок» А. Н. Афанасьева показал наличие большого числа устойчивых сочетаний в сказках (564 ед.). Условно их можно классифицировать следующим образом:

1. Волшебные помощники (например, *трое из ларца, видимо и невидимо, матушкина куколка* и т.д.).

2. Фразеологизмы-зоонимы (с базовым компонентом «кот», «лиса», «медведь», «волк», «заяц», например: *кот ученый, плутовка-лиса, мишка косолапый, волк – зубами щелк, заяц-побегайка*, к уже названным можно добавить устойчивые сочетания с базовым компонентом «конь» (и образные вариации с ним: *Сивко-Бурко, Конек-Горбунок*), *жар-птицу* (и все, что с компонентом «птица» связано: *птица-голубица, Царевна-Лебедь, гуси-лебеди, Финист Ясный Сокол*), *щуку (рыбу)* – ср. *по щучьему веленью, чудо-юдо-рыба-кит* и т.д.).

3. Фразеологизмы-стихии, отражающие понятия: море, земля, вода, огонь, ветры, бури, металл, камень (*море-окиян, остров Буян, Алатырь камень, мать сыра земля, живая и мертвая вода, молочная река, кисельные берега, буйны ветры* и т.д.).

4. Прецедентные имена (*Иван Царевич, Марья Моревна, Кощей Бессмертный, Баба Яга, Василиса Прекрасная (Премудрая), Кот Котофеич, Лиса Патрикеевна* и т.д.).

5. Фразеологизмы-характеристики (*красна девица, добрый молодец* и т.д.).

6. Волшебные предметы (например, *сапоги-скороходы, кнут-самобой, скатерть-самобранка, серебряная трость* и т.д.).

За пределами данного списка осталось множество образных оборотов, созданных разными стилистическими способами и средствами:

- редупликацией (*диво дивное, чудо чудное* и т.д.);
- антитезой (*утро вечера мудренее*);
- гиперболой (*сила непомерная, бежать со всех ног, пир на весь мир*);
- градацией (*не по дням, по часам, а по минутам*);
- парадоксом (*поди туда, не знаю куда*).

Фразеологизмы в сказках могут возникать на основе метафоры (*согнуть в бараний рог*), метонимии (*пальцем не шевельнуть*), гиперболы (*за тридевять земель*), мейозиса (*капля в море*), сравнения (*как по маслу*).

Однако данную группу, которую условно можно назвать «декоративными устойчивыми выражениями», поскольку они выполняют функцию украшений в тексте, еще предстоит рассмотреть в перспективе более внимательно и подробно.

Следует признать, что фразеология сегодня является одним из активно развивающихся и спорных в науке разделов языкознания. Фразеологизмы трактуются как устойчивые неделимые словосочетания или выражения, которые обладают определенными обособленными значениями и характеризуются набором признаков: метафоричностью, эмоциональностью, экспрессией, оценочностью, целостностью, воспроизводимостью в памяти у большинства носителей языка. Но под такое описание попадает множество языковых единиц, обладающих и целостностью, и устойчивостью, и воспроизводимостью, и всеми другими чертами фразеологизма: идиомы, сращения, выражения, сочетания, крылатые слова, прецедентные имена, цитаты, пословицы, поговорки, трафареты, клише, термины, коллокации и т.п.

В современном языкознании нет единства взглядов на сущность и определение фразеологического оборота как языковой единицы. В науке ведутся многочисленные споры об иерархии признаков фразеологизмов, границах фразеологии, типах устойчивых сочетаний – все это накладывает отпечаток на определения фразеологизма разными учеными.

На сегодняшний день исследователи по-разному решают вопрос и о классификации устойчивых выражений. Существует большое количество классификаций, отражающих различные аспекты семантики и структуры фразеологических единиц: семантическая, структурно-семантическая, контекстологическая, грамматическая, стилистическая и т.д.

На данный момент в науке нет единого мнения о том, что возможно отнести к фразеологическим единицам, а что должно остаться за их рамками. И поэтому фразеологию можно

Туркулец И.А.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМЕТЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА»)

понимать как в «узком», так и в «широком» значении слова. Это мнение было высказано в статье «О структуре фразеологии» С. И. Ожеговым. При узком понимании фразеологического оборота сюда входит фразеологическая единица, а также отдельные слова, с помощью которых происходит построение предложений. При широком понимании во фразеологию входят пословицы, поговорки, крылатые выражения, цитаты из песен и кино, терминологические сочетания, штампы, клише – все то, что воспроизводится в памяти в готовом виде у большинства носителей языка.

Впервые классификацию фразеологизмов во французском языке представил Ш. Балли. Он разделил устойчивые обороты французского языка на три типа: обычные сочетания, возникающие, когда свобода выбора ограничена определенными пределами (например, *тяжелая болезнь*); фразеологические группы, образующиеся тогда, когда два понятия почти сливаются в одно (*одержать победу*); и фразеологические единства, которые обозначают одно неразложимое целое (*очистить место*).

Классификацию Ш. Балли развил академик В. В. Виноградов, который построил ее на основе семантики, рассмотрев близость фразеологических единиц к слову, заметив, что фразеологизмы возникают из свободного сочетания слов, которое употребляется в переносном значении. Постепенно переносность становится привычной, образность стирается, и сочетание приобретает устойчивость. В зависимости от того, насколько стираются номинативные значения компонентов фразеологизма, насколько сильно в них переносное значение, В. В. Виноградов разделил устойчивые сочетания на три типа: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.

1. Фразеологические сращения – это неразложимые, нерасторжимые комплексы, в которых один компонент неизбежно притягивает к себе второй. Для фразеологических сращений характерны: полная немотивированность общего значения фразеологизма (*заморить червячка* – «слегка перекусить»), наличие в составе фразеологизмов слов, которые самостоятельно не употребляются в русском языке (*попасть впросак, точить лясы, бить баклуши*), наличие архаических грамматических форм (*притча во языцех, ничтоже сумняшеся*), отсутствие живых синтаксических связей (*чем свет, шутка сказать*).

2. Фразеологические единства – это образное, мотивированное переосмысление всего словосочетания, которое обладает одновременно и признаками устойчивости, и вариативности (*делать/раздуть из мухи слона, вметать/выносить сор из избы*).

3. Фразеологические сочетания – это выражения, которые одновременно могут восприниматься как в прямом, так и в переносном значениях (*змеиный клубок, осиное гнездо, тихая гавань, ждать у моря погоды*).

Н. М. Шанский предложил выделять четвертый тип фразеологических единиц – «фразеологические выражения». В состав фразеологических выражений, по его мнению, следует включать многочисленные пословицы и поговорки, крылатые выражения.

Широкий подход к фразеологии, на наш взгляд, является более прогрессивным в настоящее время, поскольку охватывает больший объем разнообразных единиц, обладающих признаками воспроизводимости и устойчивости. Он не оставляет за пределами внимания множество устойчивых единиц с разными структурно-семантическими особенностями, не укладывающихся в «прокрустово ложе» удобной, но все же несколько консервативной и строгой типизации В. В. Виноградова. Кроме того, данный подход помогает проследить случаи возможных трансформаций фразеологических единиц в русских народных сказках, то есть пословицы, поговорки, присловья, зачины, которые тоже попадают в поле нашего внимания, поскольку устойчивы, целостны, воспроизводимы в памяти в готовом виде, неразложимы, неоднократно встречаются (повторяются) в сказках, эмоциональны, оценочны, экспрессивны, метафоричны.

Наименования волшебных предметов тематической группы «транспортные средства» в основном можно отнести к фразеологическим сращениям (по классификации В. В. Виноградова), и хотя они очень напоминают двойные наименования типа «диван-кровать», «кон-

ференц-зал», «генерал-лейтенант», в отличие от них – это образные наименования с экстралингвистической прецедентностью: за ними своя история употребления, обеспечивающая им устойчивость и воспроизводимость в мифологических и художественных текстах. Эти сросшиеся словесные комплексы напоминают неразъединимых «сиамских близнецов», настолько в них тесная, нерасторжимая структурная и семантическая связь. Многие из них пишутся через дефис (например, *ковер-самолет, сани-самоходы, сапоги-скороходы*), некоторые подходят под описание фразеологических единств, допускают варианты (*палица богатырская, волшебная палочка, неразменный рубль, летучий корабль*).

В. Я. Пропп считал, что волшебные предметы могут действовать как живые существа и поэтому могут считаться «персонажами».

Приведем неполный перечень наиболее частотных волшебных предметов (последовательность их произвольная): волшебная палочка, скатерть-самобранка, ковер-самолет, дубинка-самобойка, кошелек-самотряс, лук-самострел, меч-кладенец, сапоги-скороходы, топор-саморуб (топор тяп-ляп), шапка-невидимка, неразменный рубль, летучий корабль, гусли-самогуды, огненная сорочка (чудесная рубашка), посошок-перышко, чудесная горошина, клубочек ниток, серебряная трость, наливное яблочко (золотое яичко), молодильные яблоки, кий-бий, кнут-самобой, золотое, серебряное и медное кольца (перстни, в которых заключены три царства), платок или полотенце (ширинка, убрис, хусточка, утиральник), волшебные пальцы (нити, иголки), яйцо с кощевой смертью (игла), избушка на курьих ножках, волшебная ступа и помело, перо жар-птицы («жароптицево перо»), волшебное зеркало, волшебный грешок, волшебный сундук (ларец), печка-кормилица, серебряная трость, палица богатырская и др.

Можно выделить в списке несколько групп: 1) предметы одежды (шапка, рубашка, сапоги, пояс); 2) украшения (кольцо, шпильки); 3) орудия (дубина, клюка, лук, кнут, палка); 4) сосуды (бочки, колодцы, кувшины); 5) части тела животных (волосы, перья, зубы); 6) музыкальные инструменты (свистки, рожки, гусли); 7) различные предметы обихода (огниво, полотенца, щетки, ковры, клубочки, зеркала, книги, карты) и т.д.

По справедливому мнению В. Я. Проппа, одни и те же функции приписываются различным предметам. Так, ковер-самолет и сапоги-скороходы переносят героев по воздуху в нужное место: за тридевять земель, в царство мертвых и т.д.

Мечта об автоматизации и рационализации труда, о быстром передвижении по бескрайним просторам Руси с ее отсутствием каких-либо дорог породила в народной фантазии много волшебных предметов, значительно облегчающих цели героев сказок.

Рассмотрим подробнее некоторые из перечисленных предметов, относящихся к тематической группе, условно названной «транспортные средства»: летучий корабль, сапоги-скороходы, сани-самоходы.

Летучий корабль (волшебный корабль) – волшебное средство передвижения по воздуху. Может изготавливаться при помощи волшебных предметов: топора-саморуба (топора тяп-ляп). Поднимается в небо при помощи заклинаний (волшебных слов). Является воплощением извечной мечты человека о полете, путешествиях в разные миры.

В мифологии корабль – это символ перехода из одного мира в другой, например, лодка Харона. По языческим поверьям, души умерших переправлялись в загробный мир на кораблях или лодках по реке или по морю. Согласно М. М. Маковскому, в индоевропейских языках есть следующая цепочка значений: «двигаться, передвигаться» > «река, вода» (символ спасения, второго рождения) > «душа» («человек») > «новый, свежий» («воскресший к жизни из смерти» или «перешедший к смерти из жизни»). Ср.: тохарское *kolam* «корабль», но прусское *gallan* «смерть», также индоевропейское **nau-* «корабль» и индоевропейское **nau-* «смерть», латинское *amnis* «река» и латинское *anima* «душа» [8, 195].

Изготовить летучий корабль мог тот, кто был способен совладать с волшебным инструментом: топором-самосеком, пилой, рубанком, только чистый душой человек с золотыми руками и сердцем. Так, например, инструменты подчинились в свое время бесхитро-

Туркулец И.А.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМЕТЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА»)

му и доброму Иванушке-дурачку. Другой сказочный персонаж, построивший летучий корабль, был один из семи Симеонов: «Шестой Семен взял топор и – тят да ляп! – построил волшебный корабль. Второй пошел в кузню и сковал золотой убор красоты невиданной. Сели братья на корабль, тот поднялся в небо и полетел в заморские-загорские края. Опустился в тихой пристани, глазастый Семен высмотрел, что сейчас королева одна в саду гуляет, коваль взял свое рукоделье и вместе с вором пошел во дворец убор золотой продавать. Там мамки-няньки и глазом моргнуть не успели, как вор украл королеву и принес ее на корабль» [2, Т. 1, 146].

Интересно, что тематика кораблей и полета до сих пор тесно переплетается семантически. Большой самолет называют лайнером, как и большой пассажирский корабль, или воздушным судном. Кроме того, вышедшая на новый уровень мечта человечества о полете (не просто полет, а полет к звездам) также лексически воплотилась через корабельную тематику: космический корабль, космопорт. Если обратиться к фантастической литературе, то там примеров будет еще больше: космический флот, крейсер, эсминец и т.д.

Сапоги-скороходы (самоходы), или семимильные сапоги, – волшебная обувь, которая фигурирует как в европейских, так и в русских народных сказках.

Герой, надевший такие сапоги, получает возможность передвигаться с большой скоростью: каждый шаг переносит владельца сапог на огромное расстояние (отсюда «семимильные», то есть шаг приравнивается к семи милям). Обычно, когда говорят «миля», подразумевают британскую или американскую милю, которая равна 1,609344 километра (1 километру 609 метрам 344 миллиметрам). Но мало кто знает, что существовала еще старорусская миля, которая равнялась 7 верстам, или 7467,6 метра (около 7,5 километров). Интересно, что верста, менявшаяся в зависимости от числа входящих в нее сажений, в течение некоторого периода была равна 700 сажням. Получается, что сапоги-скороходы преодолевали за один шаг 7*7*700 сажений. Данное наблюдение ведет нас к выводу о доминировании числа 7.

Согласно «Сравнительному словарю мифологической символики в индоевропейских языках» М.М. Маковского, число «семь» – символ высших космических начал, символ интеллектуальности, оно родственно, с одной стороны, древнеисландскому *sefi* «разум» и индоевропейскому **dhem-* «думать», а с другой стороны – *septm- <kseptm <*kes-* «Вселенная» (греч. kos-mos) [8, 388]. Сапоги-скороходы являются аллегорией человеческой мысли, скорость которой так высока, что ее нередко сравнивают с быстротой молнии. Для мысли нет границ и преград. Силой мысли и воображения человек проникает в любые страны и миры. Сапоги-скороходы по мысленному приказу их владельца способны перенести его в любую точку Земли и за ее пределы, а также в царство живых и в царство мертвых, поэтому сапогам-скороходам не являются препятствием огонь, вода, горы, болота, степи. Сапоги опережают звук, они быстрее ветра, летящей песни.

В русских сказках сапоги-скороходы хранятся, как правило, в запортом волшебном ларце.

Относительно этимологии слова «сапог» интересно отметить, что в словарях П. Я. Черных, М. Фасмера, А. Г. Преображенского оно сближается с «сопель», «сопеть», то есть «дудка» и «процесс игры на дудке» соответственно. Изначальное значение слова – «трубка духового инструмента» – обобщилось до «трубка», а затем стало означать «голенщик» и, еще позже, сапог в целом [9, Т. 2, 251; 14, Т. 3, 559; 15, Т. 2, 139].

Сани-самоходы – это волшебные сани, которые передвигаются без тягловой силы: запряженных в них лошадей, оленей, мулов, быков, собак. Это распространенный тип повозки без колес с полозьями.

Сани были древнейшим транспортным средством, развившимся из первоначальной волокуши и употреблявшимся не только в северных, но и в южных странах, например, в Египте. Зачастую санями пользовались в похоронном обряде (Древний Египет, Древняя Русь и др.) и при бракосочетании. Для невесты сани покрывались дорогими коврами, мехами, бархатом, атласом, особым образом украшалась и упряжь.

В допетровской Руси из-за плохих дорог, а также по причине относительной дешевизны саней ими пользовались даже в летнее время. В болотистых и лесистых местах русского севера: Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Костромской губерниях, на санях ездили летом вплоть до начала XX в. В Древней Руси езда на санях считалась более почетной, чем на колесах, отчего сани применялись на всех торжествах, особенно высшими духовными лицами, предпочитавшими их колесным повозкам. Старорусские сани имели вид длинного ящика, узкого спереди, в котором можно было лежать, или напоминали лодку с загнутыми спереди и сзади краями. В сани обычно запрягали лошадь, на которой сидел кучер. Ездили в них обыкновенно по одному, редко по два человека. Женские сани несколько отличались: они были немного шире, имели по сторонам жерди, на которые навешивалось сукно, которым сани закрывались сверху и с боков, чтобы скрыть женщину от ветра и от посторонних глаз.

Интересна этимология слова «сани». Слово «сани» – славянское, заимствованное от славян латышами, венграми и румынами; происходит оно, по мнению П. Я. Черных, от древнерусского «сань», что значит «змея», «дракон» (метафорический перенос по форме: полозья оставляют след, схожий со змеей), ср. также общерусское «полоз» и «полозья». Синонимами саней на Руси были «возила», «дровни», позже «каптана» и «избушка».

Сани до сих пор активно применяются в настоящее время, существуют настоящие сани-самоходы, которые называются аэросанями и двигаются за счет тяги толкающего пропеллера; они используются в полярных и приполярных районах.

Волшебные сани-самоходы фигурируют в сказке «Емеля-дурак», где приводятся в движение фразой-заклинанием «по щучьему веленью, по моему хотенью» (как и топор-саморуб, и даже дрова, которые укладывались сами). Также, по одной из версий, самостоятельно, без тягловой силы, передвигаются волшебные сани Деда Мороза, фразеологизм «сани-самоходы» стал названием повести Алексея Леонова.

Таким образом, можно отметить следующие фразеологические особенности наименований волшебных предметов (*летучий корабль, сапоги-скороходы, сани-самоходы*):

- они соответствуют признакам фразеологической единицы, поскольку образны (метафоричны), неразложимы (целостны), устойчивы, воспроизводимы (фиксируется их регулярное упоминание в сказках);

- в основном, данные фразеологизмы (*сапоги-скороходы, сани-самоходы*) относятся к фразеологическим сращениям (по классификации В. В. Виноградова), поскольку обладают структурной неразложимостью и тесной семантической связью;

- несмотря на большую схожесть с двойными наименованиями типа «диван-кровать», «генерал-лейтенант», фразеологизмы, обозначающие волшебные предметы, нельзя с ними смешивать, поскольку они содержат в себе свернутую информацию о мире, представленную в метафорической форме;

- некоторые из данных фразеологизмов (например, *летучий корабль*) можно отнести к фразеологическим единствам, так как внутренняя связь в них менее тесная и допускает вариативность (*летучий корабль – волшебный корабль*);

- наименования волшебных предметов имеют экстралингвистическую прецедентность, свою историю употребления, что обеспечивает им устойчивость и воспроизводимость в мифологических и художественных текстах.

Волшебные предметы выходили за рамки простой атрибутики. Они выполняли множество стилистических функций:

- были опознавательным знаком положительного или отрицательного героя;
- создавали волшебный (фантастический) колорит повествованию;
- действовали наряду с другими персонажами, становясь практически одушевленными;
- усиливали интерес к повествованию, пробуждали сопереживания к героям;
- являлись отражением чаяний о развитии научно-технического прогресса, желаний облегчить тяжелый крестьянский труд, ратное дело и т.д.;

Туркулец И.А.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМЕТЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА»)

- во многих были репрезентациями наивных мечтаний о достижении лучшей жизни без особых на то усилий, о мгновенных путешествиях на сколь угодно большие расстояния; показывали стремление героев защитить себя, семью, родную землю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Афанасьев, А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М.: Наука, 1985.
3. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
4. Васильев, М. И. Русские сани: историко-этнографическое исследование / М. И. Васильев. – Великий Новгород: НовГУ, 2007.
5. Виноградов, В. В. Грамматическое учение о слова / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
6. Журавлев, А. Ф. Язык и миф / А. Ф. Журавлев. – М., 2005. – 163 с.
7. Лапицкий, А. Н. Фразеологический словарь русского языка / А. Н. Лапицкий, И. В. Федосов. – М.: Юнвес, 2003. – 608 с.
8. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
9. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А. Г. Преображенский. – репродуц. с вып. 1910-1914 годов. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959.
10. Приходько, В. К. Фразеологическая стилистика. Преобразование фразеологизмов в речи / В. К. Приходько. – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. – 283 с.
11. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
12. Сказочная энциклопедия / под общ. ред. Н.В. Будур. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 607 с.
13. Словарь (архаические, диалектные и другие малопонятные слова и выражения) // Былины: в 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – СПб.: Наука; М.: Классика, 2001 –... – (Свод рус. фольклора). Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. – 2001. – С. 583-630.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1967.
15. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.
16. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: URSS, 2012. – 272 с.

Горобец О. Б.
O. B. Gorobets

**ПЕРЕКРЕСТНАЯ ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ИНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРТНЕРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ
СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО «ГСС»)**

**CROSS-EVALUATION OF THE COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF FOREIGN-
CULTURE COMMUNICANTS (USING DATA FROM A SURVEY OF THE PERSONNEL
OF JSC “SUKHOI CIVIL AIRCRAFT”’S BRANCH IN KOMSOMOLSK-ON-AMUR)**

Горобец Ольга Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: olborgor@yandex.ru

Ms.Olga B. Gorobets – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin av. E-mail: olborgor@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой продолжение исследования, первые результаты которого были приведены в ранее опубликованной работе автора «Кросскультурное взаимодействие русских и французов (на материале анкетирования сотрудников филиала ЗАО «Гражданские самолёты Сухого»)». В настоящей статье производится перекрестная сверка данных, полученных в ходе предыдущего анкетирования, и уточняется «коммуникативный портрет» русских и французских сотрудников проекта «Суперджет-100». Проведенное исследование позволяет глубже понять механизмы оценки и самооценки коммуникантов в ходе межкультурного общения.

Summary. The paper continues a study whose results were previously published in an article titled «Cross-cultural interaction between the Russians and the French (based on a survey of personnel working at the Komsomolsk-on-Amur branch of JSC “Sukhoi Civil Aircrafts”)». The present research highlights cross data collation of the previous survey and specifies a “communicative portrait” of Russian and French personnel working at the “Superjet – 100” project. The paper is targeted at providing a deeper understanding of the mechanisms of evaluation and auto-evaluation of communicants in cross-cultural communication.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, оценка и самооценка, перекрестная оценка, коммуникативное поведение, коммуникативный портрет.

Key words: cross-cultural communication, evaluation, auto-evaluation, cross-evaluation, communicative behavior, communicative portrait.

УДК 008.009:39

Исследовательская группа кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета проводит комплексное исследование коммуникативной ситуации, складывающейся в нашем городе в условиях современной глобализации. В частности, данная группа рассматривает социокультурные изменения, возникающие в Комсомольске-на-Амуре в ходе реализации транснационального проекта «Суперджет-100» в филиале закрытого акционерного общества «Гражданские самолёты Сухого» (ЗАО ГСС).

В рамках этого исследования изучается широкий круг вопросов: готовность городских служб Комсомольска-на-Амуре (некогда полностью закрытого для иностранцев) к приёму инокультурных гостей [7]; влияние пребывания иностранцев на социокультурное пространство города [8] и на формирование коммуникативного портрета комсомольчанина [2];

Горобец О. Б.

**ПЕРЕКРЕСТНАЯ ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРТНЕРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО ГСС)**

особенности инокультурной оценки коммуникативного поведения [1; 3]; конфликты и недо-
разумения, возникающие в ходе интерперсональной коммуникации [4], а также другие об-
щие и частные вопросы протекающего в Комсомольске-на-Амуре кросскультурного взаимо-
действия [5; 6].

Несомненный интерес для такого рода исследования представляет анкетирование
иностраных и русских партнеров-участников транснационального проекта «Суперджет-
100». Такое анкетирование может проводиться с самыми различными целями. Например,
нами был проведен опрос русских и французских контактёров с целью определения особен-
ностей межкультурной коммуникации, возникающей между участниками данного проекта, и
выявления того, как коммуникативные партнеры оценивают друг друга [3]. В ходе данного
опроса респондентам было предложено определить коммуникативные характеристики своих
иностраных коллег, указать на трудности в общении, если они есть, и оценить это общение
в целом.

В результате проведенного эксперимента выяснилось, что русские и французы обна-
руживают друг в друге немало общих черт. Так, каждая из сторон приписывает своим ино-
странным партнерам следующие качества: весёлые, готовы болтать о пустяках, но ни о чём
серьёзном, умеют держать дистанцию, избегают конфликтов, прагматичные и рациональные.
При этом французы считают, что русские любопытны, всегда проявляют откровенность и
открытость в общении, обладают непонятным чувством юмора, склонны к пессимизму и
апатии, не показывают в общении ни широкого кругозора, ни образованности. Русские, в
свою очередь, выделяют в своих французских коллегах такие качества, как отзывчивость,
раскованность, самодовольство, широкий кругозор и образованность, прекрасное чувство
юмора, умение всегда мыслить позитивно.

Полученные нами результаты мы представили в виде сводной табл. 1 [3, 30].

Таблица 1

Русские и французы

Коммуникативные черты	Русские, по мнению французов	Французы, по мнению русских
ОБЩИЕ ЧЕРТЫ	Весёлые – 57,1 % Готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном – 100 % Умеют держать дистанцию – 71,4 % Избегают конфликтов – 85,7 % Прагматичные и рациональные – 71,4 %	Весёлые – 85,7 % Готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном – 85,7 % Умеют держать дистанцию – 100 % Избегают конфликтов – 85,7 % Прагматичные и рациональные – 100 %
РАЗЛИЧНЫЕ ЧЕРТЫ	Любопытные – 71,4 % Всегда проявляют откровенность и открытость в общении – 71,4 % Не показывают в общении ни широкого кругозора, ни образованности – 57,1 % Обладают непонятным чувством юмора – 57,1 % Склонны к пессимизму и апатии – 71,4 %	Отзывчивые – 57,1 % Раскованные – 57,1 % Самодовольные – 71,4 % Показывают в общении широкий кругозор и образованность – 71,4 % Обладают прекрасным чувством юмора – 100 % Всегда мыслят позитивно – 100 %

На следующем этапе исследования мы поставили перед собой цель выяснить, как ре-
спонденты оценивают справедливость суждений, высказанных о них противоположной сто-

роной. Для этого мы провели повторное анкетирование участников эксперимента, в ходе которого мы предъявили им характеристики, приписанные каждой из сторон своим оппонентам, и попросили респондентов оценить верность данных оценок по шкале «совершенно верно – частично верно – совершенно неверно».

Результаты повторного анкетирования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Перекрёстная оценка русских

Русские, по мнению французов	Оценка мнения со стороны русских
Весёлые – 57,1 %	Частично верно – 70 %
Готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном – 100 %	Совершенно неверно – 60 %
Умеют держать дистанцию – 71,4 %	Частично верно – 60 %
Избегают конфликтов – 85,7 %	Совершенно верно – 50 % Частично верно – 50 %
Прагматичные и рациональные – 71,4 %	Частично верно – 80 %
Любопытные – 71,4 %	Совершенно верно – 40 % Частично верно – 40 %
Всегда проявляют откровенность и открытость в общении – 71,4 %	Частично верно – 60 %
Не показывают в общении ни широкого кругозора, ни образованности – 57,1 %	Совершенно неверно – 60 %
Обладают непонятным чувством юмора – 57,1 %	Совершенно верно – 40 % Частично верно – 50 %
Склонны к пессимизму и апатии – 71,4 %	Совершенно неверно – 40 % Совершенно верно – 40 %

Что касается менее частотных, порой единичных, характеристик, не включенных в приведенные выше таблицы, то мы всё же должны отметить следующее:

- более чем половина русских респондентов (60 %) совершенно не согласилась с мнением французов о том, что русские неулыбчивы вплоть до мрачности;
- в таком же процентном соотношении (60 %) русские частично согласились с мнением о них как об обидчивых людях;
- подавляющее большинство русских (70 %) признало, что самодовольство частично им присуще;
- по поводу индивидуализма, приписываемого им некоторыми французами, русские высказались хотя и не радикально, но достаточно определенно: голоса разделились между оценками «совершенно верно» (40 %) и «частично верно» (40 %).

Таким образом, оценивая в целом ответы русских респондентов, можно уверенно отметить самокритичность русских. Так, например, оценивая такие явно выигрышные характеристики, данные в их адрес, как умение держать дистанцию, избегать конфликтов, проявлять открытость в общении и т.п., русские соглашались с этим лишь частично. Даже если количе-

Горобец О. Б.

**ПЕРЕКРЕСТНАЯ ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРТНЕРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО ГСС)**

ство русских, согласных с лестным мнением о них, очень высоко (70 – 80 %), степень этого согласия осторожно определяется формулировкой «частично верно» либо балансирует между оценками «совершенно верно» и «частично верно». Некоторые ответы русских респондентов свидетельствуют о неуверенности и колебаниях самооценки. Так, коммуникативная черта «склонны к пессимизму и апатии» в равной степени оценивается русскими как совершенно неверная (40 %) и как совершенно верная (40 %). При этом удивительное единодушие русские респонденты проявили в части оценки их как людей, готовых болтать о пустяках, но ни о чем серьезном, и как людей, не проявляющих в общении ни широкого кругозора, ни образованности: 60 % респондентов решительно не согласились с этим мнением.

Обратимся теперь к оценкам французов (см. табл. 3).

Таблица 3

Перекрёстная оценка французов

Французы, по мнению русских	Оценка мнения со стороны французов
Весёлые – 85,7 %	Совершенно верно – 60 % Частично верно – 40 %
Готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном – 85,7 %	Совершенно верно – 40 % Совершенно неверно – 40 %
Умеют держать дистанцию – 100 %	Совершенно верно – 40 % Частично верно – 60 %
Избегают конфликтов – 85,7 %	Совершенно верно – 80 %
Прагматичные и рациональные – 100 %	Совершенно верно – 80 %
Отзывчивые – 57,1 %	Совершенно верно – 60 % Частично верно – 40 %
Раскованные – 57,1 %	Совершенно верно – 60 % Частично верно – 40 %
Самодовольные – 71,4 %	Частично верно – 100 %
Показывают в общении широкий кругозор и образованность – 71,4 %	Частично верно – 100 %
Обладают прекрасным чувством юмора – 100 %	Совершенно верно – 100 %
Всегда мыслят позитивно – 100 %	Совершенно верно – 40 % Частично верно – 60 %

Из табл. 3 мы видим, что французы охотно признают те положительные качества, которые им приписали русские: оценка «совершенно верно» встречается девять раз на одиннадцать характеристик, причем с процентным разбросом от 40 до 100 %. При этом французам нельзя отказать и в самокритичности (самодовольство признали частично верным качеством 100 % опрошенных). Однако французы не смогли высказать единого мнения по поводу того, что русские считают их готовыми болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном (40 % полагают, что это совершенно верно, 40 % – совершенно неверно).

Что касается менее частотных и единичных характеристик, не включенных в таблицы, то здесь мы имеем всего две позиции:

- 60 % французов совершенно согласны с тем, что они галантные;
- 60 % считают, что мнение о том, что они обидчивые, является частично верным.

Примечательно также, что обе стороны признали стороннее мнение о себе вполне справедливым. А именно, 90 % русских – частично верным, и по 40 % французов – совершенно верным и частично верным. Среди причин недопонимания и те, и другие назвали «недостаточно длительное» и «недостаточно близкое» общение, «ограничение общения производственными рамками», «проблемы с языком общения», «застенчивость, нерешительность». Кроме того, русские указали на «заносчивость» французов и на «отсутствие общих интересов».

Итак, опираясь на результаты нашего предыдущего исследования [3] и сравнивая оценку и самооценку инокультурных коммуникантов, мы можем заключить, что, в целом, эти оценки совпали.

Ранее мы высказывали сомнение в справедливости некоторых оценок [3, 29], однако повторное анкетирование, как мы видим, подтвердило предыдущие результаты. Так, например, мы предполагали, что русские не признают наличие в себе таких качеств, как рационализм и прагматичность. Однако 80 % респондентов с этим, пусть и частично, но согласились! Мы предполагали также, что бытовая неулыбчивость, действительно, характерна для русского коммуникативного поведения, но 60 % русских решительно с этим не согласились. Мы расценивали приписанное французам самодовольство как сдержанность, «обратную сторону регламентированности французского коммуникативного поведения» [3, 29], а 100 % французов частично согласились именно с трактовкой «самодовольные».

Обращает на себя внимание то, как респонденты отнеслись к самооценке интеллектуальных качеств. Все они считают себя умными и глубокими людьми, обладающими широким кругозором и прекрасным чувством юмора. Русские решительно не соглашались с противоположным мнением: только по поводу этих качеств русские респонденты выбрали в шкале оценок позицию «совершенно неверно». Сравним данные табл. 2 и 3. Французы говорят о русских: готовы болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном – 100 %, русские отвечают: совершенно неверно – 60 %; французы о русских: не показывают в общении ни широкого кругозора, ни образованности – 57,1 %, русские о себе: совершенно неверно – 60 %. Как мы видим, процент категорично настроенных русских всё же невысок, тогда как французы демонстрируют большее единодушие и показывают по этим позициям стопроцентные результаты. При этом они признают некоторую поверхностность французского коммуникативного поведения. Так, оценивая мнение о себе как о людях, готовых болтать о пустяках, но ни о чём серьёзном, французы продемонстрировали сомнение: мнения разделились между позициями «совершенно верно» (40 %) и «совершенно неверно» (40 %).

При оценке полученных нами данных, несомненно, следует учитывать, что всех анкетированных связывают, прежде всего, производственные и экономические интересы, которые самым непосредственным образом влияют на качество общения. Участники транснациональных проектов представляют собой особый коммуникативный тип, для которого характерно владение английским языком и западной (американской) бизнес культурой, толерантное отношение к инокультурам. Для коммуниканта подобного типа в общении превалируют деловые интересы, через призму которых он и оценивает своих коммуникативных партнеров. В этой связи оценка и самооценка интеллектуальных качеств сотрудников приобретает важное значение. Деловые партнёры высоко ценят друг в друге и широту кругозора, и чувство юмора. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что, например, финансовая дисциплина и чёткая организация производства, несомненно, займут в этом рейтинге ценностей более значимое положение.

Горобец О. Б.

**ПЕРЕКРЕСТНАЯ ОЦЕНКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ПАРТНЕРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ КОМСОМОЛЬСКОГО-НА-АМУРЕ ФИЛИАЛА ЗАО ГСС)**

Подводя итог данного этапа исследования, мы можем заключить, что:

- во-первых, инооценки и самооценки коммуникантов, практически, совпали;
- во-вторых, респонденты, в большинстве случаев, согласились с высказанным о них мнением;
- в-третьих, самооценка русских респондентов занижена, тогда как самооценка французов высока, но не завышена;
- в-четвёртых, оценка и самооценка коммуникативных качеств участников транснационального проекта определяются их деловыми интересами.

Исследование особенностей коммуникативного поведения инокультурных деловых партнёров, безусловно, способствует успешной межкультурной коммуникации. Понять другую сторону иногда легче, чем понять самого себя, а понять самого себя всегда помогает «взгляд со стороны».

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова, Е. С. Особенности инокультурной оценки коммуникативного поведения (на материале анкетирования русских, американских и итальянских сотрудников Комсомольского-на-Амуре филиала ЗАО «Гражданские самолёты Сухого») / Е. С. Анисимова // Ученые записки КнАГТУ. – № III-2(7). – 2011. – С. 39-45.
2. Анисимова, Е. С. Коммуникативный портрет жителя Комсомольска-на-Амуре глазами иностранцев / Е. С. Анисимова // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2011 г.) / редкол.: И. И. Докучаев (отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 438-441.
3. Горобец, О. Б. Кросскультурное взаимодействие русских и французов (на материале анкетирования сотрудников филиала ЗАО «Гражданские самолёты Сухого») / О. Б. Горобец // Ученые записки КнАГТУ. – № IV-2 (8). – 2011. – С. 26-31.
4. Горобец, О. Б. Недоразумения и конфликты в межкультурной коммуникации: франко-российские контакты на современном Дальнем Востоке / О. Б. Горобец // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2011 г.) / редкол.: И. И. Докучаев (отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 470-473.
5. Горобец, О. Б. Межкультурные и межличностные особенности современной франко-российской коммуникации / О. Б. Горобец // Вопросы культурологии. – № 12. – 2011. – С. 33-39.
6. Горобец, О. Б. Участники транснациональных проектов как коммуникативные партнеры / О. Б. Горобец // Плюрилингвизм и мультилингвизм: проблемы и перспективы развития: материалы международного научного семинара / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Н. Белозеровой. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – С. 110-119.
7. Гуськов, А. В. Устройство быта иностранных специалистов как фактор создания привлекательности региона (на примере Комсомольска-на-Амуре) / А. В. Гуськов // Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения: материалы международной научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19-21 сентября 2011 г.) / редкол.: И. И. Докучаев (отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2011. – С. 26-29.
8. Шушарина, Г. А. Отражение процессов глобализации в языковом и социокультурном пространстве города Комсомольска-на-Амуре / Г. А. Шушарина // Ученые записки КнАГТУ. – № II-2(10). – 2012. – С. 61-65.

Шабашева Е. А.
E. A. Shabasheva

**БИНАРНАЯ АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СЕМАНТИКЕ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ» В РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**BINARY AXIOLOGICAL OPPOSITION IN THE SEMANTICS OF RUSSIAN
AND ENGLISH IDIOMS CONTAINING THE COLOUR COMPONENT «RED»**

Шабашева Евгения Александровна – аспирантка Балтийского федерального университета им. И. Канта (Россия, Калининград). E-mail: shabasheva2008@yandex.ru.

Ms. Evgeniya A. Shabasheva – PhD Candidate, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad). E-mail: shabasheva2008@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается проблема оценочности, содержащейся в семантике фразеологических единиц (ФЕ) с цветовым компонентом в русском и английском языках. Выдвигается гипотеза, согласно которой оценочное значение цветообозначения «красный» представляет собой бинарную аксиологическую оппозицию, наличие которой является универсалией для каждого из исследуемых языков, а заполняемость оценочных смыслов частей оппозиции имеет национальную и культурную специфику.

Summary. The paper focuses on the problem of evaluativeness in the semantic structure of Russian and English colour idioms. The article postulates that the evaluativeness of the colour-term «red» could be represented as a binary axiological opposition. This opposition is a universal phenomenon for both Russian and English languages but the value occupancy of the parts of the opposition is nationally and culturally specific in every language.

Ключевые слова: аксиология, оценочность, фразеология, цветообозначения, бинарная оппозиция.

Key words: axiology, evaluativeness, phraseology, colour terms, binary opposition.

УДК 81'367

Аксиологические исследования, основной предметной областью которых являются понятия ценности и оценки, проводятся в различных гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике. Они служат основой для изучения вопросов мировоззрения, культуры и моделей поведения отдельного человека и целых народов, в рамках определённого исторического периода и социального устройства.

Ценностное отношение к миру является неотъемлемым свойством человеческого сознания. На основе социально обусловленной ценностной картины мира ценностное отношение реализуется в языковых структурах в виде языковой оценки, т.е. оценка является способом отражения системы ценностей в языке.

Описание аксиологической картины мира, системы ценностных ориентиров общества может быть произведено в рамках лингвокультурологического подхода. Изучение культурного концепта как «многомерной сети значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами и речеповеденческими тактиками» [5, 113-114] является способом познания ценностей, отражённых в языке в форме языковой оценки.

Как известно, ценностное отношение имеет место в том случае, когда предмет или явление является объектом положительного или отрицательного интереса субъекта,¹ т. е. мож-

¹ Для данного исследования больший интерес представляет именно разделение оценки именно на положительную и отрицательную, при этом не затрагиваются случаи нулевой оценки, зоны безразличного, когда предмет исключён из сферы интересов субъекта.

Шабашева Е. А.

**БИНАРНАЯ АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

но сказать, что оценка имеет две противопоставленные друг другу области значений – «хорошо» и «плохо», «+» и «-».

Понятия «хорошего» и «плохого» выделяются среди других категорий чрезвычайной разноплановостью своих связей и функций. Оценочное слово имеет отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию или несоответствию норме (существующей или идеальной), вызываемым ощущениям при восприятии объектов (приятному или неприятному).

Исходя из принципа полярности оценки, в нашем исследовании была выдвинута *рабочая гипотеза*, согласно которой оценочное значение цветообозначений может представлять собой бинарную оппозицию, включающую в себя семы положительной и отрицательной оценки (при этом между ними может располагаться зона нейтрального, которая не исследуется в данной работе). Мы полагаем, что бинарная сущность оценки цветообозначений является универсалией для русского и английского языков. Направленность же оценки, заполняемость оценочных смыслов каждого отдельного цветообозначения являются национально-специфичными. Поскольку каждая культура формирует свою уникальную систему ценностей, раскрывается большой потенциал для выявления представленности ценностных ориентаций в языковой картине мира носителей русского и английского языков.

В качестве примера объекта для изучения общего и специфичного в бинарной семантике оценки в двух языках нами были выбраны ФЕ с цветокомпонентом «красный», являющимся одним из наиболее значимых и употребляемых в обеих изучаемых культурах.

При анализе оценки, содержащейся во ФЕ с цветообозначениями, следует учитывать такую особенность оценки в естественном языке, как асимметрия между положительной и отрицательной зонами. Оценочные значения в противоположных зонах во многих случаях не предполагают образования противоположных антонимических пар: «Аксиологическое сравнение не предполагает с необходимостью, что сопоставляемые объекты должны иметь между собой нечто общее» [2, 11].

В русском языке положительная оценочность красного цвета связана с древними значениями этого слова, выражающими различные положительные характеристики [3, 163; 1, 58-67]: «красивый, прекрасный»: *красная девица* – красивая молодая девушка, *красные ворота* – большие красивые ворота (это выражение сохранилось как имя собственное – название остановки метро в Москве), *красный двор* – богатый, красивый двор; так ещё в XIX в. назывался главный большой двор перед фасадом; *Красную жену не в стенку врезать* – не картинка.

Это значение развивается в значение «нарядный, модный, щёгольской»: *красный каблук* (устар.) – щёголь (красные каблуки в VIII в. считались отличительной приметой щёгольского костюма; позднее сочетание «красные каблуки» вошли в поговорку как обозначение «петимеров» – молодых щеголей, озабоченных одними нарядами и светскими успехами (Б.В. Томашевский. Примечания к роману А.С. Пушкина «Арап Петра Великого»), *продавец в красных сапожках ходит* – щеголяет; *Краснее красна не вырядишься. Не всякий умён, кто в красно наряжен*. Как видно из примеров, это значение обладает оттенком пренебрежения, осуждения.

Также архаичным значением цветообозначения «красный» являются:

- «лучший, высшего качества»: *красная рыба* – рыба из семейства осетровых (белуга, осётр, севрюга и др.), самые крупные жирные бескостные сорта рыб, *красный зверь* – зверь наиболее ценный для охотников (медведь, волк, лось, лисица и др.), *красная дичь* – лучшая болотная дичь (пегас, вальдшнеп, глухарь и др.), *красная изба* – чистая, белая, т.е. с трубой, с изразчатой печью и красными, косячатыми (не волоковыми) окнами и рамами, *красная пшеница* – озимая пшеница, которая по своей белизне и нежности предпочитается яровой (кубанке);

- «парадный, праздничный, почётный»: *красный угол* – наиболее почётное, торжественное место в избе (в русских избах красным углом называли внутренний угол дома, где помещались стол и иконы; сюда сажали самых уважаемых и дорогих гостей), *красная доска* – доска почёта с именами и фотографиями лучших производственников, ударников, *красное крыльцо* – переднее, парадное, приёмное; *Просим на избу: красному гостю и красное место! Первому гостю первое место и красная ложка;*

• «богатый, в достатке»: *красная пора* – раздолье, избыток, довольство, *краснование* (диал. Перм.) – счастливая жизнь в достатке; *Жить в добре да в красне хорошо и во сне*.

Положительная оценочность цветообозначения «красный» выражена в русском языке в большом количестве паремий, участвующих в образовании концептуальной области «приятный, правильный, соответствующий ситуации»: *На людях и смерть красна. Не красна изба углами, красна пирогами, хлебосольством. Игра расчётом красна. Весело пожить, а красно умереть. Дело толком красно*.

Цветообозначение «красный» участвует в вербализации концепта «умение хорошо говорить, красноречие»: *красное словцо* – остроумное меткое выражение; яркие выразительные слова, красноречие, *краснослов* 1) (диал. Олон.) – красиво, хорошо говорящий человек, 2) (Волог.) – болтун; *Сказал красно, по избам пошло; а смолчится, себе пригодится. Красно говорит, а слушать нечего. Красную речь красно и слушать. Ради красного словца не пожалеешь и родного отца. Красное словцо не ложь*.

Концептуальное значение «важный, основной» вербализируется в русском языке в следующих ФЕ: *красный день календаря* – праздничный, знаменательный день, *проходить красной нитью* – являться основным, главным, ведущим в чём-либо, насквозь пронизывать что-либо (эта ФЕ, по свидетельству В.М. Мокиенко, является результатом интернационального сотрудничества на «морской» основе. Этот оборот встречается во многих современных европейских языках. С 1776 г. приказ британского адмиралтейства обязывал вплетать во все канаты государственного английского военного флота одну красную нить. Это был знак того, что и сам канат, и судно – государственные, а не частные. Невозможно было отрезать от такого каната ни малейшего кусочка, чтобы это не было обнаружено, «отмотать» же эту красную нить можно было только размотав весь канат [7, 115]).

Красный цвет символизирует огонь, пламя, с чем связано появление ФЕ с отрицательной оценочностью со значением «огонь, пожар, поджог»: *пустить красного петуха* – совершить поджог, устроить пожар, *красный обоз* – о веренице пожарных машин.

Красный цвет также ассоциируется с кровью, кровопролитием. Надо отметить, что в русском языке до XVIII в. такого значения у прилагательного «красный» не было - по всей вероятности, это связано с тем, что в данный период ещё весьма ощутима внутренняя форма этого слова (красный – «красивый, прекрасный»). Логично предположить, что сохраняющееся в семантической структуре слова этимологическое значение «красивый» находится в определённом противоречии с той коннотативной направленностью, которую индуцирует представление о крови, однако по мере формирования у слова «красный» качеств слова-доминанты ряда, главное среди которых – способность передачи некоего абстрактного цветового видения, слово «красный» приобретает этот компонент значения.

Это значение слабо представлено во фразеологии русского языка и может быть обнаружено в сравнительном обороте *красный как кровь* или в сочетании *красная армия* - международное объединение террористических организаций (по ассоциации с кровопролитием, приносимым такими организациями).

В Европе красный цвет получил значение символа восстания народа против тирании монархии начиная с 1789 г. В 1832 и 1848 гг. красный цвет был цветом восставших во Франции и Германии революционных масс, участвовавших в буржуазно-демократической революции. А с 1871 г. после Парижской коммуны красный цвет становится символом пролетарского международного революционного движения. Именно как таковой его принимают русские революционеры, а с 1898 г. красное знамя становится партийным знаменем РСДРП [8, 389]. После Великой Октябрьской революции в России слово «красный» приобрело значение «советский, коммунистический»: *Красная Армия* – название Советской Армии с 1918 по 1946 гг., *красное знамя* – символ пролетарской революции, *красный колтак* - символ революционности (в 1789 г. во Франции острая красная шапка марсельских повстанцев служила символом революционных партий), *красная суббота* – образное наименование субботы, в которую проводился Всесоюзный коммунистический субботник.

Сегодня символику красного цвета используют террористы, революционеры разного толка, коммунисты: террористическая организация «Красная Армия» – в Германии, «Красные бригады» – в Италии, «красные кхмеры» – в Кампучии и т.д. (см. прим. 2).

По результатам социологического опроса, в современном российском обществе преобладает отрицательная оценка деятельности коммунистов (см. прим. 1), так что данное значение цветообозначения «красный» в современном русском языке также можно считать отрицательным.

Физиологически красный цвет среди прочих цветов привлекает внимание человека прежде всего, в связи с чем он используется как знак, предупреждающий об опасности, как знак запрета, тревоги, и, соответственно, вербализует концепт «опасность, тревога, запрет»: *Красная книга* – реестр редких видов животных и растений всего мира, находящихся на грани исчезновения, *зажечь красный свет* – запретить какую-либо деятельность, поставить преграду, *красная карточка* – карточка красного цвета, показывая которую судья предупреждает игрока о нарушении им правил игры и запрещает ему дальнейшую игру.

В русском языке нами также были выявлены поговорки, свидетельствующие о негативном значении красного как цвета, предпочитаемого дураками: *Рад, как дурак, красной шапке. Рад дурак красному. Дурак любит красно, солдат любит ясно.*

Красный цвет в европейской культуре является символом жизненных сил, энергии, мужского начала, это цвет Марса, цвет воинов, мужественности (в древней Ирландии, например, воинов называли «красные» – *Ruadh* (см. прим. 2)). В связи с этим цветообозначение «red» в английском языке объективирует концепт «полный сил, энергичный»: *red-blooded* – spirited and vigorous (воодушевлённый, полный сил).

Цветообозначение «red» также участвует в вербализации концептуальной области «торжественный, праздничный, особый», которая оценивается как положительная: *lay out the red carpet* – welcome someone with considerable ceremony (оказывать кому-либо торжественный приём, «расстелить красный ковёр»), *a red-letter day* – of special significance, memorable (from the convention of marking holy days in red letters in Church calendars) (особый, важный, знаменательный день; первоначально дни церковных праздников в английской культуре отмечались в календаре красным).

Метонимический перенос «красный цвет кожи лица» → «психическое или физиологическое состояние человека» стал основой для образования ФЕ английского языка, участвующих в вербализации таких концептов, как:

- «агрессия, злость»: *to see red* – experience a sudden feeling of anger (разозлиться, разъяриться), *red rag* – something that provides anger (красная тряпка, что-либо, провоцирующее гнев), *to be like a red rag (BrE) a red flag (AmE) to a bull* – to be likely to cause uncontrollable anger (как красная тряпка для быка, быть причиной неконтролируемой злости), *red-faced* – flushed with anger or embarrassment (покрасневший от гнева или смущения), *rednecked (U.S.)* – angry, aggressive (злой, агрессивный), *red-mad (Scots)* – furious (в ярости), *red-wood (Scots)* – furious, mad with rage (вне себя от ярости), *red headed white guy* – a person who gets mad and goes nuts (сумасшедший от злости);

- «пьянство, кутёж»: *to paint the town red* – to have a noisy good time, as by visiting bars, night clubs, etc. (шумно развлекаться, кутить), *Admiral of the Red* – a person who is fond of wine and whose face and nose are red (пьяница), *red flight* – a red flight is when someone drinks red wine and gets drunk to the point where it feels like they're flying in the air (состояние сильного алкогольного опьянения), *red cupper* – a person who spends most of his free time partying and getting drunk («прожигатель жизни», любитель повеселиться и выпить);

- «темпераментный, несдержанный, горячий»: *red-headed* – excitable, impetuous, hot-tempered (возбудимый, темпераментный), *red-headit (Scots)* – fiery-tempered (с взрывным характером, горячий). Здесь можно отметить метафорическое значение прилагательного «red» – свойство раскалённых предметов (имеющих при этом красный цвет или красноватый оттенок) переносится на описание качеств характера человека;

- «смущение, стыд»: *red-faced* – flushed with embarrassment or anger (красный от смущения или злости), *give someone a red face* – to make someone visibly embarrassed (заставить кого-то покраснеть, смутить кого-либо), *one's ears are red* – to be red with embarrassment (застыдиться от смущения).

Красный как символ телесного, земного часто связывается с физической стороной отношений, страстью, сексуальностью и в английском языке вербализует концептуальную область «проституция, страсть, порок»: *red-light district* – a district with a large number of

brothels (район красных фонарей), *red light (red lamp (coll.), red lighter (sl.), red-light joint)* – a brothel (публичный дом), *red lighter (red-light sister) (sl.)* – a prostitute (проститутка), *red hot (red-hot mam(m)a) (sl.)* – an attractive and affectionate young woman (сексапильная страстная молодая женщина), *red in the comb (sl.)* – lustful, passionate (похотливый, страстный).

Во многих культурах, как уже отмечалось, существует связь между огнём и красным цветом. В английском языке эта связь подкрепляется существованием таких выражений как *red-hot* – раскалённый докрасна, *red coals* – красные угли, *fiery red* – огненно красный (ср. также название наиболее популярных в Австралии спичек – «Redheads» – «Красные головки») [12, 315]. Во многих европейских языках красный петух символизирует огонь, пожар: *red cock (Scots)* – a fire set by a fire-raiser (поджёр), *red-cock-crawling (Scots)* – fire-raising (поджёр), *red ruin* – destruction through fire (разрушение вследствие пожара).

Красный также является цветом крови, отсюда очевидно, что цветообозначение «red» вербализирует в английском языке концепт «кровавый, окровавленный», который часто соприкасается с областью «преступный, пойманный на месте преступления»: *red-handed* – 1) having hands red with blood (с окровавленными руками) 2) in the act of committing crime or misdeed (застигнутый на месте преступления), *to catch red-handed* – apprehend someone in the course of wrong-doing (поймать кого-то с поличным, на месте преступления) *red-wat (Scots)* – wet with blood (пропитанный кровью).

Как и во многих языках, в том числе в русском, красный цвет в английском языке символизирует тревогу, запрет, опасность: *red light* – warning signal (сигнал опасности), *red alert* – the final stage of an alert; attack by enemy seems likely (крайняя степень опасности), *red triangle* – a form of danger sign (красный треугольник, форма сигнала об опасности), *Red Data Book* – a compilation published by the U.N. of plant and animal species considered in danger or extinction (Красная книга, список видов животных и растений, находящихся на грани вымирания), *Red List* – a government list of dangerous objects (составляемый правительством список опасных объектов), *red route* – a road in a city of Britain, esp. in London, where all vehicles are forbidden to park (дорога в городе Великобритании, особенно в Лондоне, где запрещено парковаться всем транспортным средствам).

Красный цвет как наиболее яркий и привлекающий внимание использовался в цвете чернил для записей должников, поэтому в английском языке цветообозначение «red» участвует в вербализации концепта «убыточный, в долгах, банкрот»: *be (remain) in the red* – in debt (в долгах), *move into (return to, etc.) the red* – to become overdrawn (стать убыточным, превысить остаток счёта).

С традицией исправлять ошибки, рецензировать текст красным связаны также ФЕ английского языка *to red-pencil* – sensor, correct, etc. with a red pencil, or as if with one (исправлять, подвергать цензуре), *to redline* – cross an item off a list (вычёркивать из списка).

Концепт «коммунистический, революционный» представлен в английском языке следующими ФЕ с компонентом «red» (причём в большинстве своём данные выражения имеют пейоративно-насмешливый характер): *redbaiting* – the act of baiting someone as a red (Communist), often in a malicious way (высмеивание кого-либо за его приверженность коммунизму), *redbaiter* – one who redbait (человек, высмеивающий коммунистов), *better red than dead* – expression used during the Cold War by some people opposed to nuclear weapons, meaning that it would be better to be controlled by a Communist government than to be killed in a nuclear war («лучше быть красным, чем мертвым», выражение, возникшее во время холодной войны и используемое противниками ядерного оружия, означающее, что лучше попасть под власть коммунистического правительства, чем погибнуть в ядерной войне, по принципу «из двух зол выбирают меньшее»).

Для обозначения коренных жителей Северной Америки в английском языке используются расовые термины, указывающие на цвет кожи: *red bones* – indigenous Americans, mostly Cherokees, Seminoles and Fox tribes (коренные американцы, преимущественно из племён Чероки, Семинолы и Фокс), *red nigger* – a derogatory term for an American Indian (оскорбительное название североамериканских индейцев), *red people* – skin color term for a native American or other native of North America (коренные американцы), *redskin* – a North American Indian (североамериканский индеец).

Шабашева Е. А.

**БИНАРНАЯ АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

В результате проведённого анализа можно заключить, что красный цвет, имея бинарную природу в двух исследуемых языках, оценивается как положительный в русскоязычной фразеологии (было выявлено восемь областей положительной оценки («красивый, прекрасный», «нарядный, модный», «лучший, высшего качества», «парадный, праздничный, почётный», «приятный, правильный», «умение хорошо говорить, красноречие», «богатый, в достатке», «важный, значимый») и пять отрицательной («запрет, опасность», «пожар, поджог», «кровавый, кровопролитный», «коммунистический», «предпочитаемый дураками»). В английском языке красный цвет во фразеологии в основном имеет отрицательную оценку, что подтверждается одиннадцатью выявленными областями («агрессия, злость», «пьянство, кулёж», «темпераментный, несдержанный, горячий», «смушение, стыд», «проституция, страсть, порок», «поджог, пожар», «отрицательное отношение к индейцам Северной Америки», «кровавый, окровавленный», «коммунистический», «убыточный, в долгах», «опасность, запрет, тревога»), при том что положительно оцениваемых областей всего две («красота, здоровье, жизненные силы» и «торжественный, праздничный, особый»). Таким образом, красный цвет, являясь одним из основных и значимых в концептуальной картине мира носителей английского и русского языков, имеет различные полюса оценки во фразеологии данных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимпиева, Р. В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. На основе прилагательных-цветообозначений русского языка / Р. В. Алимпиева. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 176 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 5-23.
3. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
4. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1991.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кудрявцев, А. Ю. Англо-русский словарь: справочник табузированной лексики и эвфемизмов / А. Ю. Кудрявцев, Г. Д. Куропаткин. – М.: КОМТ, 1993. – 304 с.
7. Мокиенко, В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1990. – 160 с.
8. Похлебкин, В. В. Словарь международной символики и эмблематики / В. В. Похлебкин. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. – 543 с.
9. Словарь русских народных говоров (СРНГ). Вып. 1-26. – Л.: Наука, 1968-1991; Вып. 27-39. – СПб.: Наука, 1992 – 2005.
10. Ammer, C. Dictionary of Idioms. Boston New York: Houghton Mifflin Company, 1997. – 473 p.
11. Bennett, T. J. A. Aspects of English Colour Collocations and Idioms. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1988. – 301 p.
12. Wierzbicka, A. The Meaning of Colour Terms and the Universals of Seeing // Semantics: Primes and Universals. Oxford-New York: Oxford University Press, 1996. – P. 287-334.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные социологических опросов в России. Режим доступа: <http://bd.torm.ru/report/map/articles/chernyakov/0904020> (дата обращения: 02.06.2011).
2. Обухов, Я. Л. Символика цвета [Электронный ресурс] // Журнал практического психолога. Режим доступа: http://www.zipsites.ru/books/simvolika_tsveta/ (дата обращения: 11.09.2011).
3. Urban Dictionary. Электронный словарь. Режим доступа: <http://urbandictionary.com> (дата обращения: 20.05.2011).

Стеженская Л. В.
L. V. Stezhenskaya

УРОВНИ ПОНЯТИЯ ВЭНЬ В ТРАКТАТЕ ЛЮ СЕ «РЕЗНОЙ ДРАКОН
ЛИТЕРАТУРНОЙ МЫСЛИ»

THE LEVELS OF THE WEN CONCEPT IN LIU XIE'S TREATISE THE LITERARY
MIND AND CARVING OF DRAGONS

Стеженская Лидия Владимировна – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ (г. Москва, ул. Моховая, 11), младший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (г. Москва, Нахимовский пр., 32); 8(903)556-56-17. E-mail: stezh@rambler.ru

Ms. Lydia V. Stezhenskaya — PhD Candidate at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (Moscow, 11, Mokhovaya St.), Junior Research Fellow at the Institute of Far Eastern Studies, the Russian Academy of Sciences (Moscow, 32, Nakhimovsky Av.); tel.: +7 (903) 556 5617. E-mail: stezh@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме конкретизации значения одного из важнейших понятий в китайской философии и литературе – *вэнь* – в средневековом китайском трактате «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли») теоретика литературы Лю Се (465/466 – 520/522). Для выявления случаев различного использования *вэнь* был проведен анализ нескольких глав оригинального текста трактата на древнекитайском языке. Опора на контекст и исследование композиции, как отдельных глав, параграфов, так и словосочетаний позволили наиболее полно раскрыть уровни понятия. Несмотря на то, что трактат посвящен рассмотрению вопросов китайской поэтики, *вэнь* используется автором не только для обозначения литературы, но и еще в нескольких значениях, от «существования» до «цивилизованности».

Summary. This paper deals with the analysis of one of the most important Chinese philosophical and literary concepts - “wen” – as presented in the first Chinese systematic work of literary criticism titled “Wen Xin Diao Long” (“The Literary Mind and the Carving of Dragons”) that was written by a mediaeval literature theorist Liu Xie (465/466 — 520/ 522). The paper author analyses several chapters of the original Classical Chinese text to specify different uses of the concept “wen”. Reliance on the context and analysis of the composition of various chapters, paragraphs and phrases contributed to a deeper understanding of the concept’s levels. Despite the fact that “Wen Xin Diao Long” is a work on poetics, Liu Xie applies the concept “wen” not only to “literature”, but also uses it with some other meanings: from “existence” to “civilization”.

Ключевые слова: резной дракон литературной мысли, Вэнь синь дяо лун, Лю Се, вэнь, китайская поэтика.

Key words: The Literary Mind and the Carving of Dragons, Wen Xin Diao Long, Liu Xie, wen, Chinese poetics.

УДК 82.09

В современном китайском языке иероглиф *вэнь* входит в состав примерно тысячи лексических и фразеологических единиц. В качестве самостоятельной морфемы у него выделяются основные значения узора, культуры, литературы, гражданской службы (в сопоставлении с военной). Кроме того, иероглиф *вэнь* употреблялся в качестве посмертного титула [1, т. 4, с. 58-63]. Иероглиф в своей форме восходит к изображению человека с нанесенным на его тело рисунком [7, с. 21], к переплетению разноцветных нитей [2], тканому узорочью [5], один из его элементов (пересечение линий в нижней части иероглифа), возможно, символизирует ладони рук, сложенные в определенные фигуры во время даосского

ритуала [9, с. 144]. В русском и других европейских языках нет подходящего понятия, покрывающего весь круг значений вэнь, поэтому в своем обобщенном значении чаще всего этот иероглиф остается без перевода, либо переводится одним из частных значений [6].

Поскольку трактат «Вэнь синь дяо лун» посвящен исследованию китайской поэтики, основное значение вэнь в нем не вызывает трудности. Это значение «литература», которое в некоторых случаях может быть переосмыслено также как «культура» [3]. Это не значит, что не остается проблемы конкретизации значения вэнь в тексте трактата в каждом отдельном случае его употребления.

Понятие литературы представлено Лю Се двумя типами или родами сочинений – рифмованных (вэнь) и нерифмованных (би). Об этом говорится, например, в послесловии к трактату: «Когда же [я] стал говорить о вэнь и рассуждать о би, то их отличил и разделил, и начинал с истока [каждой], чтобы показать их конец» [11, т. 2, цз. 10, гл. 50]. Внимание этим типам уделено в первой главе трактата, кратко рассматривающей вопросы исторической эволюции литературы, названной современным Лю Се термином вэньчжан [11, т. 1, цз. 1, с. 2].

Предложенный Лю Се описательный бином вэньби в качестве обозначения литературы самим автором в первых главах не употребляется. Нельзя сказать, чтобы этот термин вообще получил широкое распространение. Напротив, позднее вэнь стал представлять именно прозу, так как вошел в состав сочетания гувэнь – название классической китайской прозы, которая получила большое развитие уже после смерти Лю Се при династиях Тан и Сун (VII – XIII вв.).

Автор также приводит либо реальный, либо стилизованный список жанров литературы: «... для рассуждения (лунь), сказа (шо), слова (цы), предисловия (сюй) общей главой является «Книга перемен» (И [цзин]); для указа (чжао), плана (цэ), благодарственного доклада (чжан), доклада (цзоу) исходным источником является «Книга документов» (Шу [цзин]); для оды (фу), гимна (сун), песни (гэ), похвального слова (цзаны) корнем является «Книга песен» (Ши [цзин]); для надписей на камне (мин), эпитафий (лэй), предупреждений (чжэнь), пожеланий (чжу) объединяющим началом является «Книга ритуала» (Ли [цзин]); для памятных записей (ци), летописей (чжуань), клятв (мэн), объявлений (си) корнем являются «Вёсны и осени» (Чунь цю)» [11, т. 1, цз. 1, с. 22-23]. Однако жанры лишь называются, но не рассматриваются в этом фрагменте. Стоит отметить, что вопросы литературности как качества сочинений в первых главах даются на примере «Чунь цю» и «Шу цзина», т.е. тех канонов, которые, согласно Лю Се, дали начало прозаическим (би), а отнюдь не рифмованным (вэнь) жанрам.

В первой главе приводится обоснование онтологических корней литературы. Появление вэнь названо в трактате «благоденствием» (вэй дэ) [11, т. 1, цз. 1, с. 22-23] Пути-Дао, что подчеркивает значимость этого события. Речь идет об облике, приобретенном мирозданием. Он оказывается парным и раздельным. Это – образ (сян) Неба и форма (син) Земли. Они различаются по цвету (сэ) и абрису (ти) фона, а также по свойствам деталей на этом фоне. Для образа Неба характерны парность, наложенность, подвешенность (вертикальность) дискообразных деталей, броскость, положение наверху; форма Земли представлена неявной, распростертой (горизонтальность) внизу с наличием косых пересекающихся линий множества «гор и рек». В сумме «образы» Неба и «формы» Земли названы дао чжи вэнь [11, т. 1, цз. 1, с. 22-23]. Это – облик мироздания, который в своем переводе мы назвали «узор от Дао», желая остаться в стороне от философских споров о выразимости Дао.

Этот узор уникален и единичен. Он выражает сам способ тварного существования, определяемого Дао. Это первое определение Лю Се для вэнь. Характерными чертами существования является противопоставленность самому себе и сочетание двух своих ипостасей. Такой внутренней противопоставленности нет ни у Неба, ни у Земли. И в этом смысле ни облик Неба, ни облик Земли Лю Се не может назвать композитными «узорами» (вэнь). Эта идея Лю Се находит соответствие в китайском языке. Сочетание дивэнь (узор земли) в нем отсутствует, но есть бином тяньвэнь (небесный узор). Это связано, по-видимому, с парно-

стью «образов» солнца и луны на небе. Лю Се употребляет слово тяньвэнь в первой главе своего трактата, но уже вне контекста данного определения.

Занимая свои места внизу и вверху, два первотворения, Небо и Земля, если бы они обладали зрением, могли бы видеть только своего антипода. С земли видно только сияние, просвечивающее через отверстия небесных тел. С неба можно увидеть только скрывающийся в углублениях рельеф. Эти первопредметы, при взгляде на них, были одновременно и своими эмблемами.

Небо и Земля являются «образцами» для вторичного творения. Это своего рода первоформы или архетипы вещного мира, которые названы здесь «двумя образцами». Создание всех остальных творений Природы уже не сопровождается созданием новых форм, но лишь является копированием «образцов».

Человек не исключается из этого ряда, однако в первой главе он не описан. Его описание приведено в послесловии к трактату: «Человек «обликом (мао) походит на Небо и Землю» [11, т. 2, цз. 10, гл. 50, с. 725]. Черты его внешности двойственны, так как соответствуют «двум образцам». Однако не эта смешанная и потому вторичная внешность, а некое уникальное и единичное свойство, отличающее его от всего сущего, в том числе и «образцов», может позволить человеку на равных войти в активно-творческий триумvirат (сань цай, т.е. Три Начала) с Небом и Землей. Это свойство – «прирожденная разумность» или «прирожденная духовность» (син лин). Так как у «двух образцов» нет средоточия этой разумности – сердца или разума, человеческий разум, оставаясь человеческим, заполняет (ши) еще и места «сердце» «образцов», т.е. становится общим сердцем или, в активном аспекте, мыслью Неба и Земли (тянь ди чжи синь). Лю Се довольно точно указывает на китайскую языковую картину мира. Действительно, сочетания тяньсинь и дисинь обозначают физический центр участка неба или центр (ядро) Земли. Упомянутое иногда «сердце Неба» как его мысль или намерение неизменно является аллегорией «гласа народного».

По естественному своему свойству или предназначению, т.е., как говорит Лю Се, по «пути естественности» (цзы жань чжи дао), мысль, родившаяся в сердце, получает выражение в словах. Когда они высказываются, «проясняется вэнь». По строю фразы мы понимаем, что проясняется вэнь речей или, скорее всего, отдельных слов. Это второе определение сблизается по своей сути с понятием словесного знака в семиотике. Звуковая сторона (янь) и мысль-смысл (синь) этого вэнь весьма близки определению «знаковой сущности слова», представленной в прочной и неразрывной связи между его «внешней (звуковой) и внутренней (смысловой) сторонами»: «При определении знаковой сущности слова необходимо принимать во внимание ту прочную и неразрывную связь между внешней (звуковой) и внутренней (смысловой) сторонами, которая является определяющим моментом не только для существования и функционирования самого словесного знака, но также необходима для возникновения и закрепления в языке его новых значений» [8, с. 128]. Однако главное соответствие видится в том, что как многозначное (одна звуковая форма – несколько смыслов) слово становится однозначным в конкретном выражении, так и вэнь «проясняется» только в высказывании. Свойство знаковости вэнь определено как естественное: «Сердце подумает, а речь скажет; слова выскажутся, и словесный знак-вэнь прояснится. [Это] есть путь естества» [11, т. 1, цз. 1, гл. 1, с. 1].

Второе определение вэнь является конкретизацией первого «архетипического» определения в области человеческого языка или речи. Парности мирового «узора» соответствует наличие в словесном знаке неразрывных мыслей (синь) и их звуковых выражений (янь), т.е. гласно-смысловой облик слова. Тезис, что «всё вокруг» что-то «означает», т.е. способно отсылать к другому смыслу (вэнь в глагольной функции) доказывается в следующем параграфе на примере истолкования в языке окраса «благородных» животных. Узор дракона и феникса отсылают к благой вести, а раскраска барсов и тигров – к прекрасным качествам добродетельного человека. Далее Лю Се на сопоставлении природных картин и работы художников и вышивальщиц продолжает свою иллюстрацию, но подготавливает третье определение –

вэнь как гармония звуков в противопоставлении чжан как композиции зрительных форм или тел: «Возьмем теперь звуки леса, которые сплетаются воедино, как звуки свирелей и гуслей, [или] бурное течение источника по камешкам, гармоничное, как звуки гонгов и колоколов. Получается, что когда формы устанавливаются, образуется [их] узор (чжан); когда звуки исторгаются, рождается [их] созвучие (вэнь)» [11, т. 1, цз. 1, гл. 1, с. 1-2].

Используя зрительные образы облаков, причудливо играющих цветами в лучах солнца, и многоцветья растений, он показывает, что и они имеют естественное происхождение, так как по своим качествам недоступны для искусственного исполнения и лишены свойственного искусственному производству целеполагания. Примеры природных явлений и их представлений в искусстве напоминают нам о втором определении вэнь как отражении мира в языке. Человеческая деятельность по созданию параллельной реальности дополняется искусствами. Однако они не способны достичь виртуозности природы.

Эта тема не развивается Лю Се, поэтому и мы не станем уделять ей много внимания и ограничимся только кратким замечанием. Изобразительное искусство представлено индивидуальным творчеством, а новый уровень реализации вэнь ниже будет связан автором с «коллективным» производством «композиций» и «гармоний». Коллективное творчество лишено также целеполагания индивидуального творчества. Трудно судить, есть ли здесь намек на даосизм Лю Се, скорее, содержание первых глав трактата указывает, что предназначением человечества является осуществление идеалов учения Конфуция.

В центре внимания Лю Се лежит способность предметов природного мира к созданию различных «сочетаний». Он связывает ее с обладанием предметами «формами» (син) и «звуками» (шэн). Сочетание видимых «форм» создает узор чжан. Сочетание звуков рождает их созвучие (вэнь). На риторический вопрос автора, могут ли разумные люди совместно создавать такие же «комбинации», можно дать только положительный ответ.

За рамками обсуждения у Лю Се остается вопрос, почему исторгается (фа) звук (шэн). Эта часть рассуждения, по-видимому, опущена Лю Се в связи с ее банальностью и полной ясностью для его современников. После приведенных автором примеров не остается сомнения, что звук рождается из физического контакта предметов. Наглядное объяснение исторжения звука из человеческого сердца в результате волнения (дун) индивидуальной человеческой природы (син) как реакции на столкновение с внешними предметами (у) содержится, например, в рассуждении Сыма Цяня о происхождении музыки [12, т. 2, цз. 24, с. 407; 4, т. 4, гл. 24, с. 73].

Ниже природным комбинациям противопоставляются «человеческие вэнь» (жэнь вэнь). Лю Се в составе этого бинама предлагает четвертое определение вэнь как цивилизованности. Отметим, что это и все последующие определения даются в порядке, прямо противоположном определениям предыдущим. Определения вэнь из мира природы служат выводом из предшествующих примеров. Определения вэнь из мира людей заявляются как тезис, который затем не эксплицируется, а разворачивается на примерах.

Чтобы сохранить связность изложения оригинала и подчеркнуть отсылку от термина жэнь вэнь к вэнь-созвучию, в переводе «человеческие вэнь» можно было бы назвать «человеческими согласиями», и именно во множественном числе. Это – договоренности по различным предметам, условности поведения и т.д. Вэнь в этом устойчивом сочетании имеет значение культурных начатков, т.е. понимается широко как действия, представления, порядки или манеры. Его употребление в тексте сразу после «созвучия» стилистически мотивировано, по-видимому, близким понятием церемониальности (ли вэнь), которому, в свою очередь, близок бинюэ (ритуал и музыка). Хотя речь здесь идет о «хоре», но это не певческий хор, а хор мнений, который создает общие понятия человечества.

При переходе к новым определениям вэнь становится заметно, как автор снимает некоторые ограничения предшествующих определений. Из текста мы понимаем, что природные объекты могут взаимодействовать либо «формами», либо «звуками». Поэтому природные сочетания возможны либо в зрительной области как чжан (узор), либо в звуковой как

вэнь (созвучие). Сочетания «формы» одного предмета и «звука» другого предмета, по-видимому, невозможны. Как невозможен и их переход друг в друга – вид леса не передает его шума, а шум не передает его вида. Эта природная категориальная разделенность преодолевается в сфере «человеческих согласий».

Понятие литературы вводится явочным порядком, т.е. она просто называется вэньчжан, а затем идет перечисление ее признаков. Примечательно, что пятое определение не может быть отнесено к одному иероглифу вэнь, но является биномом, т.е. двусловием, между частями которого невозможно без изменения смысла поставить служебное слово чжи или сочинительный союз.

Однако это не последнее определение, поэтому, оставаясь весьма важным, оно показывает пиковость и центральность предыдущего понятия цивилизации. К нему и от него идут все определения. Бином вэньчжан содержит наглядную отсылку к заранее вводимым автором природным комбинациям звуков (вэнь) и форм (чжан), но не имеет их категориальной разобщенности. Это синтетическое понятие должно включать и письменный текст, так как письменность уже была упомянута выше. Кроме того, далее содержится намек на производство премудрыми письменных текстов (фу чжан).

Литература рассматривается внутри отдельных эпох: Яо-Шуня, Ся, Шан-Чжоу и собственно Чжоу. Между литературами разных эпох наблюдаются различия. Неизменным остается упоминание среди творцов литературы разных эпох государей и подданных, а также упоминание в составе литературы поэзии и прозы.

Рождение литературы Лю Се связывает с Шунем и его советниками. «Во времена же Яо и Шуня литература-вэньчжан проявилась в начале своего расцвета. [Если] глава воспевается, [то] устремление к пению уже появилось; «И цзи» излагает планы, [поэтому] от нее также пошел и стиль обращения [к правителю] с докладом. Затем возвысился дом Ся, добродетели его были высоки и заслуги его были велики. Порядок девяти [достижений] был воспет, подвиги и добродетели дополнились расцветкой» [11, т. 1, цз. 1, гл. 1, с. 2].

В конце главы «И цзи» «Книги преданий» сообщается, что Шунь повелел создать песню на свои слова, в которой «глава» (правитель) упоминался после «ног и рук» (помощников). Мудрый и честный советник Гаояо указал на «непоследовательность» такого порядка. Текст был исправлен, и с этими исправлениями согласился мудрый император [10, с. 89-90].

Достаточным свидетельством появления собственно литературы, по мнению Лю Се, является устремление (чжи) к пению или речитативу (нянь юн). Он тут же указывает и на начало прозы (конкретно, докладов), отсылая читателя к стилю (фэн) обращений советника или советников (Гаояо и, возможно, Юя) к императору Шуню. То есть дает ретроспективное доказательство, исходя из современной ему жанровой ситуации в литературе. В поэзии первой китайской династии Ся упомянуты политическая (мироустроительная) тематика в воспевании императором «девяти достижений» [11, т. 1, цз. 1, гл. 1, с. 2].

Описание литературы эпохи Шан-Чжоу дает Лю Се возможность дать еще одно, двойственное определение понятия вэнь, т.е. по сути, шестое и седьмое определения вэнь вместе. Лю Се говорит, что ко времени Шан и Чжоу «вэнь шэн ци чжи» [11, т. 1, цз. 1, гл. 1, с. 2]. Эта фраза с учетом ее лексики и сложившихся коннотаций может иметь довольно много прочтений. На этой многозначности, считаем мы, и построено совмещение двух новых определений, данных Лю Се в явной и скрытой формах. Шестое прямое определение вводит понятие поэзии. Представленная фраза в нашем прочтении звучит так: «Ко времени Шан-Чжоу поэзия стала под стать своему существу, оды и гимны [старались] быть вровень друг другу, цвет одних и блеск других обновлялись с каждым днем». Занимая в неразложимом биноме вэньчжан место, соотносимое, по определению Лю Се, с родовой категорией ритмизованной литературы, в данном параграфе вэнь раскрывается как жанровая двойственность од и гимнов. Предыдущим эпохам, наоборот, свойственна родовая моножанровость литературы «песен» (гэ) и «представлений» (мо).

Если обратиться к «существу» (чжи) поэзии-вэнь, то она в прежние эпохи представлена творениями государей. Подданные говорили в той литературе прозой. Следовательно, ни внутри поэзии, ни внутри прозы не было настоящего «согласия» (вэнь), литературные роды оставались разобщенными. В эпоху Шан-Чжоу поэзия-вэнь смогла достичь своей сути (чжи), которой является «созвучие» или человеческое «согласие» (вэнь), преодолев свою прежнюю родовую разобщенность между правителем и подданным.

Новое определение отражает в двойственности жанров поэзии парадигму «правитель-подданный». Но она оказывается несколько расшатанной, в смысле своей «непоследовательности». Первыми указаны оды, созданные, как известно, придворными сановниками. И только вторыми во фразе идут гимны, исполнявшиеся в родовых храмах правителей по официальным ритуальным поводам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь. В 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984.
2. Голыгина, К. И. Определение изящной словесности – вэнь в средневековой китайской теории литературы // Историко-филологические исследования: вып. 2. – М., 1972.
3. Захарьин, А. Б. Формирование концепции «культура» (вэнь) в Древнем Китае: автореф. канд. дис. – М., 2002.
4. Исторические записки. Т. 4 / пер. Р. В. Вяткина. – М.: Восточная литература, 1986.
5. Китайская философия: словарь / под общ. ред. А. И. Кобзева. – М.: Академический Проект; Культура, 2008.
6. Крюков, В. М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу / В. М. Крюков. – М.: Памятники исторической мысли, 2000.
7. Лисевич, И. С. Литературная мысль Китая: На рубеже древности и средних веков / И. С. Лисевич. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979.
8. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / под ред. Б. А. Серебренникова. – М., 1970.
9. Серова, С. А. К проблеме понятия вэнь («культура») // Общество и государство в Китае: XXXVIII науч. конф. ИВ РАН. – М.: Восточная литература, 2008. – С. 144.
10. The Chinese Classics: In five volumes / with a translation... by James Legge. Vol. III: The Shoo King. – Taipei: SMC Publishing Inc., 1991.
11. Вэнь синь дяо лун чжу. Фань Вэньлань чжу (Трактат «Вэнь синь дяо лун» с комментариями Фань Вэньланя). В 2 т. – Пекин, 1958.
12. Ши цзи (Цюань ши цэ) («Исторические записки» (Полное собрание в десяти томах)). – Чжунхуа шуцзюй, 1959.

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ Э. ГУССЕРЛЯ И ЭСТЕТИКА ДРУГОГО М.М. БАХТИНА

PHENOMENOLOGY OF E. HUSSERL INTERSUBJECTIVITY AND AESTHETICS OF THE "OTHER EGO" OF M.M. BAKHTIN

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokuchaev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается теория феноменологического конституирования «другого Я», сопоставляется концепция «аналогизирующей аппрезентации» Э. Гуссерля и эстетика «другого Я» М.М. Бахтина. Делается вывод об их взаимной дополнительности в решении проблемы.

Summary. In the article is considered the phenomenological theory of the constitution of the "other ego", compared the concept of "analogical appraesentation" of E. Husserl and the aesthetics of the "other ego" of M.M. Bakhtin. The author make a conclusion, that these concepts are complementary.

Ключевые слова: Феноменология, интерсубъективность, эстетика, «другое Я», Э. Гуссерль, М.М. Бахтин.

Key words: Phenomenology, intersubjectivity, aesthetics, the "other ego", E. Husserl, M.M. Bakhtin.

УДК 303.01

1. У М.М. Бахтина и Э. Гуссерля много общего. Прежде всего - это основной способ устройства первой философии: гуссерлев феномен и бахтинское событие - основные ее элементы, каждый в соответствующей концепции - существенно близки. "Событие бытия есть понятие феноменологическое, ибо живому сознанию бытие является как событие и как в событии оно действенно в нем ориентируется и живет" - так устанавливает связь с феноменологией своего основного понятия сам русский мыслитель¹. Гуссерлев феномен, как известно, есть корреляция некоторого предметного смысла и способа его конституирования, то есть деятельности сознания по организации его как существующего, актуализации необходимых для этого смыслов сферы чистой субъективности. Деятельность эта в каждом своем акте есть, конечно, единичное событие в смысле близком тому, что влагает в это понятие М.М. Бахтин, который не говорит о подобной корреляции, определяя "событие" с помощью бинарности: единичное - универсальное, первый член которой и выявляет искомую специфику понятия. М.М. Бахтин допускает еще одно важное для обсуждаемой близости положение. Сферой события выступает у него - субъективность, совокупность смыслов я, - исходная среда бытия любого единичного или универсального предмета. Именно я является хронотопом события, его средоточием и источником. Я оказывается синонимом единичности. Но я есть и определенная деятельность, ответственный поступок. "Только изнутри моей участости может быть понято бытие как событие"². Эта исходность сохраняется для всех ситуаций,

¹ Бахтин М.М. - Работы двадцатых годов. Киев: 1994 - С. 238.

² Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 24.

для действительного переживания и для эстетического созерцания: "мы прежде всего усматриваем принципиальную архитектурную разнозначность моей единственной единственности и единственности всякого другого - и эстетического и действительного - человека"; "Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу - в этом глубокая онтологически-событийная разнозначность"³. Мы не будем здесь подробно обсуждать суть проекта первой философии русского мыслителя, изложенного в основном в его работе "К философии поступка", но сказанного достаточно для того, чтобы обнаружить некоторое существенное сходство М.М. Бахтина и Э. Гуссерля в ключевом для их концепций месте. Обратимся теперь к способу конституирования другого я в каждой из сравниваемых концепций.

Другой конституируется в феноменологии как воплощенная индивидуальность, эго-монада⁴. Индивидуальность исторична, она не выступает в качестве простого и пустого принципа единства, не является трансцендентальным эго, объемлющим бытие и потому бессодержательным. Индивидуальность сложна, то есть разнообразна в своем содержании. В это содержание входит и смысловое богатство телесности. Эйдетически и эмпирически первичный смысл, организующий Другого, это - его пространственное тело, которое присутствует в сознании благодаря восприятию внешних чувств. Восприятие следует понимать здесь в качестве одного из способов деятельности сознания, а не психологически. Воспринимаемое тело Другого аналогично одному из смыслов собственного тела. Собственное тело многозначно, оно воспринимается внешними чувствами, оно же дано кинестетически. Первый способ данности коррелятивен смыслу (ноэме) любого пространственного - "мертвого" - тела (Körper), второй - смыслу (ноэме) живого тела (Leib), проект которого можно исполнить, "наполнить первоимпрессиями", более адекватно, чем проект «мертвого» тела. Этот проект богаче, его легче осуществить или изменить. Между «мертвым» и живым телами одного и того же собственного тела также существует корреляция: один и тот же участок тела может быть воспринят, например, зрительно и кинестетически. Живое тело есть также орудие конституирования мертвого: без изменения состояния - "позы" - моего тела невозможно конституирование каких-либо новых пространственных смыслов любых вещей.

При восприятии тела Другого эта последняя корреляция примысливается (аппрезентируется) к нему в качестве продолжения аналогии мертвых тел: собственного и Другого, ведь именно они даны одинаково. Присутствующее сходство «мертвых» тел провоцирует конституирование отсутствующего сходства тел живых. Аналогия движется дальше, таким образом, аппрезентация захватывает и эго-монаду Другого. То есть Другой во всех его планах - внешне-телесном и внутренне-душевном - оказывается аналогией я. Я последовательно сохраняет свою фундаментальность и исходность, выступая и здесь образцом для соответствующих аналогий на всех уровнях.

Рассмотрим процесс аппрезентации подробнее. Еще Т. Липс заметил, что "проникновение" в психический мир другой личности может быть двояким. Первый способ получил в психологии название "проекции", имеется в виду простая подстановка собственных представлений о той ситуации, в которой находится Другой, в образ его внутренней апперцепции. Второй способ получил в психологии название "эмпатии", он несколько сложнее предыдущего. Предполагается уже не просто перестановка представлений, но усилие по их изменению. При этом собственные представления изменяются дважды; во-первых, изменение происходит при организации точки зрения Другого, а во-вторых, оно возможно при соотнесении старой - собственной и новой - Другого - точек зрения. Кроме того, это изменение может осуществляться сколь угодно долго. Поскольку Другому никто не запрещает конституировать мое собственное тело, с ним происходят те же изменения, причем опять же ничто не мешает ему конституировать мою эго-монаду как изменяющуюся при конституировании его эго-монады, и так далее. Любая вещь может явиться фактом сознания Другого и стать пово-

³ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 66.

⁴ Husserl E. Cartesianische Meditationen // Husserliana. Bd. 1. - Haag: 1950.

дом для аппрезентации. Вся эта сложность иногда имплицитно заложена в концепции Э. Гуссерля, а иногда и прямо выявлена. Так, Э. Гуссерль полагал, что только эмпатия, но не проекция может быть путем в мир Другого, что взгляд Другого создает особое измерение объективности, истины трансцендентного мира, наряду с закономерностью синтеза присутствующих характеристик (чувственных данных) по одному из их тождественных содержаний. Не сложно заметить, что в этом "перекидывании" взглядов его источнику так и не удастся выбраться за свои собственные пределы, Другой все равно остается в пределах изменения меня. Кроме того, это "перекидывание" создает слишком сложную и в принципе незавершенную систему смыслов, чтобы кому-нибудь надеяться все же на ее обладание. Наконец, проблематичной оказывается сама аппрезентация живого тела Другого, ведь живое тело может быть только собственным. Список претензий можно было бы и продолжить, но, пожалуй, наиболее кардинальной претензией является сама эстетика Другого М.М. Бахтина. Сущность этой концепции вступает в противоречие с основными исходными допущениями Э. Гуссерля о парадигматическом характере я.

2. Основное положение эстетики Другого М.М. Бахтина гласит: "Подобно пространственным границам, и временные границы моей жизни не имеют для меня самого формально организующего значения, какое они имеют для жизни другого"⁵. Это значит, что несмотря на эйдетическую исходность и фундаментальность я, отмечавшуюся выше и у М.М. Бахтина, и у Э. Гуссерля, оно оказывается неоформляемым принципиально, не имеющим границ. Вопрос о границах сознания действительно указывает на трудно разрешимую проблему, на парадокс: то, что есть сознание, событие во всей его возможной полноте, бытие, нельзя определить, ибо любое определение будет предполагать внаходимость относительно сознания, бытия, следовательно, не может быть осознано, не существует; однако, если не существует определение, то не существует и определяемое. Иными словами, если есть только я, то его нет. И вот обнаруживается, что другой обладает большей фундаментальностью и исходностью, чем я. Я вечно, Другой же как будто предвечен. Он существует благодаря я, следовательно, он оформлен, но только он и оформлен, стало быть, он - образец для формирования я, а не наоборот. В результате этого переворота поколеблен даже тезис Р. Декарта: "я мыслю, следовательно, существую". Теперь получается: "он мыслится, следовательно, я существую". Но почему именно он приобретает такую роковую для я роль, а не что-нибудь другое? Любой предмет обладает формой, полученной в деятельности я, - значит, любой предмет мог бы стать образцом для оформления этой деятельности. Но это не так, очевидно, потому, что только он похож на меня: он так же фундаментален и первичен (а теперь еще и оформлен). И все же, я похож на Другого или он на меня? Кто сотворен по образцу и кто этот образец? В любом случае, творец - я. М.М. Бахтин словно применяет гильбертово доказательство: если я не могу быть образцом, то тогда верно, что он такой образец. Но как этот другой конституируется? Э. Гуссерль использует диаэртическое определение сознания, он не говорит что это такое, но говорит, сколько у него видов, форм актов и так далее. Оба ответа неудовлетворительны, ибо они могут быть получены лишь при изменении вопроса. Наиболее сильным выглядит аргумент М.М. Бахтина в споре о природе конституирования пространственного тела воплощенного субъекта. "Моя наружность, то есть все без исключения экспрессивные моменты моего тела, переживаются мною изнутри; лишь в виде разрозненных обрывков, фрагментов, болтающихся на струне внутреннего самоощущения, попадает моя наружность в поле моих внешних чувств, и прежде всего зрения, но данные этих внешних чувств не являются последней инстанцией даже для решения вопроса о том, мое ли это тело; решает вопрос лишь наше внутреннее самоощущение."⁶ Сообщив этот тезис, М.М. Бахтин переходит к положительной части вышеуказанного тезиса: "Нужно коренным образом перестроить всю архитектонику мира мечты, введя в него совершенно новый момент, чтобы

⁵ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 175.

⁶ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 109.

оживить и приобщить воззрительному целому свой внешний образ. Этот новый момент, перестраивающий архитеконику, - эмоционально-волевая утвержденность моего образа из другого и для другого человека"⁷. Из Другого, так как я не могу быть материалом-образцом для конституирования собственного внешнего тела, такого тела у меня нет. Для Другого, так как для меня внутреннего моего внешнее тело - сущность иного порядка, необходима такая же сущность - внешнее тело Другого, чтобы вписать мое в соответствующий ему мир; для Другого мое внешнее тело - легитимно существующая вещь, для меня - результат специального искусственного и проблематичного усиления.

При всем волюнтаризме этих бахтинских построений, следует признать их общую справедливость. Чужое внешнее тело, конечно, тоже никогда не дано целиком, но все же ему, действительно, присуща целостность иного порядка, нежели целостность моего тела. Этот аргумент особенно важен, если учесть, что в теории Э. Гуссерля собственному мертвому телу отводилась роль начала конституирования Другого. С отказом от такого начала рушится вся теория. Но даже если признать это превосходство чужого внешнего тела над моим, на каком основании я узнаю в некоторой пространственной вещи тело другого? Казалось бы, мир внешнего - не мой мир, но мир внутреннего-то - вот где родная среда бытия я. Но оказалось, что и моей внутренней целостности не существует для меня. Я - всегда проект и никогда данность. "Только тогда, когда я не ограждаю себя от заданного смысла, я напряженно владею собой в абсолютном будущем, держу себя в своей заданности, управляюсь действительно собой из бесконечной дали абсолютного будущего своего. Над своей наличностью я могу замедлить только в покаянных тонах, ибо это промедление совершается в свете заданности. Но как только я выпускаю из ценностного поля своего видения свою заданность и перестаю напряженно быть с собой в будущем, моя данность теряет свое предстоящее единство для меня, распадается, расслаивается в тупо-наличные фрагменты бытия. Остается приютиться в другом и из другого собрать разрозненные куски своей данности, чтобы создать из них паразитически завершенное единство в душе другого, его же силами."⁸ Мое будущее единство - только сущее в возможности, мое действительное единство - только куски, в лучшем случае соединенные из Другого и для Другого. В ход идет даже старый аргумент о том, что переживание не дано в момент переживания и схватывается в рефлексии позднее, как предмет другого переживания⁹. Аргументов много, но все же, как конституируется внутренний мир Другого; вот уж что отсутствует всегда, так это душа Другого. Внутренняя апперцепция Другого никогда не дана непосредственно, в отличие от его тела.

Полагание Другого всегда предполагается. Оно словно было всегда, никакая конкретизация не проясняет сути дела. Не отказываясь от гуссерлевой аппрезентации и бахтинской эстетики, мы предлагаем дополнить эти способы конституирования Другого еще одним. Назовем его "парадигматизацией". Без парадигматизации невозможно конституирование какого бы то ни было явления. Действительно, Другой является прежде всего как пространственное тело, как один из видов трансцендентной вещи, в этом специфика его присутствия. Но ведь присутствием он не исчерпывается, его эго-монада не дана непосредственно. Смыслы, присутствующие в сознании, вовсе не обязательно порождены или выражены первоимпрессиями, то есть связаны с конкретным настоящим ситуации, с которой в принципе могут иметь дело и я, и Другой. Возможность актуализации смыслов не ограничена, мир сознания бесконечен. Таким образом, понять Другого можно лишь в ситуации, когда его тело семиотически организовано по некоторому известному мне социальному стандарту. Историческая совокупность таких стандартов есть человеческая культура. Культура есть общее во мне и в Другом, мост из моего внутреннего мира в мир другого и наоборот. Культура есть общение. Таким образом, оказывается, что образец конституирования субъективности имеет

⁷ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 111.

⁸ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 189.

⁹ Бахтин М.М. Цит. соч. – С. 178 - 184.

культурное происхождение и не сводим к я или Другому. Точка зрения Э. Гуссерля более последовательно соблюдает привелигированность я, поэтому с ее помощью получен некоторый положительный ответ на поставленные выше вопросы. Если признать верной точку зрения Э. Гуссерля, то обнаруживается и справедливость поправки М.М. Бахтина, ведь организация смыслов я всегда предварительна, не имеет целостного, завершенного характера. Но именно эти предварительные структуры и выступают в качестве первопарадигм для конституирования Другого воплощенного субъекта. Однако это конституирование вносит существенные изменения в сам образец для него. Образец переделывается в соответствии с тем, что выполнено по его правилам. Он выступает в качестве способа идентификации, узнавания Другого, после которого подвергается коррекции. Но все эти идентификации и коррекции не имели бы никакого эффективного результата, если бы не были в свою очередь парадигматизированы культурой. Без социо-культурных образцов сознание никогда не имело бы критерия для того, чтобы признать другое я в качестве равносущностного самому себе, то есть чтобы возник сам феномен другости.

В итоге все основные проблемы и противоречия теории интерсубъективности и эстетики Другого получают предварительное разрешение. Остановимся теперь на некоторых новых проблемах, содержащихся уже в теории парадигматизации, разработанной в структурно-функциональном анализе.

Парадигматизация тела есть условие общения, но она противоположна смысловой бесконечности содержания сознания. Семиотическая ограниченность парадигматизации преодолевается в условиях естественного языка.

Наиболее "активный" участок такого парадигматизированного тела - голосовые связки и их орудия (органопроекции) - звуки; с их помощью и создаются означающие естественного языка. Естественный язык состоит из немотивированных знаков, их материальные означающие и идеальные означаемые связаны конвенционально. Материальные означающие естественного языка - звуки - являются временными вещами, то есть они не только легко и всегда производятся благодаря присутствию в любой ситуации коммуникации человеческого тела, но и быстро уничтожаются. Язык состоит из гетерогенных элементов. Если звуки и слова парадигматизированы, то есть их всегда ограниченное число, то предложения - нет. Означаемые входящих в предложена слов организуют их смысл без последовательной парадигматизации, ибо возможные связи их аналогов во внеязыковой реальности известны сознанию. Конечно, предложения могут пониматься общающимися субъектами по-разному, поскольку их внутренние миры, обеспечивающие понимание, их пресуппозиции не совпадают, но это не отменяет общение, а обогащает его, ибо общее сохраняется и провоцирует собственное разрастание. Конвенциональность и мобильность естественного языка, гетерогенность его составляющих позволяют ему транслировать любую информацию с помощью ограниченных средств в любых условиях коммуникации. Следовательно, естественный язык, как идеальное средство парадигматизации, есть наиболее адекватный способ конституирования Другого. Но тот же естественный язык может быть орудием механизмов или инопланетян. Человеческое участие в смысле другого я не обеспечивается только языком. Язык есть орудие понимания всего того, что могло бы быть в каком-то смысле равнозначно сознанию я. Поэтому язык должен восприниматься на фоне целого того субъекта, который им пользуется в ситуации общения. Без гуссерлевой аппрезентации и бахтинской эстетики невозможно конституирование другого я, но оно невозможно и без феноменологии естественного языка.

Савелова Е. В.

МИФ, РИТУАЛ И ИГРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Савелова Е. В.

E. V. Savelova

МИФ, РИТУАЛ И ИГРА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

MYTH, RITUAL AND PLAY IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF CULTURE

Савелова Евгения Валерьевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры литературы и культурологии Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68; (4212) 21-12-02. E-mail: jane_sav@yahoo.com

Evgeniya V. Savelova – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Department of Literature and Cultural Studies, the Far-Eastern State University of Humanities (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk, 68, K. Marx St; 8 (4212) 2112-02. E-mail: jane_sav@yahoo.com

Аннотация. В статье анализируется специфика актуализации креативной и нормативной функций мифа в коммуникативном пространстве культуры, исследуются разнообразные аспекты взаимодействия мифа с ритуалом и игрой.

Summary. The paper examines specific features of the creative and normative function of myth in the communicative space of culture, and explores various aspects of the interaction between myth, ritual and play.

Ключевые слова: культура, миф, ритуал, игра, коммуникация, креативный, нормативный.

Key words: culture, myth, ritual, play, communication, creative, normative.

УДК 130.2

Стабильное функционирование культуры невозможно без решения ряда важнейших задач, среди которых, с одной стороны, сохранение и укрепление системно-структурного единства культуры и ее смыслового фундамента, а с другой – освоение механизмов инновационного смыслообразования и стимулирование творческих процессов в культуре.

Нормативное начало лежит в основе возникновения и развития всей человеческой культуры, постулируя противостояние человека Хаосу и стремление к утверждению идеального Порядка, выраженного в нормах, правилах, законах. *Нормативность* культуры выражается в жесткой фиксации и закреплении в её составе системообразующих смыслов, обеспечивающих целостность и согласованность всех структурных компонентов как культуры, так и индивидуального мира человека. Поэтому понятие «нормативность» чаще всего отождествляется в исследовательской традиции с такими сферами культуры, как право, политика, мораль, идеология; именно в них в наибольшей степени выражена потребность в нормативном фундаменте. Однако нормативность проявляется и в других областях культурной деятельности: производстве, образовании, религии, искусстве, повседневном поведении. Буквально в любой точке социокультурного пространства человек оказывается включенным в многоступенчатую систему соотнесения каждого своего внешнего действия или внутреннего смыслополагания с определенной нормой.

Оценивая нормативную функцию в контексте социокультурной динамики, можно констатировать, что в ней заложена тенденция к консерватизму, статичности, сопротивлению энтропийным процессам и инновационным переменам. Однако, благодаря этому, нормативность позволяет сохранить и консолидировать объем регламентированных традицией правил поведения, мышления, мироотношения, устанавливает и поддерживает легитимность существующего социального порядка и культурной общности.

Креативность проявляется в свободном, неограниченном порождении принципиально новых смыслов или оригинальном рекомбинировании уже имеющихся, в результате чего происходит изменение и самого универсума культуры, и личностного опыта индивида. Креативность в узком значении слова – это дивергентное мышление, отличительными особенностями которого являются варьирование путей решения проблемы, готовность выдвигать множество в равной мере правильных идей относительно одного и того же объекта. Креативность в широком смысле – это умение не только увидеть необычное, новое в хорошо известных проблемах или ситуациях, но и отреагировать, преодолевая стандартные рамки, порождая комплексы нетрадиционных, нетривиальных идей, объектов или отношений. В креативности заключен смысл развития и изменения как такового, стремление к преодолению противоречий, несовершенства и дисгармонии мира с помощью актов творчества.

Творчество является высшей формой универсально понимаемой креативности, хотя в современных исследованиях эти понятия часто отождествляются (Э. Торренс, Дж. Гилфорд). С одной стороны, творчество характеризует степень и глубину переживания и выражения в индивидуальном сознании интуитивно-бессознательных прозрений об онтологических основах бытия, с другой – в творчестве выражается вечная устремленность человека за пределы мыслимого, «посюстороннего» бытия, экстатический прорыв к неизвестному, поиск и объективация новых качеств и сущностей в альтернативных, «возможных» мирах.

Очень точно специфику креативности подметил А. Уайтхед. По его определению, креативность есть «актуализация потенциальности», созидательная сила, творческая энергия, неотъемлемая от человеческого бытия [11, 580]. Это высшее проявление активности человека, способность создать нечто новое, оригинальное в любой сфере человеческой деятельности.

Анализируя специфику проявления амбивалентного – креативного и нормативного – характера мифа в динамических процессах культуры, подчеркнем, что, по нашему убеждению, оба этих свойства получают импульс к актуализации в определенных ситуациях и при соблюдении определенных правил. Мы полагаем, что миф в максимальной степени обнаруживает свой нормативный потенциал в пространстве *ритуала*, а креативная функция мифа находит свою наиболее полную реализацию в пространстве *игры*. И ритуал, и игра могут быть определены как способы ситуативного возвращения к исходному, первоначальному экзистенциальному пра-переживанию целостности и единства мира через актуализацию мифа.

Вплоть до конца XIX века *ритуал* и *миф* пересекаются в интерпретациях исследователей как явления определенного исторического времени и определенной этнокультурной традиции. В рамках классического научного и философского подходов не вызывает сомнений тезис о том, что в раннюю архаическую эпоху и миф, и ритуал были основой и нервом всей синкретичной социокультурной деятельности, и, прежде всего, религии.

Однако в XX веке ритуал и миф перестают соотноситься только с религиозно-сакральной сферой жизни древнейших и этнически разнородных обществ. Исследователи обнаруживают аналоги ритуально-мифологических действий и структур не только в традиционных, но и в современных культурах, в области мирского, профанного существования, в повседневной практике, в сфере искусства, в пространстве личного опыта отдельного человека. Это позволяет делать выводы об универсальности проявлений и мифа, и ритуала в системе социума и культуры, но в то же время не снимает вопроса об особенностях соотношения и взаимодействия этих феноменов.

Неоднозначную связь между мифом и ритуалом отмечают многие зарубежные и отечественные исследователи истории и культуры (Д.Д. Фрезер, Э. Тайлор, Б. Малиновский, Э.С. Хартланд, Э. Кроули, К.Г. Юнг, К. Леви-Стросс, В. Тэрнер, К. Клакхон, М. Элиаде, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров, С.А. Токарев, О.М. Фрейденберг, А.К. Байбурын). Так, например, Е.М. Мелетинский считает, что «синкретическая связь и близость обрядов и мифов в первобытной культуре несомненны, но даже в самых архаических обществах имеются многочисленные мифы, генетически несводимые к ритуалам и, наоборот, во время обрядо-

вых празднеств широко инсценируются мифы», которые «имеют свое сакральное ядро, несводимое к ритуалу» [8, 36].

Помимо разной акцентировки этой проблемы в историко-культурных исследованиях, целое направление в философии мифологии – ритуализм – занимается разработкой комплекса идей, связанных с ритуальными истоками мифа и приоритетом ритуала над мифом (Дж. Фрезер, Б. Малиновский, М. Элиаде, В.Н. Топоров). Ритуальная активность человека определяется в рамках ритуализма как ведущая детерминанта всей его духовной деятельности, обусловленная исходной потребностью в манипуляционном отношении с миром. Также из ритуала выводятся, кроме мифа, и все остальные основополагающие элементы духовной культуры – поэзия, религия, искусство, философия, наука и пр.

Дж. Фрезер рассматривает миф как ритуализированный текст, предназначенный прежде всего для объяснения архаических ритуальных действий (заклинаний, жертвоприношений, ритуальных плясок, песнопений и т.п.). Это нарративная схема, позволяющая описать особое состояние возвращения от профанного, мирского пространства-времени к сакральному первоистoku, акту первотворения и приобщение к его действенной силе [12].

В контексте теории функционализма Б. Малиновский тоже считает ритуалы, а не мифы наиболее фундаментальными элементами духовной жизни человека, пронизывающими все её этапы. Благодаря ритуалам, первобытный коллектив сохраняет свою целостность, утверждает и воспроизводит традиции, транслирует в будущие поколения важнейшие сакрально-религиозные ценности и нормы. С помощью ритуала социум обеспечивает свое устойчивое функционирование, утверждает необходимый социальный порядок. Миф же мыслится как «догматический костяк примитивной цивилизации» [7, 105], форма повествовательного творчества народа, в которой выражаются и кодифицируются моральные принципы и практические правила для существования общества.

Таким образом, в аспекте ритуализма выявляются важнейшие культурные и социальные функции ритуала. Через его посредство организуется вся жизнь первобытного общества: ритуал сплачивает социум вокруг определенной системы мировидения и культурных символов, контролирует социальные статусы человека, выявляет и санкционирует основные культурные ценности и нормы, актуальные для коллектива. Ритуалу делегируются права на обобщение социального опыта, его стандартизацию и классификацию, на создание когнитивной и ценностно-нормативной системы координат, на выработку механизмов поведения в нестандартных ситуациях. Мифу же отводится роль объяснительной схемы ритуала, предназначенной для дальнейшей трансляции будущим поколениям.

Соглашаясь с обозначением социокультурных функций ритуала и признанием его преимущественно нормативного характера, мы, однако, видим иные механизмы, их предопределяющие. Прежде всего, это связано с переосмыслением места мифа в процессе формирования пространства и структуры ритуала.

Уточняя понятие «миф» в культурологическом аспекте, В.Н. Топоров пишет, что миф – это «то состояние души, которое стучится в мир слова <...>, не довольствуясь ритуалом» [10, 60]. И ритуал, и миф понимаются им как последний шаг биологической эволюции и одновременно как первый шаг человеческой культуры. Но ритуал соприроден акту творения, своей структурой он воспроизводит рубежную ситуацию, когда из Хаоса возникает Космос, следовательно, он обеспечивает человеку вхождение в тот же самый космический универсум, который был создан «в начале». Функция ритуала – связать время «здесь и теперь» с «там и тогда». Миф, в отличие от ритуала, понимается В.Н. Топоровым как более абстрактное, дискретное, повествовательное явление, отражающее и опосредствующее восприятие «священного». Ритуал же непосредственно творит и актуализирует «священное», становясь, тем самым, «священно-действием» [10, 48].

М. Элиаде понимает ритуал как сакральный прообраз культуры в целом, как повторение архетипического действия, выполнявшегося в начале времен богом, героем или предком. В архаическом ритуале заново воссоздается, воспроизводится то, что происходило при со-

творении мира, при рождении, драматической жизни, смерти и воскресении божества. Ритуал был главным выражением культа высшей силы, её почитания, обожествления, преклонения, жертвования ей. «Выход» через посредство ритуала в сакральное пространство и погружение в циклическое время позволяет коллективу сохранить связь с онтологическими основами мира, преодолеть линейность и энтропию, воссоздать из хаоса космический порядок. Соответственно, миф есть «аподиктическая истина», «повествование об архетипическом событии, имеющем символическое значение, указывающем на необходимость его копирования в ритуальном акте и убеждающем в реальности этого события путем эмоционального переживания от исполнения ритуала» [15, 41].

На наш взгляд, характеризуя древнейшие ритуалы и их структуру, и В.Н. Топоров, и М. Элиаде отмечают важнейшее качество, общее для всех, в том числе и современных ритуалов, и позволяющее прояснить специфику генетической связи ритуала и мифа. Все важные и критические события в жизни архаического коллектива и его отдельных членов (вехи аграрного цикла, промысловая и охотничья деятельность, рождения, свадьбы, похороны, инициационные испытания) не просто сопровождаются ритуалами, но глубоко переживаются в синкретическом мироощущении и миропонимании первобытного человека.

Противоположную точку зрения, предполагающую приоритетность мифа перед ритуалом, разделяли А.Н. Афанасьев, Э. Тайлор, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, К. Леви-Стросс. Так, например, К. Леви-Стросс полагал, что ритуально-обрядовая сторона первобытной культуры обусловлена мифотворчеством, и именно мифы лежат в основе ритуалов. Ритуал соединяет и удерживает разнонаправленные импульсы мифологического поля (метони-мические и метафорические), выполняя, тем самым, операционально-инструментальную функцию. Линию структурализма в анализе ритуалов продолжает А. Геннеп, предложив не только описание внутренней структуры ритуала и его инвариантов («ритуалы перехода»), но и непосредственные механизмы ритуального действия [2].

Расширительная трактовка понятия «ритуал» позволяет найти его сходство с мифом и в области человеческого сознания и психики. В психоаналитической традиции к ритуальным действиям относят те, что выполняются в определенных обстоятельствах с соблюдением определенных, на первый взгляд, бессмысленных правил и способствуют нормализации внутреннего душевного и психического состояния человека. Из этого следует, что в основе ритуала лежит символическое поведение, свойственное и традиционному, и современному культурному сознанию. Единую психологическую основу мифа и ритуала усматривает К. Клакхон: «Ритуал есть постоянно повторяющаяся активность, чисто символическая драматургия «потребностей» общества... Мифология – рационализация тех же потребностей» [9, 339].

В отличие от ритуала, взаимосвязь и взаимообусловленность *игры* и *мифа* не столь очевидны; хотя истоки игрового подхода к культуре и человеку обнаруживаются еще в античности, в том, как Платон постоянно играет словами «*paideia*» – культура и «*paidia*» – шутка, в его знаменитом определении человека как «выдуманной игрушки Бога». Среди исследователей, рассматривавших вопросы игры, можно назвать Платона, Г.В. Гегеля, Ф. Шиллера, Ф.В. Шеллинга, И. Канта, Л. Витгенштейна, Э. Финка, Г.Г. Гадамера, Г. Гессе, Й. Хейзинга, Э. Берна.

Как отмечают многие исследователи истории культуры (Э. Тайлор, О.М. Фрейдберг, С.А. Токарев, А.К. Байбурин), социокультурная роль игры особенно ярко проявляется на ранних стадиях развития человечества, во многом совпадая с аналогичными функциями ритуала. В игровом подражании осваивались важнейшие навыки жизни человека в архаичном социуме, передавались и закреплялись знания об окружающем природном и культурном мире. Игры использовались для социализации подрастающего поколения (особенно как элемент обряда инициации), для подготовки к коллективной охоте, для тренировки, для выработки коммуникативного взаимодействия. Сам принцип игрового подражания заключает в себе дихотомию нормативного и креативного. Мимесис – повторение, но «тот, кто подражает, неизбежно осознает свое отличие от того, кому он подражает. Во всех тех случаях, когда

человек подражает природе, <...> важно не то, что это очень похоже на медведя, например, или на птицу, но то, что это делает человек. Подражание – это не только собственно копирование действительности, но всегда состязание с ней, в котором природа побеждается человеческой искусностью» [5, 80-81].

Однако в философской традиции, идущей от И. Канта и Ф. Шиллера, игра понимается как абсолютно свободная, бескорыстная деятельность, мотив которой не во внешней цели, не в социально заказанном результате, а в ней самой. Правила такой игры не должны быть навязаны, они могут быть только приняты как условие личного самотворения, самоактуализации.

Но, в отличие от И. Канта, в концепции которого игра является механизмом эстетического суждения, игра, в понимании Ф. Шиллера, – категория творчества. В игре человек творит и «эстетические реальности» (то есть искусство и культуру), и себя как свободную и совершенную личность. Эстетическое творческое побуждение, выражаемое, по мысли Ф. Шиллера, в игре, снимает с человека оковы всяких отношений и освобождает его от всего, что зовется принуждением как в физическом, так и в моральном смысле [14, 121-129]. Таким образом, общая позиция Ф. Шиллера и немецких романтиков заключается в признании игры, как и мифа, онтологическим основанием культуры, первичным импульсом всей человеческой истории, высшим творческим проявлением человека в обретении целостности бытия.

Игровое начало выражается и в художественной условности, без которой искусство не может существовать. Искусство сберегает свободную незаинтересованность, наслаждение творчеством и красотой, увлечение иллюзиями, фантазиями, импровизацией. В каждом виде искусства, в каждом жанре есть своего рода «условия игры» – определенные правила и нормы, в рамках которых осуществляется свободная творческая деятельность. Игровое начало обнаруживается в том удивительном мастерстве и виртуозной искусности, которая сопрягает свободу творчества с исполнением нормативных ограничений.

В продолжение кантианской линии интерпретации игры, Э. Кассирер считает игровую фантазию важнейшим мифообразующим фактором: «<...> она действует без цели и плана, её несет случай; он соединяет по своему произволу далекие вещи, постоянно вытряхивает, играя, новые фигуры, полные смысла и причудливые, из своего рога изобилия» [4, 143]. Однако, по утверждению Э. Кассирера, пространство свободного маневра игры, и, соответственно, мифа сужается, как только субъективность восприятия мира уступает место объективности, а переживание – мысли.

Отметим, что игра, так же, как и ритуал, характеризуется высшим напряжением личностных сил человека, переживанием, эмоционально-чувственной насыщенностью, эстетической выразительностью и привлекательностью. Размышляя над мифоритуальными истоками театра, Е. Гротовский пишет, что подлинная игра – это акт полной самоотдачи; в ней осуществляется «безграничная искренность», «предельное проявление и обнажение того, что носит наиболее личный характер в человеке». Игровое действие в рамках искусства театра представляет собой поток человеческих импульсов и реакций, поток знаков, в результате которого возникает «своего рода партитура, позволяющая мобилизовать и ввести в действие свои глубоко личностные жизненные переживания, и, играя таким образом, ежедневно творить заново ту же самую партитуру *всем собой*, всем своим существом, целостностью своих духовных и физических возможностей» [3, 79-80].

Согласно концепции Л.С. Выготского и Д.Б. Эльконина, сущность игры как личностного становления выражается в наибольшей степени в детской игре – модели игры как таковой. Игровое поведение ребенка формирует, по определению Э. Берна, «одну из наиболее ценных составляющих личности», является «источником интуиции, творчества, спонтанных побуждений и радости» [1, 18-19].

Таким образом, сохраняя в себе Ребенка и после выхода из детского возраста, человек вступает в мир культуры не только как Homo Sapiens – Человек Разумный, но и как Homo Ludens – Человек Играющий, согласно формуле Й. Хёйзинга [13]. Исследователь выделяет ряд признаков, которые характеризуют игру как таковую: игра – это свободная деятельность;

в основе игры лежит вымысел; в игре всегда существует повторяемость, определенный порядок и правила; игра разворачивается в определенных временных и пространственных рамках.

Игра объемлет весь мир, «прорастает» в него своими корнями. Практически все сферы и формы культуры – религия, искусство, право, политика, общение, предпринимательство, ремесло, наука – имеют в своей основе игровое первоначало, отделяющее человека от природы и создающее собственное, символическое пространство. Й. Хёйзинга пишет: «Арена цирка, игровой стол, волшебный круг, храм, сцена, экран синемаатографа, судное место – все они по форме и функции суть игровые пространства, то есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освященные территории, на которых имеют силу особенные собственные правила. Это как бы временные миры внутри обычного, созданные для выполнения замкнутого в себе действия» [13, 20].

Однако если в ритуале ярко прослеживается ограниченность действия правилами, требующими абсолютного подчинения и строгого соответствия, то в рамках игрового пространства и правил человек оказывается способен к преодолению самого себя, своей детерминированности и предсказуемости. Как отмечает Ю.М. Лотман, в игровой модели все ограничения, не обусловленные её правилами, снимаются. Поэтому у игрока всегда есть выбор, а действия его имеют альтернативу. Игра «моделирует случайность, неполную детерминированность, вероятность процессов и явлений»; по отношению к исходным правилам все игровые отклонения предстают как нелинейные, непредсказуемые. Из-за этого их значимость многократно повышается: находясь в рамках игры, человек, тем не менее, оказывается «над нею», изменяя ситуацию и получая новые результаты лишь путем мобилизации личностных резервов, внутренних сил [6, 274-293].

Итак, обратим особое внимание на следующие черты ритуала и игры, отрефлексируемые в исследовательской традиции и согласующиеся с нашим пониманием этих культурных феноменов:

- а) универсальность проявления и ритуала, и игры в традиционной и современной культуре;
- б) глубокая онтологическая связь с мифом, а порой и полное отождествление с ним;
- в) демонстрация нормативной (ритуал) или креативной (игра) доминанты в выполнении культурных и социальных функций;
- г) символическое поведение и символическая насыщенность как основа ритуального и игрового процессов;
- д) акцентирование особого эмоционального состояния и повышенной напряженности чувственного и духовного переживания участников и игры, и ритуала.

Далее, переосмысливая проблему взаимоотношения и взаимообусловленности мифа, ритуала и игры в культурном пространстве, констатируем, что она связана с проблемой «оживления» мифа, перевода его из латентного состояния на экзистенциальный уровень переживания и возобновления его смыслового участия в ситуации «доверия».

Очевидно, что, будучи сложноорганизованной и саморегулирующейся системой, культура порождает совокупность адекватных приемов и технологий, способствующих смысловому «развертыванию» мифа и оперированию его семантическим содержанием. Процедура «возвращения» мифа к своему исходному, экзистенциальному состоянию и ситуации «доверия» как встречи с Другим (Другими) определяется нами как особая культурная стратегия, реализующаяся в двух вариантах – ритуала и игры – и формирующая два принципиально разных коммуникативных пространства.

Мы полагаем, что ритуал и игра представляют собой *специально организованные и санкционированные культурой технологии реактивации креативной (смыслорождающей) и нормативной (смыслосберегающей) функций мифа в коммуникативном, со-бытийном пространстве «Я–Другой»*. Присутствуя в системе культуры в виде комплексов символических знаков или в культурных образцах, миф нуждается в постоянном раскрытии и проявлении своего смыслоформирующего потенциала, то есть в стимуляции явного, «живого» коммуни-

кативного отношения Я и Другого. Актуализируясь в мифологическом переживании, субъект и объект (Я и Другой) «узнают» друг друга и восстанавливают утраченную эмпатическую связь, создавая предпосылки для дальнейшего выбора смысловых векторов. Миф, таким образом, заново творит свои изначальные «доверительные» смысловые отношения с миром, позволяя вновь и вновь воспроизводиться и сохраняться «излучению» подлинного бытия как в формате ритуала, так и в формате игры.

При этом коммуникативное пространство, создаваемое ритуалом, провоцирует асимметричный, доминантный выбор Другого в качестве единственной смысловой альтернативы для Я. В ситуации принятия обобщенного образа Другого (Других) как несомненного собственных смыслов Я оказываются растворенными или подчиненными, но глубина и сила экзистенциального переживания сохраняется. В её основе – идентификация личностных смыслов Я с социокультурными смыслами Другого и приобщение, таким образом, к общим родовым первоисточкам, к этнической и культурной памяти. В ритуале человек, по словам Е. Гротовского, «выходит на очную ставку с опытом минувших поколений» [3, 106]. Основную роль в ритуале играет организация памяти, поэтому ритуал создает систему постоянной организации, в которой у отдельного индивида существенно ограниченными оказываются возможности индивидуального поведения.

Реализация *нормативной* функции мифа, в таком случае, препятствует разрушению глубинной связи индивида с контекстом культуры, сберегает общий смысловой универсум, сохраняет в полном объеме необходимые правила для регулирования социальной жизни.

В противоположность ритуалу, коммуникативное пространство игры предполагает смысловое акцентирование Я в мифологической «встрече» с Другим (Другими). В игре происходит не отождествление со «значимыми Другими» и делегирование им полномочий на организацию своего бытия, а поиск своих возможностей и способностей в формировании личностного отношения, личностных смыслов. Игра носит инновационный характер, предполагает дистанцирование от уже готовых, данных смыслов и «активное» воспроизводство новых смыслов и смысловых отношений. Игровое развертывание человеческой жизни есть процесс, в котором человек открывает возможность преодоления своей одномерности, а также и элементарности окружающих предметов, простоты и линейности взаимодействий с ними. Миф в игровом пространстве «искушает» человека множественностью возможных вариантов смысла, особым экзистенциальным переживанием своего участия в становлении многомерного бытия. Игра, соответственно, мыслится как «поэзия риска», вызов судьбе, свободная импровизация, дерзость случайного и непредсказуемого, в которой происходит диффузия свободных элементов в область жесткой регулярности.

Как полагает Ю.М. Лотман, механизм игрового эффекта заключается не в неподвижном, одновременном сосуществовании разных значений, а в постоянном сознании возможности других значений, чем то, которое сейчас принимается. Игровой эффект состоит в том, что разные значения одного элемента не неподвижно сосуществуют, а «мерцают». Каждое осмысление образует отдельный синхронный срез, но хранит при этом память о предшествующих значениях и сознание возможности будущих [6, 274-293]. В этом контексте мир культуры предстает как пространство множества возможных вариантов, множества нелинейных «а если», а игра становится катализатором *креативных* сущностных сил человека, позволяющим генерировать сложное.

Таким образом, в зависимости от выбора ритуальной или игровой стратегии коммуникации с Другим (Другими) миф будет не только выполнять соответствующую функциональную задачу, но и обеспечивать условия возвращения человека к опыту глубокого экзистенциального переживания, принятие им определенного пути, смысловой перспективы, своей собственной миссии в культуре.

Нам представляется, что в сущностном раскрытии коммуникативных отношений в смысловом пространстве мифа и ритуала, и игра имеют операционально-инструментальный, процедурный характер, который обнаруживается в следующих ситуациях.

Во-первых, этот характер проявляется в пространственной организации процесса перевода мифа в актуальное состояние. Это необходимо для разотождествления устоявшихся, «натурализованных» смыслов мифа в культурных образцах и создания условий для манипуляций с ними. И ритуал, и игра, прежде всего, обособливаются от окружающей культурной среды, создают и укрепляют пограничные зоны (более или менее проницаемые), в которых вступают в действие определенные правила и регулятивы. В каждой культурной сфере могут разворачиваться подобные пространственные области, а их границы, в идеале, могут простирается до пределов самой сферы (например, в истории культуры за сферой религии закреплён статус предельно ритуализированного пространства, в то время как игровое пространство максимально проявляется в границах сферы искусства).

Во-вторых, важным фактором ритуальной и игровой стратегии является особое время, также выделяющее процесс «возврата» мифа из общего линейного потока культурных событий. В любой этнокультурной традиции существуют свои каноны в определении времени ритуалов, и это время связывает в единое целое всех представителей социума. Игровое время является более свободным, выбор его обусловлен в гораздо большей мере субъективными причинами, хотя, например, спортивные игры, Олимпиады также выполняют функцию социальной организации.

На наш взгляд, осуществление жесткого пространственно-временного размежевания ритуала и игры не всегда возможно: и ритуальное, и игровое время и пространство могут меняться, «превращаться», наслаиваться друг на друга, «рассеивать» свое изначальное экзистенциальное переживание. Особенно такое «оборотничество» свойственно современной культуре, с её тяготением к перформансам, хэппенингам, флэш-мобам и прочим игровым акциям, плотно «оснащенным» элементами ритуального характера. И наоборот, сравнивая пространственно-временные параметры ритуала, например, венчания в традиционной и современной европейской культуре, мы видим, с одной стороны, сохранение и бережение установленных религиозно-культурных традиций (место действия – храм, время – весна), а с другой – десакрализацию места и времени и разбавление действия игровыми моментами, вплоть до венчания под водой, на Северном полюсе или в парашютном прыжке в любое время суток и года.

В-третьих, в процессе «пробуждения» мифа и игра, и ритуал оперируют разнообразными приемами и техниками для выполнения своих задач. В «условном» пространстве игры и ритуала разотождествляются бесконечные символические смыслы мифа и предлагаются пути и способы коммуникации с актуализированным Другим. И в ритуале, и в игре совершаются в установленном порядке символические действия, используются символические предметы, осуществляется «проговаривание» символических формул или текстов, то есть производятся те процедуры и манипуляции, которым приписываются определенные значения и результативность.

Например, бесспорно, что в мифологических культурных образцах содержится важнейшая информация для того или иного этноса и прежде всего целостная картина мира, её пространственно-временные и аксиологические характеристики, а также модели и образцы социального поведения людей, нормы и правила, регулирующие жизнь социума. Ритуал же берегает и закрепляет эту мифологическую информацию в коллективном сознании социума путем определенных техник воспроизведения, то есть оказывается механизмом переживания и дальнейшего «пассивного» воспроизводства традиции, её репродукции путем копирования, повторения, заучивания смысловых элементов, блоков, фрагментов. Эта же репродуктивная техника используется, например, и в современной форме ритуала «боления» за свою команду у футбольных фанатов (заученные речевки, многократно повторяемое скандирование, манипуляция предметами, определенное поведение, одежда, татуировки и т.п.). Именно техника ритуала предназначена для поддержания традиционной культуры, для максимально точного повторения и возобновления её неизменных структурно-смысловых основ, для передачи культурных достижений от поколения к поколению, от человека к человеку.

Техника игры, наоборот, предназначена для создания напряженной ситуации, подталкивающей человека к изменению прежде всего системы своих собственных смысловых детерминаций. Вступая в противоречие с «горизонтальными», линейными системными связями в пространстве игры, человек устремляется к «вертикали» нелинейных смысловых преобразований и делает интуитивно точный, безошибочный выбор из множества возможных путей развития – самого оптимального, созвучного собственной природе.

Иными словами, многочисленные игровые приемы и техники способствуют «разбалансировке» устойчивых культурных отношений и отработке методики становления личности в режиме «обострения» энтропийных процессов. Поэтому игровые стратегии оказываются необходимыми тогда, когда повышается опасность дестабилизации системных отношений и возникает потребность в контрагентах, способных находить нетривиальные решения для сохранения смысловой целостности и культуры, и социума.

Таким образом, в системе культуры ритуал и игра обнаруживают глубокую онтологическую связь с мифом, возобновляя его экзистенциальное переживание и побуждая к разнонаправленным коммуникативным отношениям в сфере «Я–Другой». Ритуал и игра позиционируются как две культурные стратегии, организующие пространство, время и особые технологии для актуализации нормативной (ритуал) или креативной (игра) функции мифа в процессе смыслополагания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн; пер. с англ.; общ. ред. М.С. Мацковского. – М.: Прогресс, 1988. – 399 с.
2. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп; пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. – М.: Восточная литература РАН, 2002. – 198 с.
3. Гротовский, Е. От Бедного Театра к Искусству-проводник: сб. статей / Е. Гротовский; пер. с польск., вступ. ст. и примеч. Н. З. Башинджаган. – М.: Артист. Режиссер. Театр, 2003. – 351 с.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. В 3 т. Т. 2. Мифологическое мышление (1925) / Э. Кассирер; пер. с нем. С. А. Ромашко. – М. – СПб.: Университетская книга, 2002. – 280 с.
5. Крыжановская, Я. С. Стилистическое своеобразие зрелищной культуры коренных этносов юга Дальнего Востока / Я. С. Крыжановская // Вопросы культурологии. – 2010. – № 10. – С.78–83.
6. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.
7. Малиновский, Б. Миф в примитивной психологии // Малиновский Б. Магия, наука и религия; пер. с англ. – М.: Рефл-Бук, 1998. – 304 с.
8. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа: Исследования по фольклору и мифологии Востока / Е. М. Мелетинский. – М.: Восточная литература, 2006. – 408 с.
9. Найдыш, В. М. Философия мифологии. XIX – начало XXI века / В. М. Найдыш. – М.: Альфа-М, 2004. – 544 с.
10. Топоров, В. Н. О ритуале: Введение в проблематику / В. Н. Топоров // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках: сб. статей / сост. Л. Ш. Рожанский. – М.: Наука, 1988. – С. 7–60.
11. Уайтхед, А. Н. Избранные работы по философии / А. Н. Уайтхед; пер. с англ.; сост. И. Е. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
12. Фрезер, Д. Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. В 2 т. / Д. Д. Фрезер; пер. с англ. М. Рыклина. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2001. – 528 с.
13. Хёйзинга, Й. Homo ludens (Человек играющий). В тени завтрашнего дня: сб. статей / Й. Хёйзинга; пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошис; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. – М.: Прогресс; Прогресс–Академия, 1992. – 464 с.
14. Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании / Ф. Шиллер // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 5 т. Т. 3. Эстетические учения Западной Европы и США (1789–1871) / ред. М. Ф. Овсянников. – М.: Искусство, 1967. – С. 117–131.
15. Элиаде, М. Космос и история: избранные работы / М. Элиаде; пер. с фр. и англ. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.

Филиппова А. В.
A. V. Filippova

ИРОНИЯ В СТРУКТУРЕ «НЕСЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ» У Г. ГЕГЕЛЯ

IRONY IN THE STRUCTURE OF THE “UNGLÜCKLICHE BEWUßTSEIN” (UNHAPPY CONSCIOUSNESS) OF G.F.W.HEGEL

Филиппова Алина Валерьевна – старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики труда Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток); 690013, г. Владивосток, ул. Чернышевского д. 3, кв. 308. E-mail: texce@yandex.ru.

Mrs. Alina V. Filippova - Senior Lecturer at the Department of Personnel Management and Labour Economics, the Far-Eastern Federal University (Russia, Vladivostok); 690013 Vladivostok, 3 Chernyakhovsky St., apt. 308. E-mail: texce@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблему иронии в структуре «несчастливого сознания» по Гегелю. Исследуется роль иронии в процессе становления человеческой субъективности.

Summary. The paper examines the problem of irony in the structure of «unhappy consciousness» according to Hegel. The role of irony in the making of human subjectivity is investigated.

Ключевые слова: субъективность, сознание, бытие, самоирония.

Key words: subjectivity, consciousness, being, self-irony.

УДК 113.165.62

В системе гегелевского идеализма всякая реальность производна от самодвижения абсолютного духа. Суть же самодвижения заключается в том, что дух создаёт какую-либо конечную определённую и преодолевает её, реализуя, тем самым, интенцию в бесконечность.

Всякая конечность, по Гегелю – абстрактна. Абстрактна в том смысле, что не существует сама по себе без соотносённости с бесконечным. Следовательно, и человек, и человеческая субъективность производны от Абсолюта. Точнее, Абсолют – есть бесконечно «саморазвивающееся начало», познающее и утверждающее себя посредством конечного (в том числе и человека).

В «феноменологии духа» конечная человеческая субъективность мыслится как движение самосознания, достигающее полного знания о себе через ряд диалектически снимающих друг друга стадий – стоицизм, скептицизм, «несчастное сознание». В контексте этого самодвижения рассмотрим роль иронии в структуре становления самосознания.

Суть гегелевского понимания иронии представлена в его «Философии права». Его адекватная интерпретация необходимо связана с тем местом «Феноменологии духа», где раскрывается диалектика «достоверно знающего себя разума». Сама по себе субъективность есть «бытие-в-себе-и-для-себя». Она внутренне противоречива в силу абсолютной разнонаправленности её векторов – к бесконечному и конечному.

Первый шаг становления субъективности описывается Гегелем в терминах «стоицизма». «Стоическое» сознание («бытие-в-себе»), по его мысли, связано со становлением сферы автономного и, следовательно, с негацией всякого подчинения иному. Оно – суть формальная и абстрактная «свобода от...» (порывов, страстей, свобода от самой жизни). Здесь сфера «внутреннего» есть лишь чисто формальное равенство самому себе. Дух погружён в себя так, что всякое разделение на противоположность сознания и предмета сливается с самим

«Я». Субъективность не видит «в себе» внешней ей сущности, но видит лишь себя. Ей «недостаёт силы отрешения», силы «сделаться вещью и выдержать бытие». Она «живет в страхе, боясь запятнать великолепие своего «внутреннего» поступками и наличным бытием» [1, 353]. Эту фигуру Гегель называет истлевающей внутри себя «прекрасной душой».

«Стоическое» сознание диалектически перерастает в «скептицизм», преобразующий отрешённость от мира в установку его отрицания. «Скептицизм» опустошает человеческую субъективность и приводит её к противоречивости, разладу с собой. Это становится явным в «несчастном сознании».

Так, в контексте становления морали гегелевский Дух исходно определяет себя как «в-себе-бытие» в виде абстрактной совести, безотносительной к какому бы то ни было должествованию. Совесть в данном случае «возвеличивается над всяким эмпирическим содержанием долга вообще». Эту совесть Гегель называет «богослужением внутри себя самой».

В «несчастном сознании» Дух разрывается между сообщённой им себе свободе и случайным сознанием раба.

В качестве совершающей поступки совесть поначалу свободна от конкретно-определённого долга. Но на основе его содержания, которое к тому же есть лишь всеобщее и «слова», она создаёт определённое содержание, заимствование из себя самой. В этом моменте субъективность и начинает выступать как ирония. Последняя представляет собой не что иное, как субъективность, которая играет своим содержанием. Долг приобретает значение лишь момента, на котором она определяет себя, используя его только как внешнее, не имеющее собственной ценности, «играет» им. Даже осознанное зло не было бы таким лицемерием духа, «играющего» долгом и противопоставляющего ему «свою» совесть в качестве абсолютного критерия добра.

Увлечённый красотой «своей» души, дух к уничтожению долга примешивает ещё и тщеславное наслаждение собой. Для него этот долг, поскольку он только и служит его самоопределению, случаен настолько, что в своём содержании не заслуживает того уважения, которое должно играть собственное моральное убеждение духа. Этот лукавый дух боится запятнать своё великолепие однозначным поступком, который сразу вынесет его в сферу всеобщего, грозящего возможным осуждением. «Прекрасная душа настолько ранима, что может лишь посмеиваться над всеми, ускользя в себя от всякой критики за пелену своей недоступной всем субъективности» [2, 193].

Взаимодействие с реальностью осуществляется по принципу: «господин и раб». В данном случае «господин» есть некий абсолют, трансцендентальное сознание, в то время как «раб» представляет собой человеческое несвободное сознание. «Господин» вынужден использовать «раба», для того чтобы иметь возможность реализации в вещах, но тем не менее он не способен обнаружить некую потенцию для самого себя, поскольку «раб» подчинён господину. В то время как «раб» имеет такую возможность, «господин» позволяет ему обнаружить в нём сознание.

Понятие о сознании представлено как абсолют, тождественный самому себе в процессе возврата к себе. Таким образом, «бытие-в-себе и для-себя» – «несчастное сознание», согласно Гегелю, опосредованное, представленное рефлексией в себе по отношению к другому с целью обособления себя. Речь о сознании «абсолютном» и «конечном», посредством взаимодействия которых рождается самосознание – рефлексия чувственного бытия и воспринимаемого мира. Самосознание всегда тождественно самому себе, а это значит, говорит Гегель, что оно есть «вожделение», цель которого постоянное движение к этому тождеству.

Порядок взаимодействия с окружающим миром осуществляется посредством абсолютного и конечного сознания. Абсолютное сознание использует конечное, для абсолютного сознания любая вещь это ничто, т.к. оно самостоятельно, в то время как конечное сознание, в своей несамостоятельности взаимодействуя с вещью, обличает несоответствие. Это самое несоответствие и позволяет абсолютному сознанию совершить возврат к себе. Подобное отношение, при котором сознание должно содержать в себе другое сознание и есть, по Гегелю,

«несчастье» и сознание в таком двойственном отношении всегда «несчастное». Поэтому и человеческая субъективность «несчастлива» по своей природе.

Конечная субъективность, познавая, в конечном итоге возвращает субъекта к самому себе, замыкая герменевтический круг. «Несчастно» наше сознание ещё и потому, что, достигнув своей самости, оно потеряло «всеобщее» и замкнулось на себе. «Всеобщее» как абсолют содержит в себе другое сознание, единство здесь основано не на похожести, а на противоположенности.

То есть «всеобщность», связующая воедино, в составе некоторого «целого», два или более явления, таится вовсе не в их одинаковости друг другу, а в необходимости превращения каждой вещи в ее собственную противоположность. Такие два явления как бы «дополняют» одно другое «до целого», поскольку каждое из них содержит такой «признак», которого другому как раз недостает, а «целое» всегда оказывается единством взаимоисключающих – и одновременно взаимопредполагающих – сторон.

Ирония же, как проявление субъективности «конечной» открывает перспективы перед субъектом, позволяя играть с содержанием собственной субъективности. Как говорит Гегель, познание здесь и сейчас невозможно без связки с «везде и всегда». Получается, что социокультурное выступает как измерение человеческой сущности. В данном контексте ирония выполняет очень сложную и поливалентную функцию: проявление «конечной» субъективности (возможность выброса энергии, снятия напряжения), затем рефлексия (соотнесение своих желаний и представлений с общественными) и в конечном итоге оценка своих переживаний и более того оценка общепринятых социальных норм.

Ирония есть работа над собой как самоирония и ирония как индикатор ценностно-нормативных отношений в обществе. Индивидуальное неотделимо от общественного, сама культура рождается благодаря общественному, но посредством индивидуального, как работа над собой. Иронией переживается противоречие, приходится изменяться, играя внутренним содержанием. Внутри каждого индивидуума есть «раб», который должен подчиняться общественному порядку. Выпадение из этого порядка способно вызвать когнитивный диссонанс в индивидуальном сознании субъекта. Возвращение в объективную реальность возможно посредством самоиронии и иронии как таковой, в целом.

Следовательно, «здоровое» иронизирование является лишь формой притворного возвращения в субъективность своего духа для противопоставления её своему оппоненту.

С этой точки зрения ирония есть суть форма преподносимого содержания. Ироничность – феномен, перманентно присутствующий в человеческой культуре, но с разной степенью интенсивности.

Таким образом, наше собственное содержание есть продукт общественного, усилие, предпринимаемое индивидуумом для противопоставления своего собственного «Я» общественному «МЫ» с целью формирования самосознания. Возникает это благодаря специфическому способу переживания – иронии. Ирония формирует наше самосознание, вычленяет нашу субъективность. Как феномен амбивалентный по своей природе заставляет плакать и смеяться одновременно. Ирония помогает увидеть приобретение в потере и то, что конечная субъективность сама себя создающая индивидуальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа. Ч. 1 / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. Г. Шпета. – СПб.: Наука, 1992. – 443 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем. В. С. Нерсеянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Дробышева, Е. Э. Ирония в аксиосфере культуры постмодерна / Е. Э. Дробышева. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2006. – 207 с.
4. Рекурсивное и дискурсивное в структуре смыслообразования / под ред. В. А. Сакутина. – М.: Смысл, 2004. – 206 с.

Бляхер П. Л., Пегин Н. А.
P. L. Blyakher, N. A. Pegin

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СООБЩЕСТВА И КЛЕРИКАЛИЗАЦИЯ
ДИСКУРСА ВЛАСТИ**

**REGIONAL RELIGIOUS COMMUNITIES AND CLERICALIZATION
OF THE DISCOURSE OF POWER**

Бляхер Павел Леонидович – аспирант Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) (Россия, Хабаровск); 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136. E-mail: pavel.blaher@yandex.ru
Mr. Pavel L. Blyakher – PhD Candidate, the Pacific State University (Russia, Khabarovsk). E-mail: pavel.blaher@yandex.ru

Пегин Николай Анатольевич – кандидат социологических наук, докторант Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ) (Россия, Хабаровск); 680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
Mr. Nicolay A. Pegin – PhD in Sociology, Doctoral Candidate, the Pacific State University (Russia, Khabarovsk).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования клерикальных концептов в рамках властного дискурса на Дальнем Востоке России. Раскрывается социально-политический смысл процесса клерикализации и его роль в политическом бытии дискурса власти.

Summary. The paper discusses the specific features of the process of formation of clerical concepts within the power discourse in the Far East of Russia. It reveals the social and political significance of the process of clericalization and its role in the political discourse of power.

Ключевые слова: власть, религиозная община, клерикальный дискурс, Дальний Восток, приватное пространство, коммуникация.

Key words: power, religious community, clerical discourse, the Far East, privacy, communication.

УДК 2:322(571)

Одним из фундаментальных атрибутов власти, по мысли М. Фуко [12, 36], выступает ее способность «называть», определять для подвластных социальных агентов тип дискурса, который детерминирует их поведение, их взгляд на мир. Как правило, именно благодаря наличию подобного «авторитарного слова» (термин М.М. Бахтина [2]) оказывается возможной коммуникация между разными социальными и культурными группами, между разными людьми. Именно этот дискурс, вне зависимости от отношения к нему составляет тот пласт «общего знания», который позволяет говорить и о различиях, позволяет организовать совместное действие. Однако возможность формулировки «моего мира» и «моих проблем» на языке дискурса власти далеко не всегда выступает безусловной данностью. Очень часто между «моим миром», моей повседневной реальностью и системой ценностей и миром навязываемого «общего слова» простирается огромная дистанция. Человек оказывается просто не в состоянии организовать эффективную коммуникацию на «общем (авторитарном, властном и т.д.) языке. При этом само наличие властного дискурса не позволяет сформироваться иному «общему слову». Власть оказывается недостаточно сильной, чтобы этот дискурс навязать, но достаточно сильной, чтобы не допустить возникновения иного. Возникает реальность повседневности и реальность публичного дискурса, которые, практически, не знакомы друг с другом. Эта ситуация проявилась и в российском дискурсе, связанном с религиозным поведением и отношением к религии.

Стремление сформулировать дискурс «нравственности», т.е. в области, традиционно находящейся за пределами правового регулирования, в области обычного права и культур-

ных установок, достаточно явно проявляется и сегодня в России. В условиях, когда констатация аномии в родимом отечестве превратилась в трюизм, создание институциональной системы, которая бы «отвечала» за поведение человека вне экономической и политической сфер, – шаг вполне предсказуемый. Связка между «нравственностью и религиозностью» становится вполне ощутимой и значимой¹.

Более того, кажется, что подобное конструирование дискурса протекает вполне успешно. Во всяком случае, результаты массовых социологических опросов [1] позволяют выдвинуть именно такую их интерпретацию. Число верующих в России за последние годы неуклонно растет (с 45 % в 1996 году до 65 % по данным ВЦИОМ в 2012 году). Столь же значительно снижается и число людей, определяющих себя в ходе опросов как атеисты. Если в ходе опроса 1996 года [5, 45-50] атеистов было чуть менее 47 %, то сходный опрос ФОМ дает нам менее 10 % атеистов. ВЦИОМ число атеистов определяет в 6 %. Кажется, что клерикализация дискурса «о нравственности», да и общества в целом идет более чем стремительно. Сокращается, по результатам исследований, приводимых Ю.Ю. Синелиной [10, 65-71], число тех, кто называет себя верующими, но никогда не посещавших храм. Иными словами, активная пропаганда религии, как основы и нравственной, и национальной, и политической идентификации в кинофильмах, строительство храмов «шаговой доступности» и т.д. вполне успешно формируют тот самый властный дискурс, направленный на «религиозно-нравственное воспитание».

Вместе с тем, даже в тех опросах, на которые ссылаются авторы статей, фиксирующих взлет религиозных настроений в последние годы, отмечают некоторые странности. Так, число респондентов, отмечающих свою принадлежность к православию, оказывается существенно больше, чем число верующих. Иными словами, неверующие православные даже по самым скромным подсчетам составляют почти 10 % респондентов. Еще выше процент тех, кто, относя себя к верующим, не считает необходимым исполнение церковных ритуалов. Не случайно возникает группировка верующих на «воцерковленных», «полувоцерковленных» и «невоцерковленных». Последние, относя себя к конфессии, не придерживаются её установлений [1]. Другими словами, в обществе присутствует достаточно значительное число «потенциальных верующих», не входящих в общины, не участвующих или почти не участвующих в религиозной жизни. Но если превышение числа православных над числом верующих можно объяснить (что и делается) спецификой культурной идентификации и национального самосознания, то дальнейшие «странности» этим объяснить трудно.

Более половины участников опроса в 1997 году [10] отметили, что верят в приметы. Причем, судя по результатам локальных исследований, в «нулевые годы» (опрос проводился в семи субъектах Федерации) этот показатель не изменился. Достаточно стабильной является, судя по опросам, вера в экстрасенсов и возможность «порчи». Здесь тоже число респондентов, давших положительный ответ, достаточно велико (от 37 до 40 %). Здесь господствует несколько вариантов интерпретаций. Первый вариант фиксирует «кризис рациональности» как некое массовое явление. Действительно, казалось бы, мы имеем жесткий крен в сторону мистики и оккультизма [7], неспособность отделить веру от суеверия и т.д. В то же время есть и иной вариант интерпретации. Он составит основную часть нашего исследования. Для того чтобы сделать этот вариант сколько-нибудь убедительным, мы несколько сузим географические рамки исследования с масштабов страны в целом до масштабов одного из ее регионов – Дальнего Востока России. Такое сужение связано, конечно, с факультативным обстоятельством большей доступности материала, но и с тем, что регион в силу удаленности испытывает меньшее давление со стороны властного дискурса [3, 75-92], социальные процессы, инициированные им, протекают медленнее, что облегчает их фиксацию.

Естественно, это накладывает и определенный отпечаток на религиозную ситуацию в регионе. В опросах, в которых религиозная ориентация определялась по самопрезентации респондента², Дальний Восток по разным субъектам Федерации дает разброс от 32 до 38 % верующих, что существенно ниже общероссийских показателей (исключение – Амурская область, где данные существенно выше). Однако при попытке определить численность активных (постоянных) участников религиозных общин в абсолютном выражении оказалось, что

¹ <http://polit.ru/article/2012/10/26/doctrina/>

² <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0816/d081623>

таких данных нет ни в статуправлениях территорий, ни в Полпредстве ДФО. Не удалось обнаружить их и на региональных сайтах религиозных организаций. Думаю, что где-то численность прихожан фиксируется, но найти эти цифры не получилось. Единственная достоверная цифра приводится С.М. Дударенок [4, 46-51] и относится к концу 80-х годов. Число верующих в регионе определяется в тот период в 10 611 чел. на более 7 млн чел. населения, т.е. чуть более 0,1 %.

Понятно, что к настоящему времени эти цифры должны были существенно вырасти, но насколько? Достаточно приблизительный подсчет позволяет сделать статья Р. Лункина [8] и данные полевых межрегиональных исследований, приводящиеся в ней и в более полной версии изложенные в монографии «Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России» [9].

Дело в том, что во всех статистических указаниях приводится число общин и приходов, но не число участников. В упоминаемых же выше изданиях на основании многолетних наблюдений приводится средняя численность одной общины. Так, для общины РПЦ она составляет от 300 до 500 участников, тогда как для иных общин (кроме мусульманских) численность колеблется от 100 до 300 активных членов. По данным ведомственного реестра Минюста РФ по ДФО мы имеем 859 общин в регионе, из которых 324 общины РПЦ МП. В итоге получаем примерно равное число верующих (активных прихожан) православных РПЦ МП и всех остальных конфессий при общей численности прихожан чуть более 320 тыс. чел. При том, что численность населения региона сократилась до 6,3 млн чел., рост активных верующих действительно значительный: от 0,1 % до 5 % от общей численности населения. Из них около 3 % активных прихожан РПЦ МП. Примерно такую же картину дают и результаты всероссийского опроса. Иными словами, наши крайне приблизительные подсчеты дают вполне реалистичный порядок величин. В то же время совпадение это, скорее, говорит о типичности ситуации в регионе, нежели о своеобразии. Конечно, численное преобладание протестантских общин над общинами РПЦ МП не вполне типично для России, но и чем-то совершенно невероятным его назвать трудно. Близкое приграничье неизбежно накладывает свой отпечаток. Сама же ситуация вполне вписывается в одну из групп регионов, обозначенных авторами справочника «Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания» [11] как «малорелигиозные». Кроме большей части Дальневосточных территорий туда входят Калининградская, Мурманская, Новосибирская, Омская области и некоторые другие субъекты Федерации [8].

Еще ярче проявляются в Дальневосточном регионе весьма специфические мировоззренческие установки респондентов, репрезентирующих себя, как «верующие». Так, в ходе опроса, проводимого Дальневосточным институтом социально-политических исследований в 2009 году по территориальной выборке (число респондентов 1800), численность верующих (представителей разных конфессий) и атеистов распределилась следующим образом.

Считаете ли Вы себя верующим человеком?

Если да, то к какой религии Вы себя относите?

Православие	46,6 %	Протестантизм	0,3 %
Католицизм	0,2 %	Ислам	0,5 %
Иудаизм	0,3 %	Буддизм	0,2 %
Другие христианские конфессии (униаты, баптисты, евангелисты)	0,8 %	Другая религия	1,0 %
Верующим себя не считаю	36,4%	Затрудняюсь ответить	13,7 %

Показательно преобладание респондентов, придерживающихся православия, входящее в конфликт с данными, полученными через анализ численности приходов. Здесь дополнительное свидетельство того, что самоидентификация человека как православного свидетельствует более о культурной или политической идентичности, нежели о религиозной принадлежности. Тем более, что только 3,2 % респондентов отметили, что верят в загробную жизнь. Правда, и число суеверных оказалось несколько ниже, чем в целом по стране. Только 11,2 % респондентов отметили, что верят в приметы, а 34,1 % вообще не верят ни в какие сверхъестественные явления.

Более высокий процент атеистов, особенно среди молодежи до 24 лет и представителей старшего поколения (старше 50 лет), как и число верующих, не признающих загробную жизнь и воздаяние за грехи (признает 10,2 %), заслуживают отдельного обсуждения.

Для того чтобы ответить на этот вопрос, стоит посмотреть реакцию региональных СМИ на наиболее обсуждаемые события последнего времени, так или иначе связанные с РПЦ, вылившиеся в бурную общероссийскую дискуссию. Так, по численности телевизионные передачи на религиозные темы на местных телеканалах в Хабаровске и Владивостоке стоят после передач... о кулинарии. Лидируют сообщения и передачи об официальных мероприятиях и политических событиях в регионе, об экономических проблемах, об экологической и демографической ситуации. Религиозные вопросы занимают лишь 12-ю строчку рейтинга³ частоты, после проблем вывоза мусора и роста тарифов на услуги ЖКХ. Так, единственная передача, посвященная событиям, связанным с процессом над Pussy Riot, на которую были приглашены представители РПЦ МП, иных конфессий и атеисты, свелась к констатации того факта, что проблема надумана, раздута и попросту не существует. Сходным образом, освещается «религиозная проблематика» в региональных газетах и интернет-таблоидах⁴.

При этом наиболее частотными в плане освещения проблем религии являются (по убыванию): традиционные праздники (Рождество, Крещение, Пасха) и способы их отмечать «в старину», кулинарные рецепты «в пост», приезд крупных (особенно, зарубежных) религиозных деятелей, проведение «совещаний по противодействию экстремизму» с привлечением представителей основных конфессий. Остальные темы затрагиваются эпизодически. Показательно, что полемика pro и contra православия и его лидеров в последние месяцы почти не нашла отражения в региональных СМИ.

Использование СМИ как трибуны для пропаганды определенной конфессии эпизодически имеет место. Однако, если прямое «слово пастыря» и от РПЦ, и от протестантских общин, численно преобладающих в регионе, в 90-е годы имело место, то сегодня оно встречается все реже. Протестантские конфессии предпочитают создавать «информационные поводы» в виде выступления в молельном доме или церкви известных артистов (особенно популярны приезды джазовых групп). Иудейские общины проводят молодежные вечера и встречи тех, «кому за тридцать». Праздники объединяют и мусульманские общины (Курбан-Байрам, Навруз и др.). Прямая проповедь, как телевизионный жанр, сохраняется только «на вооружении» РПЦ МП. Здесь, видимо, сказывается и привилегированное положение конфессии. Однако еще раз отметим, все это происходит на периферии медиа-пространства.

Показательно и то, что при обращении к студентам хабаровских вузов дать определение концепту «Я»⁵, указание на религиозную идентичность появлялось в качестве 5 - 7 предикатов. Не намного большее место занимают религиозные проблемы и для респондентов – жителей двух крупнейших городов региона – в ходе серии неформализованных (биографических) интервью. Отбор информантов осуществлялся в основном по методике «снежного кома», с учетом основных сфер занятости (государственная и муниципальная служба, бизнес, массовые интеллектуальные профессии, рабочие профессии, студенты, военнослужащие), место проживания (город, район). Всего было собрано 27 интервью.

Для большей части респондентов (23 из 27) при рассказе об их биографии (биографические интервью) проблема «религиозности» и конфессиональной принадлежности не возникла.

«Как жил? Как все. Школа, вуз, депо. Потом по комсомольской линии пошел. Квартиру дали. Ну, в «ссылке», в Н. пришлось поработать за квартиру. Когда все распалось, я в бизнес ушел. Тут же что главное? Друзья. Умеешь дружить, пропасть не дадут. Вот я умею. Потому из любой неприятности вылезу. Друзья помогут» (респондент, мужчина, 54 года, топ-менеджер крупного предприятия, образование высшее).

³ Подсчитано автором на основании просмотра трёх региональных телеканалов в Приморском и Хабаровском краях.

⁴ Для анализа привлекались газеты «Тихоокеанская звезда», «Золотой рог», «Амурский экспресс», интернет-таблоиды Prima-Mrdia, Amur-Media, moigorod.

⁵ Опрос проводился в сентябре-октябре 2012 года в вузах Хабаровска. Опрошено 500 респондентов. Выборка квотная. Квотировались пол, курс, направление подготовки.

Концепт «друзья» оказывался одним из самых частотных. Правда, этот термин в разных интервью обозначал бизнес-партнеров, одноклассников и одноклассников, земляков и т.д. В принципе, контрагент любой регулярной коммуникации в 26 случаях из 27 обозначался термином «друг». При этом атрибутами «друга» выступали «надежность» (23), «общительность» (20), «доброта» (17), «порядочность» (16). В трех случаях отмечалась «интеллигентность». В одном случае – вероятность того, что «друг» окажется полезным. Религиозный фактор, в качестве определяющего элемента для организации коммуникации, встретился только в одном случае. Здесь интервью было взято у активного участника религиозной общины (РПЦ МП).

«Да. Для меня важно, какой веры мой собеседник. То есть, я, конечно, буду говорить и с мусульманином, и с кем угодно. Но с православным проще. Ему очень многие вещи не надо объяснять. Проще понять друг друга. Не будет глупых вопросов о посте или о церкви. Я стараюсь общаться со своими, с православными» (мужчина, 46 лет, преподаватель вуза, образование высшее).

В трёх оставшихся интервью религиозный компонент возникал в условиях возникновения оппозиции, причем именно политической. Как правило, идентификация с православием актуализировалась в условиях осознания политической угрозы.

«Думаешь, зачем на Уссурийском острове⁶ часовню возвели? Чтоб показать, что это русская земля. И показали. Эта часть, где часовня, осталась за нами. Храм – это как знак, что здесь Россия. Мы – православные, в этом наша история. Я сам крестился и жену с сыном крестил» (мужчина, 47 лет, предприниматель, образование высшее).

В ситуации повседневной коммуникации религиозный фактор тоже не актуализировался. Коммуникация организуется по другим принципам. Не являются религиозные вопросы и предметом для обсуждений. По словам респондентов, большая часть из них (25 из 27) не ведут разговоры о проблемах церкви, веры и конфессиональной принадлежности. Исключением являются праздники Рождества и Пасхи. Большая часть респондентов (26 из 27) предпочитают праздновать религиозные праздники.

«Пасха – это с детства. Куличи бабушка пекла. Самые вкусные в мире. Меня, когда в город привезли. Лет 5 мне было. Воспитательница в детском саду спрашивает: Какой праздник вся наша страна отмечает в апреле? Ну, в смысле – день рождения Ленина. А я, радостная такая, кричу – Пасха! Вот матери тогда дали. Я до сих пор весны без запаха куличей не представляю» (женщина, 48 лет, учительница, образование высшее).

Иными словами, проблемы веры и конфессиональной принадлежности, как показывает массив интервью, не относятся к числу актуальных для респондентов проблем. Они о них не думают, не обсуждают. Конфессиональная принадлежность не структурирует коммуникацию, не определяет направления социального действия.

Но господствующий дискурс, в рамках которого «главным по нравственности» является религиозная организация, а принадлежность к РПЦ МП – видимый показатель политической благонадежности, остается. Не столь важно, что в оппозиционных Интернет-ресурсах он осмысливается со «знаком минус», а на государственных и пригосударственных каналах – со «знаком плюс». Он звучит с экранов телевизоров и с трибун всевозможных «форумов», его отпечаток лежит на официальных бумагах и в практике судебных решений. Он есть. В то же время для Дальнего Востока, как для специфического, окраинного региона, его функция ослаблена. Проблема не в удаленности как таковой. Современные технические средства коммуникации ее вполне преодолевают. Проблема в том, что население региона не укоренено на территории. Со слабой укорененностью населения связывает «слабую религиозность» и упоминаемый нами Р. Лункин [8]. Это обстоятельство стоит рассмотреть подробнее.

Дальний Восток, как, по-видимому, и «дальний запад» России, специфичен в отношении механизма заселения. В период, когда у страны появляются ресурсы, стабилизируется международное и внутривнутриполитическое положение, на бесконечно далекую окраину текут переселенческие потоки, львиную долю которых составляют потоки, организованные государством. Люди направляются на добычу вполне конкретного блага, в котором сегодня заинтересовано государство. В XVII столетии – это пушнина, позже – серебро, еще позже – золо-

⁶ Остров Большой Уссурийский. По условиям межправительственного соглашения большая его часть отошла КНР.

то. Сегодня – возможность выхода на азиатские рынки вместо традиционной европейской ориентации страны. Но истощение искомого блага или появление «проблем» у родимого отечества мгновенно вызывало прекращение государственного дотирования и массовый отток населения.

Такой двухтактный механизм развития региона приводил к тому, что «местное» население не формировалось, а для находящихся здесь людей регион представлял собой место временного проживания. В результате население региона составили разные и осознающие свою разность люди и группы. Основой организации коммуникации здесь выступали не столько те или иные идеологемы, сколько повседневность. Совместная охота и рыбалка, застолие и баня структурировали коммуникацию, делая властный дискурс излишним. Точнее, он использовался больше для «внешнего общения». Не случайно, культовым персонажем в «народном восприятии» был не реформатор и просветитель губернатор П.Ф. Унтербергер, а его предшественник барон А.Н. Корф, который «сам жил и другим жить давал» [6]. Соответственно, любая «сильная идеология», в том числе религия, не способствовала, но препятствовала организации коммуникации, сужая круг потенциальных контрагентов.

В результате возникала специфическая дискурсивная двойственность. Официальный дискурс одомашнивался, превращался в приватный, лишаясь политического звучания и целостности. Точнее, целостным оставался «приватный» (действительный, подлинный) дискурс и формы его бытия. Публичные же элементы заимствовались лишь для того, чтобы эту подлинную реальность представить в понятном для власти языке, причем под «властью» по большей части понимался центральный аппарат, а не местные органы управления.

Эта ситуация стала еще более явной в 90-е годы XX века, в период очередного «откатного» такта. Катастрофический распад СССР и почти полное «блокирование» западной части страны привели к массовому оттоку населения. Подобные ситуации регион переживал не раз. Как правило, это вызывало стремительную архаизацию и экономики, и образа жизни. На смену золотодобыче и оборонной промышленности приходили лесозаготовка, охота и рыболовство. Но в 90-е годы положение сложилось иное. Теперь не из бесконечно далекого «запада», а с близкого «юга» в регион потекли инновации. Вблизи от дальневосточных границ России сложились центры агрессивной постиндустриальной экономики, остро нуждающиеся в дальневосточных ресурсах и готовые за них платить. В результате вместо архаизации начинается стремительное втягивание региона в ближайшие центры АТР, позволяющее Дальнему Востоку не только выживать, но и развиваться. Впервые за годы существования в регионе начинает формироваться социальная инфраструктура, а жители сопредельных стран все в меньшей степени осознаются как «чужие». Здесь же, в АТР, где соседствуют (и взаимодействуют) страны и народы с абсолютно разной историей, религией и политическим строем от монархии до демократической республики и коммунистического режима, вопросы религии и политики просто выводятся за скобки. В рамках международных «клубов», которые принимают решения и определяют правила игры, эти вопросы не задаются. Отходит от этих вопросов и региональная элита, а за ней и население.

Но в «нулевые» годы ситуация вновь меняется. Взлет цен, стабилизация внутривластного положения приводят к возвращению «власти» (чужой, центральной) на Дальний Восток. Рискованные транзакции в рамках экономики АТР сменяются гарантированными и невероятно щедрыми федеральными ресурсными и финансовыми потоками. Вместе с федеральным финансированием, ужесточением соблюдения законодательства, распадом прежней хозяйственной системы в регион приходит и религиозный дискурс как элемент властного дискурса. Показательно, что за 90-е годы в Хабаровске было построено шесть крупных протестантских культовых объектов и... ни одного православного. Тогда как в «нулевые» были возведены три крупных храмовых комплекса, восстановлены две часовни, открыта семинария и два монастыря. В результате возникает специфическая картинка «религиозной жизни» региона, точнее, дискурса, в который она оформляется. Как дань близости с АТР и продолжающемуся активному взаимодействию с ним сохраняется значительное, пока численно преобладающее число протестантских общин, а также крайне холодное отношение населения к термину «тоталитарная секта». Так, приезд в Хабаровск главного борца с сектами А.Л. Дворкина прошел при пустых залах и крайне настороженном отношении власти. По инерции сохраняется и значительная часть атеистов, особенно среди той (крайне значитель-

ной) части населения региона, которая не связана с «золотым дождем», идущим из федерального центра.

Отсюда специфические результаты опросов, посвященных религиозным ориентациям населения. Люди знают о существовании религиозного дискурса, связанного с властным. Они знают «правильный ответ» и воспроизводят его в ходе опросов. При этом к их реальности ответ имеет достаточно косвенное отношение. «Несовпадения», отмеченные выше, скорее, объясняются не кризисом рациональности и распространением суеверий, но тем, что «правильный ответ» пока выучен плохо. Он слишком недавно стал «правильным». Большая или меньшая религиозность, фиксируемая в ходе массовых опросов в других регионах, тоже скорее всего, связана с тем, насколько хорошо респонденты знают «правильный» ответ.

Итак, мы имеем в «сухом остатке» достаточно небольшое (в пределах 10 %) число активных участников религиозной жизни в стране, совершенно спокойно ведущих свою религиозную жизнь, и все шире распространяющееся знание «правильных ответов». Но наряду с этой, достаточно слабо клерикализованной реальностью есть и другая. Это реальность СМИ и государственных структур, ответственных за идеологию и религию, реальность политических решений, публичных форумов и экспертных заседаний. Эту реальность и фиксируют ведущие полстеры. Здесь ведутся актуальные споры о светском государстве и религиозности, о кризисе рациональности и часах патриарха. Эта реальность ярка, эмоционально накалена до предела, изобилует интересными концепциями и оригинальными выводами. Беда у нее лишь одна – она не существует. Точнее, возникает специфическая – виртуальная – реальность массовых опросов⁷. Искусственная актуализация смыслов, не присутствующих в явленных формах в повседневности большей части жителей страны, порождает реальность-симулякр. Он, к несчастью, и становится предметом внимательного анализа. Сама же жизнь сотен миллионов людей, в том числе верующих и атеистов, православных и мусульман и многих-многих других, оказывается вытесненной за пределы рефлексии. Похоже, наступает время ее туда вернуть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохин, Д. Насколько православны наши православные / Д. Анохин // Церковный вестник. – 2012. – № 8 // http://www.e-vestnik.ru/interviews/sociology_vocercovlenie/
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Бляхер, Л. Е. Государство и несистемные сети «желтороссии», или Заполнение «пустого пространства» / Л. Е. Бляхер // Полития. – 2010. – № 1. – С. 75-92.
4. Дударенок, С. М. Современная религиозная ситуация на российском Дальнем Востоке: особенности формирования и тенденции развития / С. М. Дударенок // Свобода религии и демократии: старые и новые вызовы: материалы Международной научной конференции. – Киев, 2010. – С. 46-51.
5. Информационный бюллетень мониторинга. – М., 1996. Вып. 6. – С. 45-50.
6. Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1985. – 264 с.
7. Кураев, А. В. Когда Небо становится ближе. О чудесах и суевериях, о грехах и праздниках / А. В. Кураев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007. – 112 с.
8. Лункин, Р. «Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации / Р. Лункин // <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=2135>
9. Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / отв. ред. С. Б. Филатов. – М.-СПб.: «Летний Сад», 2002. – 574 с.
10. Синелина, Ю. Ю. Церковь и интеллигенция: мифы и реальность / Ю. Ю. Синелина // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 4 (110). – С. 65-71.
11. Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания: справочник/ под ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М.: «Логос», 2006. – 469с.
12. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994.– 408 с.

⁷ Термин «виртуальный» здесь используется в его «физическом» смысле: возникающий и существующий только в условиях конкретного взаимодействия. В данном случае взаимодействия между респондентом и интервьюером.

Мерецкий Н. Е.
N. E. Meretskiy

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ, СОВЕРШАЕМОГО В СЕМЬЕ

THE INITIAL PHASE OF INVESTIGATION OF FAMILY VIOLENCE CASES

Мерецкий Николай Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, заведующий кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск). E-mail: ugpd@rambler.ru

Mr. Nickolay E. Meretskiy – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law, the Far-Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk). E-mail: ugpd@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются некоторые проблемные вопросы, связанные с расследованием насилия, совершаемого в семье в отношении детей. В ней предлагается алгоритм действий, направленных на сбор доказательств в отношении субъектов противоправной деятельности.

Summary. This paper explores some problems linked to investigation of violence against children within a family. It proposes an algorithm of actions for collection of evidence concerning perpetrators.

Ключевые слова: насилие, дети, правоохранительные органы, следственные действия, обстоятельства, доказательства, планирование.

Key words: violence, children, law enforcement agencies, investigations, circumstances, evidence, planning.

УДК 343.98.343 : 343.62 – 053.2

Получение доказательств при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных в семье, занимает одно из центральных мест. Деятельность правоохранительных органов по поступающим заявлениям зависит от различных ситуаций, предполагающих применение специальных методов и рекомендаций, направленных на использование поступающей информации, в рамках действующего законодательства. Дело в том, что поиск и реализация информации о преступлении идет не только в период проверок заявлений или сообщений о преступлении, совершаемом в семье, но и при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Анализ структурных элементов и связи между ними позволяют выявить конкретного субъекта, установить закономерности и способы, используемые им как для совершения, так и для сокрытия обозначенного преступления. В связи с этим, основываясь на методологическом принципе, что механизм преступления детерминирован конкретным субъектом, определяющим свою деятельность целью (умыслом), проанализируем обстоятельства, подлежащие доказыванию по преступлениям, совершаемым в семье.

Представляется целесообразным отметить, что обстоятельства, подлежащие доказыванию по всем видам противоправной деятельности, складываются из ряда различных элементов (см. прим. 1) и постоянно испытывают влияние уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминологических, психологических и других наук, а также объективных условий, которые непосредственно способствуют или препятствуют совершению любого преступления и наступлению общественно опасных последствий. Обозначенные обстоятельства способствуют своевременному сбору информации о совершенном деянии, которая влияет на раскрытие и расследование преступлений, совершаемых в семье на начальном этапе.

Практика показывает, что противоправная деятельность субъекта в семье как способ совершения преступления детерминирована объективными и субъективными факторами, которые оказывают непосредственное влияние на ход и результаты расследования.

К объективным факторам, по нашему мнению, относятся:

во-первых, механизм преступления (внешние условия), включающий в себя обстановку, способствующую совершению определенных действий, например: неуважение к своей и чужой собственности; алкоголизм и наркомания родителей, опекунов, попечителей или их близких родственников, в том числе знакомых; отсутствие интеллекта и воспитания; неспособность воспринимать критику; нежелание заниматься самообразованием и т.д.;

во-вторых, внутренние условия, заключающиеся в деятельности работников правоохранительных органов и социальных служб, направленные на предотвращение насилия в семье: посещение неблагополучных семей; контроль за расходованием денежных средств, выделяемых на воспитание детей; беседы с родителями и детьми и т.д.

Среди субъективных факторов, определяющих насилие, совершаемое в семье, выступают:

во-первых, цель совершения преступления, которая, будучи соотнесена с объективными условиями и субъективными возможностями личности, обуславливает выбор и содержание действий по ее достижению: ненависть к детям, несдержанность, повышенная эмоциональная напряженность в семье, вымещение злобы на детях и т.д.;

во-вторых, объекты и средства деятельности конкретного субъекта. Разумеется, на выбор способа достижения преступного результата оказывают влияние не только цель, но и свойства конкретной личности:

– психологическое насилие: высказывание недовольства по разному незначительному поводу, угрозы, оскорбления и т.п.;

– физическое насилие: нанесение ударов по различным частям тела рукой, палкой, истязания и т.п.

Практика показывает, что данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Вывод об умышленной форме вины применительно к данному преступлению основан на том, что в 98,3 % случаев субъект осуществлял продуманные подготовительные действия, тщательно планируя свои действия с целью последующего сокрытия следов. В связи с этим следует заметить, что сущность совершенного преступления может определяться по-разному, но закономерно отражаться в следах, оставляемых насильником только потому, что субъект использует различные способы и условия для достижения задуманного. Это дает основание предполагать о необходимости самостоятельного рассмотрения вопроса о расследовании уголовных дел, предусмотренных соответствующей статьей Уголовного кодекса. В связи с этим можно согласиться с Д. А. Турчиным, который указывает, что «отражение преступления в материальной действительности происходит через его механизм, который материализуется в следах. Иначе ретроспективное восприятие обстоятельств преступления было бы невозможным» [5, 20-21].

Отсюда криминалистическое значение следов, оставляемых в результате насилия, совершаемого в семье, по нашему мнению, состоит в том, что они являются, во-первых, основополагающим материалом для предварительного и судебного исследования, во-вторых, материальным носителем сведений об отраженном (слеодообразующим) объекте, в-третьих, воплощением признаков, отраженных в обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Уже простое перечисление объектов взаимодействия свидетельствует о наличии между ними определенных связей.

Вопрос об исследовании и оценке исходной информации о насильственном преступлении, совершенном в семье по отношению к малолетнему (несовершеннолетнему) ребенку, отнюдь не очевиден и не прост, как это может показаться на первый взгляд. Его сложность объясняется не только необходимостью полного учета всех взаимодействующих элементов поступающей информации (это само по себе вызывает значительные трудности в силу того, что, например, бьют или истязают родители за якобы какую-либо провинность), но и тем, что она как целостная система постоянно обогащается в процессе раскрытия и расследования новыми качествами и характеристиками. Отсюда не вызывает сомнения целесообразность знания места, условий и обстановки совершения конкретного преступления, которые обусловлены одной общей цепочкой элементов, «причем в последнем случае изучение может осуществляться по двум направлениям: как научное исследование, направленное на решение обобщенных прикладных задач из сферы прак-

тической деятельности правоохранительных органов, либо как исследование методами и средствами криминалистики определенных обстоятельств конкретного преступного деяния» [3, 6].

Исходя из сказанного, предметом комплексного учения о расследовании насилия, совершаемого в семье, являются специфические объективные закономерности, определяющие формирование устойчивых и индивидуальных признаков, выраженных в механизме действий субъекта, «... которые обуславливают возникновение и формирование объектов криминалистического исследования, т.е. объектов – носителей доказательственной информации» [1, 125]. Проведенный с позиции комплексного подхода анализ исходной информации об обстоятельствах совершения обозначенных преступлений позволяет констатировать, что сведения, поступающие в правоохранительные органы, необходимо различать в зависимости от:

- способа его совершения и сокрытия;
- субъекта преступного посягательства, его свойств;
- установления данных о месте и характере события;
- продолжительности преступной деятельности;
- количества эпизодов и числа лиц, участвующих в преступлении.

В то же время очевидным является и тот факт, что во всем объеме исходной информации мы должны исследовать обстановку, сложившуюся на определенном этапе совершения преступления. В ней в первую очередь и проявляется индивидуальный характер поведения субъекта (преступника), так как мысленная модель совершенного преступления формируется следователем для решения специальной познавательной задачи, в результате которой оценивается вероятное или достоверное знание (с учетом определенной частоты встречаемости индивидуальных признаков) всех обстоятельств, которые могут быть материализованы в виде схемы или описания. В исследовании поступающей информации такая модель выполняет функции интерпретации фактов, имеющих криминалистическую значимость. Модель опирается на всю имеющуюся информацию об изучаемом преступном событии, на прошлый опыт и знания, в результате чего и сама оказывается источником определенных (необходимых) знаний.

Думается, не следует полагать, что расширение круга объектов, служащих источником информации, является единственным направлением изучения обстоятельств, подлежащих доказыванию. Разумеется, это не может быть достигнуто в рамках проведения конкретного следственного действия, а следовательно, не фиксируется в процессуальном источнике доказательств. Здесь требуются другие методы исследования и более высокий уровень криминалистических знаний, которыми должны обладать субъекты правоохранительных органов. Предлагаемая нами методика первоначального этапа расследования насильственных преступлений, совершаемых в семье по отношению к малолетнему (несовершеннолетнему) ребенку, предусматривает, во-первых, одновременное исследование на нескольких уровнях различных объектов и ситуаций в целом, во-вторых, синтезирование данных, полученных из различных (процессуальных и непроцессуальных) источников, и, в-третьих, формирование соответствующих выводов, относящихся к событию в целом и по отдельным его фрагментам.

Дело в том, что обнаружение следов на теле ребенка (синяки, ссадины, переломы костей и т.п.) предстает перед следователем или оперработником как непознанное явление, и в начальный период расследования им приходится сталкиваться с совокупностью самых различных обстоятельств такого события, вплоть до оказываемого противодействия расследованию, выраженного в оказываемом психологическом давлении на потерпевшего. В этом случае необходимо выяснить не только когда (время) получены телесные повреждения, но и их причину, например: поскользнулся, упал во время игры с друзьями, получил ушиб от удара клюшкой и т.д., а не в результате насилия в семье. Перед следователем в этих условиях стоит задача мысленно представить последовательность действий не только преступника, но и самого ребенка, связать разрозненные элементы и создать определенную систему исследуемых обстоятельств.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что информация об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делам о насильственных преступлениях, совершаемых в семье

по отношению к малолетнему (несовершеннолетнему) ребенку, должна содержать:

во-первых, описание общей структуры преступного деяния (предмет непосредственного посягательства; субъект посягательства; физические и психические действия субъекта, направленные на причинение вреда здоровью ребенка; факты-последствия; место, время совершения преступления и т.п.), а также связи и отношения между ними;

во-вторых, описание общих закономерностей механизма преступления, определяющих их раскрытие и расследование (обуславливающее влияние обстановки, связь преступления с поведением виновного до совершения преступления, во время преступления и после него и т.д.) в конкретной следственной ситуации. «Исходная следственная ситуация, сложившаяся к началу расследования, соответственно, предопределяет для данного случая последовательность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий» [2, 17].

Чтобы перечисленные задачи осуществлялись успешно, необходимо во всех случаях установить содержание, характер и количество совпадающих обстоятельств в зависимости от исходной следственной ситуации. А поскольку преступление – это сложное явление, то изучение и описание его целесообразно делать с помощью накопленных знаний в аппарате других теоретических систем, в которых должны содержаться не любые сведения о преступлении, а лишь те, которые имеют значение для организации деятельности работников правоохранительных органов по раскрытию и расследованию рассматриваемых нами деяний. Поэтому наряду с описанием самих насильственных действий, совершаемых в семье по отношению к малолетнему ребенку, обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны включать, во-первых, сведения о поведении несовершеннолетнего, во-вторых, о личности преступника, в-третьих, о месте события, в-четвертых, об обстановке, в которой оно произошло.

В то же время очевидным является и тот факт, что наличие или отсутствие строгой локализации следов преступления в пространстве является одним из оснований их исследования в обстоятельствах, подлежащих доказыванию, например: при осмотре места и изучении условий совершения преступлений, при проведении допроса, освидетельствования или других следственных действий, в том числе и оперативно-розыскных мероприятий. С точки зрения указанного признака насильственные преступления, совершаемые в семье по отношению к малолетнему (несовершеннолетнему) ребенку, как правило, происходят в квартире (доме, жилище), иногда вне квартиры (например, на улице во время прогулки или поездки в другой населенный пункт или загородную зону отдыха) лицами, имеющими непосредственное отношение к обязанностям по его воспитанию.

По делам этой категории установление места совершения преступления, как правило, особых трудностей не вызывает. Однако в силу того, что оно совершается субъектами, находящимися в зависимости от них, а также в местах, где ребенок живет и воспитывается, то обозначенное обстоятельство значительно затрудняет расследование. Кроме того, даже в тех случаях, когда имеются сведения о насилии в отношении ребенка со стороны родителей (попечителей, опекунов и т.д.), нередко несовершеннолетний либо отказывается давать исчерпывающие показания об издевательствах, либо меняет их в пользу субъекта, совершившего злодеяние.

Таким образом, при исследовании обстоятельств, подлежащих доказыванию по обозначенным преступлениям, следует иметь в виду, что в разнообразных сведениях, полученных при проведении следственных действий, оперативно-розыскных и организационных мероприятий, довольно часто содержатся: во-первых, уже имеющийся источник фактических сведений о преступлении (источник доказательственной информации) в лице жертвы; во-вторых, объект (следы на теле, одежде и т.п.), всестороннее, полное исследование которого криминалистическими средствами может обеспечить получение необходимой для дела информации; в-третьих, данные о субъекте (преступнике), который, как правило, известен, а потому выявление и установление его с целью использования в качестве информационного источника не представляет затруднений. Другое дело, если оказывается активное противодействие расследованию со стороны заинтересованных лиц, например, сама жертва впоследствии отказывается давать показания в отношении виновного или ушибы (ссадины) получе-

ны иным путем, а ребенок решил шантажировать родителей (брата, опекуна и т.д.).

Необходимо отметить, что вышеприведенные обстоятельства имеют большое значение для содержания ситуаций первоначального этапа расследования насилия, совершаемого в семье. В силу специфики рассматриваемого преступления, деятельность дознавателя, следователя в обозначенный период направлена не только на установление законности возбуждения уголовного дела, но и позволяет установить все эпизоды преступной деятельности, роль каждого из участников, в том числе и потерпевших. Последние, как показывает практика, в большинстве случаев (54,8 %) сами провоцируют (создают негативную ситуацию) «злодея».

Наши исследования показывают, что сбор и анализ необходимой информации должен иметь целенаправленный характер и ограничиваться решением конкретных задач первоначального этапа расследования. В противном случае, излишняя увлеченность поиском дополнительной информации может обернуться тактической ошибкой. Речь идет, например, о следующих моментах:

- телесные повреждения (например: синяки, ушибы, ссадины и т.п.) могут быть незаметными или могут проявляться на поверхности кожного покрова через некоторое время после их нанесения;
- могут возникнуть трудности в определении того, являются ли повреждения случайными или причинены в результате насилия;
- могут отсутствовать свидетели, поскольку преступление совершено в частном жилище или единственными свидетелями могут являться дети;
- не совершившая правонарушение жена может пожелать защитить супруга-правонарушителя;
- жертвы могут быть не в состоянии сообщить о фактах насилия по причине возраста, страха или зависимости от правонарушителя;
- жертвы могут не знать о своих законных правах;
- свидетели могут не пожелать вмешиваться в дело;
- может не оказаться в наличии документов о ранее имевших место случаях насилия, например: сообщений в полицию, заключения врачей и т.п.

В начальный период расследования, по нашему мнению, специалисты, участвующие в осмотре места происшествия, должны пройти подготовку по методике предварительного исследования доказательств. Они должны знать, как собирать, маркировать и упаковывать обнаруженные следы, чтобы они не потерялись или не были повреждены. Это особенно важно при расследовании случаев нанесения побоев ребенку, когда роль судебной экспертизы приобретает решающее значение. Следует иметь в виду, что «как исходная, так и дополнительная информация носит предварительный характер и по своей природе не может быть исчерпывающей» [4, 178].

С криминалистических позиций, большое значение имеют данные, полученные в результате допроса следующих лиц:

– сообщивших в полицию о факте насилия;	– других свидетелей;
– которым жертва рассказала об акте насилия;	– правонарушителя;
– жертв(ы);	– соседей.
– членов семьи;	

Кроме того, заявления, сделанные во время первоначального опроса (допроса), могут стать свидетельскими показаниями, используемыми при судебном разбирательстве уголовных дел. В силу этого, готовясь к допросу, следователи должны выбрать подходящий момент, не вызывая у жертвы чувства страха. Известно, что имевшие место факты легче вспомнить сразу после совершения насилия. Более того, если первоначальные сообщения точны и носят исчерпывающий характер, отпадает необходимость проводить повторные допросы и снова травмировать ребенка или свидетелей.

Допросы на начальном этапе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в семье, могут быть более успешными, если:

Мерецкий Н. Е.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ, СОВЕРШАЕМОГО В СЕМЬЕ

- они проводятся группами, включающими представителей различных служб, например социальных работников и полицейских, занимающихся с несовершеннолетними;
- жертвы понимают, для какой цели делаются заявления и как они могут быть использованы;
- во время допроса присутствует лицо, оказывающее поддержку жертве, например: работник детского дома или адвокат, или представитель ребенка, пользующийся у него авторитетом;
- в некоторых случаях опрос проводится в отсутствие других членов семьи, чтобы не оказывалось на них влияние;
- допрос жертвы проводится следователем-женщиной, которая прошла подготовку по вопросам борьбы с актами семейного насилия;
- допрос проводится в безопасном месте, в отсутствие правонарушителя (в идеальном случае – дома, когда нет правонарушителя, или в нейтральном месте, где нет никакой угрозы).

Следует иметь в виду, что беседы с детьми, ставшими свидетелями фактов насилия в семье, должны проводиться только в случае абсолютной необходимости. Ребенок не должен быть поставлен в такое положение, когда в результате имевшего места конфликта ему надо будет решать, сторону какого родителя принять.

К сожалению, не всегда уделяется должное внимание разработке согласованных действий при производстве расследования насилия, совершаемого в семье. Своевременность и целеустремленность действий на первоначальном этапе расследования и хорошо организованное взаимодействие между различными службами не только правоохранительных органов, но и социальными службами, представителем Президента по вопросам ребенка и т.д. – важнейшее условие успеха раскрытия преступлений, связанных с насилием в семье. Кроме того, мы рекомендуем поручать расследование обозначенных преступлений более опытному следователю, имеющему возраст 35 – 40 лет и стаж следственной работы не менее 15 лет.

В заключение следует отметить, что специфика начального этапа расследования насилия, совершаемого в семье в отношении ребенка, зависит от способа тяжести причиненного вреда конкретному субъекту. Тем не менее следователю необходимо наравне с итогами, полученными в ходе допроса, судебно-медицинского освидетельствования и других следственных действий, провести следственное освидетельствование и осмотр одежды ребенка, в которой он находился в момент получения травмы. Результаты обозначенных исследований могут свидетельствовать о неопровержимости полученных первоначальных доказательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики / Р. С. Белкин. – М.: Юрист, 1997. – 408 с.
2. Волчецкая, Т. С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе / Т. С. Волчецкая // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. – С. 15-20.
3. Коломацкий, В. Г. Понятие и сущность криминалистического исследования / В. Г. Коломацкий // Проблемы криминалистики и предварительного следствия в деятельности органов внутренних дел. – Хабаровск: Высш. шк. МВД РФ, 1992. – С. 3-9.
4. Суворова, И. В. Некоторые аспекты подготовки к производству следственных действий / И. В. Суворова // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р. С. Белкина): сб. матер. 53-х криминалистических чтений: в 3 ч. Ч. 2. – М.: Академия управления МВД России, 2012. – С. 178.
5. Турчин, Д. А. Научно-практические основы криминалистического учения о материальных следах / Д. А. Турчин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – С. 20-21.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Думается, что нет смысла перечислять все обстоятельства, подлежащие доказыванию, так как они подробно изложены в ст. 73 УПК РФ.

Шурухнов Н. Г., Корочкина А. И.
N. G. Shurukhnov, A. I. Korochkina

**СУДЬБА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНИЗАЦИЙ-БАНКРОТОВ
(ПО СИТУАЦИИ ОАО «ТУЛАУГОЛЬ»)**

**THE FUTURE OF ARCHIVED DOCUMENTS SUPPRESSED FROM BANKRUPT
ORGANIZATIONS (AS REPRESENTED BY THE OJSC "TULAUGOL"'s CASE)**

Шурухнов Николай Григорьевич – начальник отдела архивного дела Министерства образования и культуры Тульской области (Россия, Тула). E-mail: matros49@mail.ru

Mr. Nikolay G. Shurukhnov – Head of the Archives, Ministry of Education and Culture of the Tula region (Russia, Tula). E-mail: matros49@mail.ru.

Корочкина Ангелина Игоревна – ведущий специалист отдела документов по личному составу ГАУ ТО «Государственный архив» (Россия, Тула). E-mail: angelina71i@rambler.ru

Ms. Angelina I. Korochkina – Chief Specialist, Department of Personnel, Government's Archival Agency of the Tula region (Russia, Tula). E-mail: angelina71i@rambler.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются процедуры банкротства, в результате которых архивные документы в неупорядоченном состоянии перемещаются в непригодные помещения. Акцентируется внимание на том, что конкурсные управляющие вопреки законам не принимают мер для должной передачи архивного фонда на государственное хранение.

Summary. The paper deals with such bankruptcy proceedings that may result in archival documents being moved to unsuitable premises in a disordered state. Attention is focused on the fact that bankruptcy trustees do not take appropriate measures to properly transfer archival collection to government custody, which omission is a breach of law.

Ключевые слова: банкротство, передача документов в архив на хранение, ликвидационная комиссия, конкурсный управляющий, приватизация, производственное объединение «Тулауголь», ОАО «Тулауголь».

Key words: bankruptcy, document placing to archives, liquidation committee, bankruptcy trustee, privatization, production association «Tulaugol», OJSC «Tulaugol».

УДК 347.736.5

26 октября 2002 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации установил основания для признания должника несостоятельным (банкротом), а также порядок и условия проведения процедур банкротства. За время действия закона через процедуры банкротства в Российской Федерации прошло несколько сот тысяч юридических лиц. По данным Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в 2006 г. было завершено производство по 60 848 делам о несостоятельности (банкротстве), в 2007, 2008, 2009, 2010 гг. соответственно 66 816, 35 051, 30 840, 31 195. В подавляющем большинстве случаев имущество несостоятельных должников является федеральной собственностью.

Как показывает практика, при осуществлении процедур банкротства игнорируется законодательство, регламентирующее проведение мероприятий по упорядочению архивных документов и их последующей передаче на государственное хранение (см. прим. 1). Конкурсные управляющие изначально не проводят инвентаризацию, не упорядочивают архивные документы, ссылаясь на отсутствие необходимых средств, хранят их в помещениях, которые не приспособлены для этого, передают заинтересованным лицам техническую доку-

ментацию, а также отдельные документы (экспозиции), относящиеся к истории создания предприятия, характеризующие его достижения и заслуги отдельных работников (см. прим. 2). В тех случаях, когда архивные документы хранятся в помещениях (зданиях), внесенных (порой незаконно) в конкурсную массу, выставляют помещения вместе с архивом на торги для продажи в частную собственность, не заботясь о дальнейшей судьбе архивных документов (см. прим. 3). Таким образом, причиняется непоправимый вред Архивному фонду Российской Федерации и в целом архивному делу России.

В период проведения процедур банкротства работники ведомственных архивов увольняются, справки социально-правового характера не выдаются, отдельные документы с важными для граждан сведениями утрачиваются. Утрата документов, и как следствие, отсутствие возможности получения гражданами социально-правовых сведений, затрагивают права и законные интересы не только россиян, но и лиц, проживающих за пределами Российской Федерации, чем подрывается авторитет Российского государства.

Все перечисленное в той или иной степени связано с посягательствами на социально-экономические права (социальное обеспечение по старости, инвалидности), закрепленные в Конституции Российской Федерации и вынуждает граждан в отдельных субъектах Российской Федерации проводить массовые акции, направлять коллективные обращения Президенту, Председателю Правительства Российской Федерации, Губернатору.

Приведенные нарушения прав граждан объясняются комплексом различных причин, в том числе: отсутствием экономико-правовых основ, которые определяли бы первоочередность передачи архивных документов на государственное хранение; отсутствием надлежащей ответственности конкурсных управляющих за отказ от проведения работ по упорядочению документов и передачи их на государственное хранение; длительными сроками осуществления процедур банкротства; бесконтрольностью их проведения; отсутствием специальных правовых механизмов, способных разрешать вопросы, возникающие в результате банкротства; распространением гражданско-правовых норм на решения, принятые в результате приватизации (в частности, сроки исковой давности).

Для того чтобы наглядно и обстоятельно подтвердить приведенное, обратимся к процедуре банкротства ОАО «Тулауголь» и судьбе его архива.

В производственное объединение по добыче угля Министерства угольной промышленности СССР – «Тулауголь» входили шахты, разрезы, предприятия и различные комплексы, расположенные в Тульской, Калужской, Смоленской и Тверской областях. Оно было создано в 1989 г. на базе упраздненных Новомосковского и Тульского производственных объединений с административным центром в г. Туле. В «Тулауголь» входило 87 предприятий и организаций, включая такие крупные шахты, как «Подмосковная», «Бельковская», «Никулинская», «Сокольническая», «Липковская», а также угольные разрезы, рудоремонтные заводы и энергомеханические мастерские, погрузочно-транспортные управления, строительные организации и другие предприятия и хозяйства, расположенные в городах Новомосковске, Донском, Липках, Щекино, Богородицке, Сафоново. Годовая добыча производственного объединения составляла свыше 16 млн т при списочном составе работников 39 548 чел. (по состоянию на 01.07.1992).

В процессе деятельности производственного объединения по добыче угля «Тулауголь» (по январь 1994 г.) образовался архив, состоящий из более 95 000 дел, в состав которого входили 87 607 единиц по личному составу (с 1942 г.). Он располагался в городе Новомосковске в специально построенном здании площадью 1500 кв.м., предназначенном для обеспечения сохранности архивных документов (см. прим. 4).

В январе 1994 г. на основании распоряжения Государственного комитета Российской Федерации по управлению государственным имуществом № 2256-р от 28.12.1993 г. посредством приватизации государственное предприятие «Тулауголь» было переведено в открытое акционерное общество «Тулауголь» (см. прим. 5).

Согласно плану приватизации производственного объединения «Тулауголь» «здание – Архив» перешло в собственность ОАО «Тулауголь» (см. прим. 6). Приватизация данного объекта

была проведена с нарушением подпункта 2.1.27 пункта 2.1 Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2284, в котором перечислены объекты и предприятия, находящиеся в федеральной собственности, приватизация которых запрещена. К ним относились государственные архивы и фонды. Под архивом, действующие на момент приватизации производственного объединения «Тулауголь» Основы законодательства Российской Федерации «Об архивном фонде Российской Федерации и архивах» от 07.07.1993 г. № 5341-1, понимали совокупность архивных документов, а также архивное учреждение или структурное подразделение учреждения, организации или предприятия, осуществляющее прием и хранение архивных документов в интересах пользователей, а под Архивным фондом – совокупность архивных документов, исторически или логически связанных между собой.

В ст. 8 указанных Основ говорилось, что архивные фонды и архивные документы, относящиеся к государственной части Архивного фонда Российской Федерации, не могут быть объектом купли-продажи или иных сделок, кроме случаев, когда передача собственности на указанные фонды и документы осуществляется в соответствии с частями первой, второй и третьей настоящей статьи, а также на основании судебного решения.

В 1999 г. ОАО «Тулауголь» проводит реорганизацию и выделяет дочернее открытое акционерное общество (ДОО) «Тюльское», которое регистрируется Тюльской городской регистрационной палатой 19.10.1999 г. ОАО «Тулауголь» 15 марта 2002 г. во исполнение решения годового собрания акционеров от 11.06.1999 г. (протокол № 6) передало ДОО «Тюльское» (по состоянию на 01.04.1999 г.) имущество дебиторской и кредиторской задолженности, в качестве которого было нежилое здание – архив-связь (полезной площадью 1096,20 кв.м., в том числе основной 781,80 кв.м.) (см. прим. 7). После этого ОАО «Тулауголь» заключило договор с ДОО «Тюльское» об аренде здания для организации работы архива. По данным конкурсного управляющего дочернему обществу ОАО «Тулауголь» выплачивало арендную плату за свое здание в размере 498 731 р. в месяц.

В июне 2004 г. (после истечения сроков исковой давности) ДОО «Тюльское» продает это здание ООО «Траумвират» без каких-либо условий (см. прим. 8). ОАО «Тулауголь» уже с новым собственником вновь заключает договор аренды, по которому выплачивает ежемесячную арендную плату (по нашим подсчетам в общей сложности с 2002 – 2008 гг. арендная плата была выплачена в размере 36 млн р.).

С 2004 – конец 2007 гг. в ОАО «Тулауголь» работала ликвидационная комиссия. За время ее работы в архив были приняты документы ликвидированных шахт и предприятий (шахт Бельковской, Бельцевской, Васильевской, Куровской, Козельской, Середейской, Подмосковной; ОАО «Ремстройбыт»; Сокольнической автобазы; Управления рекультивации земель; Кимовского разреза; Центральной базы УМТС; ПТУ; Киреевского ОРСа; Новомосковскшахтоосушение; Тулшахтоосушение) – более 8500 дел (подавляющее большинство по личному составу).

С появлением нового собственника в 2004 г. (ООО «Траумвират») у руководителей ликвидационной комиссии ОАО «Тулауголь» возникает необходимость (полагаем, что это было специально предусмотрено) перемещения архива в другое здание, которым становится приобретенное бытовое здание литейного цеха Донского механического завода. Для его реконструкции под архив Минэнерго выделяет ОАО «Тулауголь» 4,5 млн р. 5 марта 2008 г. был подготовлен акт приема-передачи, которым ОАО «Мосшахтоострой» сдало, а ОАО «Тулауголь» приняло реконструированное под архив здание. Подчеркнем, что это здание, как и предыдущее, каким-то образом оказалось в конкурсной массе ОАО «Тулауголь».

10 октября 2007 г. Арбитражный суд Тюльской области ввел в отношении ОАО «Тулауголь» процедуру конкурсного производства, а 3 октября 2008 г. по иску ООО «Траумвират» принял решение «обязать ОАО «Тулауголь» освободить от архивных документов и прочего имущества, принадлежащие ООО «Траумвират» помещения общей площадью 1364,95

Шурухнов Н. Г., Корочкина А. И.

СУДЬБА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОРГАНИЗАЦИЙ-БАНКРОТОВ (ПО СИТУАЦИИ ОАО «ТУЛАУГОЛЬ»)

кв.м, расположенные в г. Новомосковске в 10-дневный срок со дня вступления решения в законную силу с передачей помещений по акту приема-передачи ООО «Траумвират»».

В 2009 г. архив ОАО «Тулауголь» был перемещен в г. Донской в неотопливаемое бытовое здание литейного цеха Донского механического завода. К этому времени все сотрудники архива были уволены, а выдача справок социально-правового характера приостановлена. От бывших шахтеров пошел поток писем в адрес Президента Российской Федерации, Председателя Правительства, Губернатора Тульской области и других должностных лиц федерального и регионального уровней. Не будем описывать, что пришлось перенести им и, конечно, служащим уполномоченного органа исполнительной власти в сфере архивного дела в администрации Тульской области, которые вроде бы оказались ответственными за сложившуюся ситуацию, так как руководители производственного объединения «Тулауголь», ОАО «Тулауголь», бросившие на произвол судьбы своих рабочих и их документы, остались в стороне от решения этих вопросов.

Конкурсные управляющие, начиная с 2009 г., пытались воздействовать на уполномоченный орган исполнительной власти в области архивного дела Тульской области, Государственный архив Тульской области, Центр документации по личному составу Тульской области с целью принять неупорядоченные документы и переместить их в г. Тулу на государственное хранение. В этих целях обратились с иском в Арбитражный суд Тульской области, но 5 марта 2009 г. получили отказ в его удовлетворении (см. прим. 9).

Уполномоченный орган исполнительной власти в области архивного дела Тульской области и ГАУ ТО «Государственный архив», в свою очередь, через Донскую городскую прокуратуру, прокуратуру Тульской области, прокуратуру Центрального района г. Тулы, суды, пытались обязать конкурсных управляющих исполнять законодательство, возлагающее на них обязанность по упорядочению и передаче архивных документов на государственное хранение.

09.02.2010 г. мировым судьей судебного участка № 13 г. Донского Тульской области конкурсный управляющий ОАО «Тулауголь» за отказ от проведения работ по упорядочению архивных документов был оштрафован на 300 р. 16 декабря 2010 г. прокурор Привокзального района г. Тулы в отношении конкурсного управляющего ОАО «Тулауголь» вынес предостережение о недопустимости нарушения закона. Правовые и организационные меры, принятые в отношении конкурсного управляющего, должного действия не возымели. 21 декабря 2010 г. здание, в котором располагались архивные документы (г. Донской), было продано с аукциона физическому лицу за 1 385 720 р. (см. прим. 10). После чего конкурсный управляющий, утверждавший во всех инстанциях, что нет средств на упорядочение документов, стал выплачивать собственнику арендную плату за размещение в данном здании архивных документов, а в ГАУ ТО «Государственный архив» и администрацию Тульской области вновь стал направлять письма с требованием принять документы на государственное хранение.

3 мая 2011 г. Привокзальный районный суд г. Тулы принял следующее решение:

«Признать бездействие конкурсного управляющего ОАО «Тулауголь» Блатова Валентина Николаевича по обеспечению надлежащего хранения и упорядочения архивных документов, расположенных в здании литейного цеха по адресу: Тульская область, г. Донской, ул. Ленина, д. 7, незаконным.

Обязать ОАО «Тулауголь» упорядочить архивные документы и создать условия их хранения, соответствующие требованиям Основных правил работы ведомственных архивов.

Обязать ОАО «Тулауголь» возобновить выдачу архивных справок, предоставить архивные справки по всем имеющимся заявлениям и запросам, а также не допускать в дальнейшем их несвоевременной выдачи.

Обязать ОАО «Тулауголь» обеспечить ведомственный архив зданием (помещением), отвечающим требованиям хранения архивных документов и условиям труда работников архивов».

В приведенном противостоянии конкурсных управляющих, судов, органов прокуратуры, уполномоченного органа в области архивного дела Тульской области победу одержали конкурсные управляющие.

В ноябре – декабре 2011 г. архив, насчитывающий около 100 000 единиц (более 90 % по личному составу) хранения (чтобы не оказался утраченным, а такие опасения реально существовали), силами сотрудников ГАУ ТО «Государственный архив», служащими отдела архивного дела Министерства образования и культуры Тульской области и налоговой инспекции был перемещен в неотапливаемое здание бывшего Донского медицинского училища, которое находится в настоящее время в федеральной собственности. Сотрудники Государственного архива Тульской области и налоговой инспекции в настоящее время занимаются инвентаризацией архивных документов. Что касается выдачи справок социально-правового характера для шахтеров Подмосквовного угольного бассейна, то она является проблематичной.

Затронутая проблема может быть решена на законодательном уровне путем выработки соответствующих правовых механизмов, созданием в регионах федеральных архивов, в которых будут храниться федеральные документы, выделением субвенций для решения указанных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Банкротство включает следующие процедуры: 1) наблюдение; 2) финансовое оздоровление; 3) внешнее управление; 4) конкурсное управление; 5) мировое соглашение.
2. В Федеральном законе № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 06.12.2011 г.) в качестве должников следует предусмотреть архивы.
3. Объявление от 20.11.2010 г. «О проведении торгов»: Конкурсный управляющий ОАО «Тулауголь» Блатов В. Н. (организатор торгов) сообщает о продаже на торгах в форме открытого аукциона (открытого по форме подачи предложений о цене) имущества должника ОАО «Тулауголь». Наименование имущества:... «Здание бытовое литейного цеха (с архивом ОАО «Тулауголь» – 120 тыс. дел)». Месторасположение:... «Тульская обл., г. Донской, мкр. Центральный, ул. Ленина, д. 7». Начальная цена с НДС:... «1 372 000,00».
(задаток – 274 400,00, шаг торгов – 13 720,00). Газета «Коммерсантъ» № 217(4517).
4. Решением Новомосковского городского исполнительного комитета Совета народных депутатов от 20 сентября 1979 г. № 718 «О строительстве двухэтажного здания архива производственного объединения «Новомосковскуголь»» разрешено строительство двухэтажного здания архива на месте существующего одноэтажного здания в квартале № 12 по проекту согласованному с главным архитектором города. В соответствии с приказом генерального директора акционерного общества открытого типа по добыче и переработке угля «Тулауголь» от 05 июля 1995 г. № 137 «О передаче архива ОАО «Тулауголь»» архив данной организации выводится из состава Липковского УЖКХ с переводом в г. Новомосковск, ул. Маяковского 27, здание разрезуправления «Ушаковское».
5. Зарегистрировано в администрации Привокзального района г. Тулы 31.01.1994 г.
6. Приватизация объединения осуществлялись в соответствии с Указами Президента Российской Федерации от 01 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» и от 30 декабря 1992 г. № 1702 «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий, организаций угольной промышленности».
7. Свидетельство о государственной регистрации права 71 НА № 277286 от 04 июня 2002 г. Российская Федерация. Учреждение юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним на территории Тульской области. Единый государственный реестр права на недвижимое имущество и сделок с ним.
8. Договор купли-продажи от 04.06.2004 г. № р4427 удостоверенный нотариусом Новомосковского р-на Назаровой Т. Е.
9. Решение Арбитражного суда Тульской области от 5 марта 2009 г. по делу № А68-10018/08.
10. Квадратный метр этого здания был продан в 5 раз дешевле, чем стоимость квадратного метра бытовых зданий, реализуемых в г. Донском – она составляет 7200 р. (здание архива 1385 р.). Информацию о стоимости предоставил Комитет экономического развития имущественных отношений администрации муниципального образования г. Донской.

Макурин И. В.
I. V. Makurin

ТЕОРИИ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМАТОВ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

THEORIES OF RETAIL FORMATS EVOLUTION

Макурин Игорь Валерьевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Маркетинг и коммерция» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: makurin.igor2011@yandex.ru

Mr. Igor V. Makurin – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: makurin.igor2011@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные теоретические модели, объясняющие современные тенденции в эволюции форматов розничной торговли. Отмечается целесообразность учёта регионального фактора развития розничной торговли. Обосновывается необходимость разработки фрактальной теории управления организационными взаимодействиями в системах торгового обслуживания розничных покупателей.

Summary. The paper reviews the key theoretical models explaining the current trends in the evolution of retail formats. Highlighted is the idea of factoring in regional retail trade development. The author proves the necessity of developing a fractal-based theory of management of organizational interactions within systems of retail trader.

Ключевые слова: розничная торговля, инновации, конкуренция, эволюция, качество обслуживания, издержки, потребительский рынок.

Key words: retail, innovation, competition, evolution, quality of service, costs, consumer market.

УДК 339.1

Розничная торговля играет важнейшую роль в обеспечении населения всей номенклатурой товаров, выступая в качестве главного их проводника из сферы производства в сферу потребления. Вместе с тем, как показывает мировой и российский опыт, нередко в сфере торгового обслуживания розничных покупателей возникают различные дисбалансы, приводящие к перебоям в поставках товаров, росту цен на них и другим социально значимым проблемам. В связи с этим закономерным является интерес со стороны различных исследователей к изучению причин и возможных тенденций эволюции форматов розничной торговли.

Первая теория эволюции торговых форматов была разработана М. МакНеером ещё в 1957 г. [8]. В соответствии с этой теорией предприятия-инноваторы, предлагая свои услуги с использованием нового формата розничной торговли, устанавливают низкие цены и поддерживают относительно невысокий уровень качества обслуживания. Такое предложение привлекает внимание со стороны как большой группы потребителей, так и конкурентов. Последние, стремясь увеличить прибыльность своего бизнеса, начинают копировать организацию обслуживания в соответствии с требованиями инновационного формата. Увеличение числа розничных торговцев, работающих с использованием похожих форматов, в свою очередь, требует поиска путей получения относительных конкурентных преимуществ, например, за счёт расширения ассортимента или повышения качества торгового обслуживания. Сокращение прибыльности вследствие роста конкуренции и повышения качества обслужи-

вания подталкивает к необходимости изыскания внутренних резервов для снижения издержек. По мнению М. МакНеера, требуемое сокращение издержек может быть обеспечено за счёт развития организационных взаимодействий, когда розничные предприятия переходят к реализации стратегии слияния и поглощений или заключают долгосрочные соглашения об организации совместных закупок.

Теория «колеса» розничной торговли в достаточно ясной форме объясняет причины наличия лидеров и аутсайдеров на рынке услуг розничной торговли. Вместе с тем у теории М. МакНеера имеются серьёзные недостатки, к числу которых, на наш взгляд, можно отнести следующие:

- рассматриваемый потребительский рынок не должен иметь барьеров для входа, все розничные предприятия должны иметь возможность для копирования инновационных форматов;

- анализируемый потребительский рынок должен иметь необходимую ёмкость, позволяющую рассчитывать на получение эффекта масштаба.

Как следствие, эволюция розничных организаций далеко не во всех случаях происходит в соответствии с теорией М. МакНеера. В частности, в истории развития розничной торговли хорошо известны случаи, когда предприятия-инноваторы начинали свою деятельность, не имея ценовых преимуществ. Например, продажа товаров через автоматы даже на первоначальном этапе своего развития не предусматривала предложения более низких цен, чем у конкурентов.

Исследование тенденций изменения розничной торговли США позволило С. Холландеру предложить модифицированный вариант теории «колеса» розничной торговли [5]. Согласно теории С. Холландера, развитие розничной торговли носит циклический характер, когда периоды универсализма и специализации поочередно сменяют друг друга. Основным преимуществом новой теоретической модели явилось то обстоятельство, что она смогла объяснить наличие в экономике торговых организаций различного товарного профиля и формата. Однако при этом остался открытым вопрос об определении моментов перехода от одной тенденции в развитии розничной торговли к другой.

Достаточно успешная попытка разработки модели, позволяющей прогнозировать смену тенденций, была предпринята в рамках теории жизненного цикла розничной торговли. По мнению авторов этой теории, каждый формат розничной торговли в своём развитии проходит через четыре уже ставшие традиционными стадии:

- зарождения;
- роста;
- зрелости;
- упадка.

Один из главных идеологов этой теории В. Дэвидсон связывал подобную смену стадий цикла розничной торговли с изменением уровня прибыльности применяемых способов организации торгового обслуживания [2]. В качестве внешнего выражения происходящих изменений В. Дэвидсон рассматривал динамику рыночных долей торговцев. Первоосновой же всех изменений, по его мнению, выступает изменение потребности ключевых групп покупателей.

Особенностью организации розничной торговли принято считать отсутствие существенных барьеров, препятствующих для копирования бизнес-моделей, применяемых лидерами отрасли. Это обстоятельство позволило Т. Маронику и Б. Уолкеру использовать теорию «диалектического процесса» для описания схемы взаимодействия на конкурентном рынке услуг розничной торговли [9]. С точки зрения авторов этой теории, предприятия розничной торговли приспособляются к условиям рыночной конкуренции, применяя так называемую тактику «от противного». В результате её применения предприятие-инноватор предлагает принципиально новую услугу, обеспечивающую в то же время возможности для имитации

ключевых характеристик услуги лидера. После изменения рыночной ситуации конкуренты также вынуждены вносить изменения в характеристики своих услуг. Следствием такого двустороннего взаимодействия становится появление нового формата организации торгового обслуживания розничных покупателей.

Сегодня развитие розничной торговли всё более носит интернациональный характер. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос о допустимости применения классических теорий развития организационных взаимодействий для прогнозирования отдельных национальных рынков. В частности, Р. Сэвитт в своей работе [10] отмечал, что теория «колеса» розничной торговли должна использоваться только с учётом культурных, экономических и институциональных различий, присущих каждой стране. Как справедливо указывает С. Браун, этот перечень должен быть дополнен такими факторами, как различия в технологических, социальных и демографических условиях функционирования розничной торговли [1]. Именно комплексное воздействие всех перечисленных факторов определяет направление развитие системы организационных взаимодействий между предприятиями розничной торговли. Подтверждением наличия такого воздействия служат данные о распределении доли форматов на рынках разных стран мира (см. рис. 1).

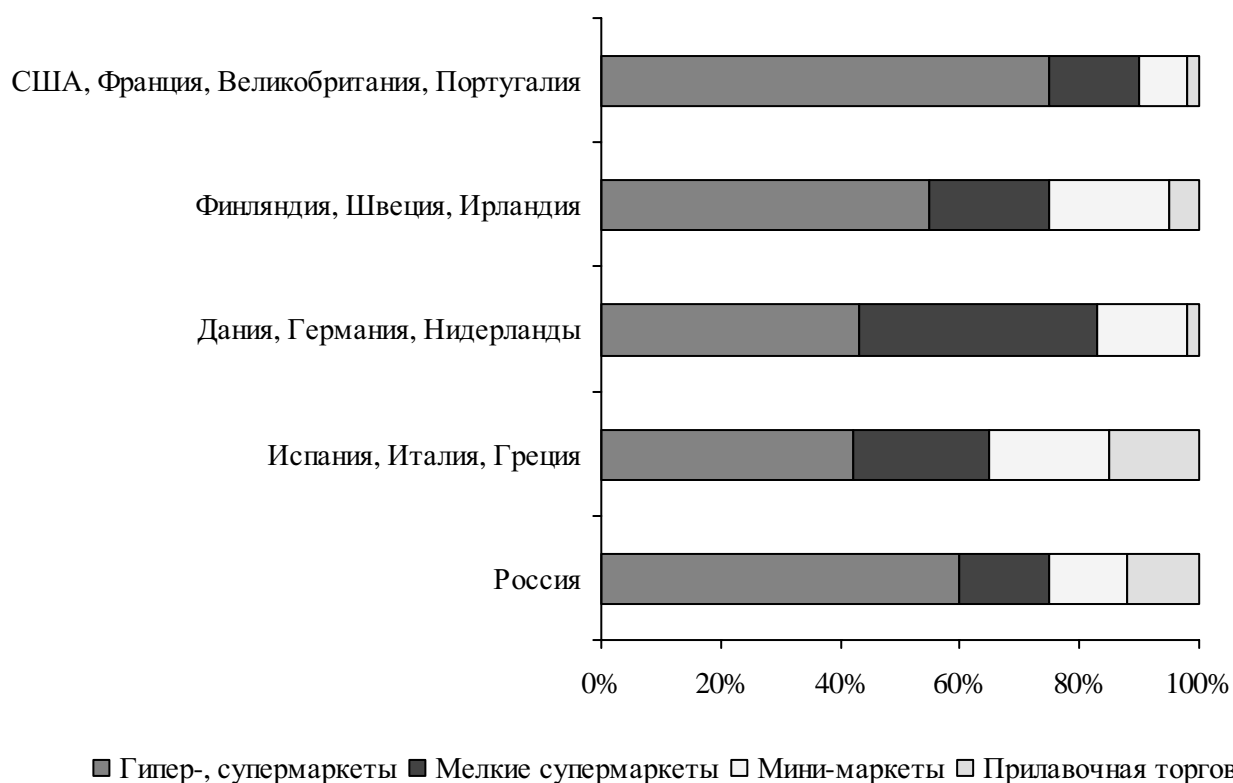

Рис. 1. Доля форматов розничной торговли на рынках разных стран

Несмотря на имеющиеся межстрановые различия в структуре розничной торговли, можно отметить, что во всех экономически развитых странах отмечается одна общая тенденция, связанная с ростом интенсивности взаимодействий между субъектами потребительского рынка. Причём наиболее интенсивные взаимодействия складываются между розничными предприятиями, предлагающими свои услуги с использованием одного формата. Данное обстоятельство побудило Д. Израэли к разработке теории «трёх осей розничной торговли» [6]. Согласно этой теории, развитие системы взаимодействий между розничными предприятиями можно представить в виде трёх так называемых «осей», описывающих типичную последовательность изменения состояний торговых предприятий.

При этом Д. Израэли различает:

- 1) «ось» эволюции предприятий, предлагающих инновации по снижению собственных издержек обращения и поддерживающих тенденцию увеличения уровня потребительских цен;
- 2) «ось» эволюции предприятий, предлагающих инновации по повышению качества торговых услуг и поддерживающих тенденцию уменьшения уровня потребительских цен;
- 3) «ось» эволюции уже существующих предприятий, которые в зависимости от результатов взаимодействия предприятий первых двух «осей» поддерживают либо тенденцию увеличения уровня потребительских цен, либо их уменьшения.

Постепенное сглаживание различий в уровнях издержек обращения, качества предоставляемых торговых услуг, а также потребительских цен, по мнению сторонников теории «трёх осей розничной торговли», приводят экономические системы к равновесному состоянию.

Вместе с тем принято считать, что неравновесные состояния экономических систем являются основными побудительными факторами их развития. В связи с этим закономерным видится повышенный интерес многих исследователей [4; 11] к определению роли эволюции организационных взаимодействий в процессах перехода экономических систем от одного равновесного состояния к другому. Особенно этот интерес возрос в современных условиях, когда развитие большего количества процессов в экономике носит нелинейный характер.

Причину нелинейности развития розничной торговли чаще всего связывают с активным использованием современных информационных технологий, распространением услуг электронной коммерции. Вследствие произошедших изменений, в настоящее время можно говорить о том, что система организационных взаимодействий между субъектами потребительского рынка приобретает совершенно новые черты. К их числу можно отнести:

- активное проникновение сетевых структур;
- рост оперативности в выполнении большинства логистических операций;
- альтернативность выбора партнёра, обеспечивающего поставки требуемых товарных ресурсов;
- наличие возможностей для реального уменьшения транзакционных издержек.

В целом современную сферу торгового обслуживания розничных потребителей, безусловно, нельзя рассматривать в виде «монолита». Вследствие неоднородности сформировавшегося социального пространства розничная торговля приобрела разноуровневый характер. На это указывает, в частности, многоформатность современной торговли, наличие в отрасли предприятий-инноваторов и традиционных торговых организаций.

Р. Диккинсон в своей работе [3] показал, что действующие торговые организации оказывают различное влияние на распространение инноваций.

По мнению Р. Диккинсона, наличие на рынке крупных организаций чаще всего существенно препятствует возникновению и распространению инноваций. Основными причинами такого положения дел являются:

- агрессивный характер конкурентной борьбы именно между крупными торговыми организациями, которые постоянно следят друг за другом и, таким образом, препятствуют появлению нововведений;
- использование в крупных торговых организациях показателя приемлемой нормы рентабельности капитала в качестве критерия экономической эффективности управленческих решений, что требует их ориентации на долгосрочную перспективу;
- многофакторность эффективности операционной деятельности, присущая организациям розничной торговли, вследствие чего применение одних и тех же инноваций на различных торговых объектах совершенно не гарантирует роста их эффективности.

Напротив, как справедливо полагает Р. Диккинсон, торговые предприятия малого и среднего бизнеса имеют определённые преимущества в использовании инноваций.

Во-первых, малые и средние предприятия являются объектами менее пристального внимания со стороны крупных предприятий, и поэтому они имеют больше шансов для сохранения уникальности своих инноваций.

Во-вторых, целевой установкой малых и средних предприятий является достижение операционной эффективности, инструментом обеспечения которой нередко выступают различные инновации. Таким образом, именно малые и средние предприятия выступают своеобразными генераторами разработки и последующего активного использования инноваций.

В целом нельзя не согласиться с тезисом о том, что именно малые и средние предприятия играют на потребительских рынках активную роль в распространении инноваций. Вместе с тем, как показывает практика последних лет, инициаторами использования самых масштабных инноваций зачастую выступают как раз крупные организации. В качестве примера можно привести такие известные компании, как «Wal-Mart Stores», «Carrefour SA» и др. Инновационная деятельность этих и многих других крупнейших сетевых компаний стала причиной ослабления значения оптового звена в организации распределительных систем.

В экономической науке всегда традиционно много внимания уделялось исследованию не только источников возникновения инноваций, но и условий их распространения. Так, по мнению представителей теории стадий в развитии розничной торговли В. Ригана и А. Голдмана, смена торговых форматов происходит эволюционным путём. Новые форматы появляются посредством постепенного накопления изменений в уже имеющихся форматах. Как следствие, на потребительском рынке в определённый момент времени могут работать предприятия, применяющие очень похожие способы организации торгового обслуживания розничных потребителей.

Исследуя структуру потребительского рынка, характерную для стран с различным уровнем экономического развития, Э. Кайнак отметил интересное явление, заключающееся в том, что зачастую между различными форматами розничной торговли отсутствует жёсткое противостояние [7]. Более того, нередко предприятия розничной торговли различных форматов выстраивают целую систему взаимодействий, организуя, например, закупочные кооперативы. Это обеспечивает экономию на транзакционных издержках и возможность получения от поставщиков более выгодных условий. С точки зрения Э. Кайнака, формирование структуры институтов, распространённых в розничной торговле, находится под сильным влиянием факторов внешней среды. Обращая внимание на существующие отличия в тенденциях развития систем розничной торговли разных стран, он предложил модифицировать теорию «колеса розничной торговли» за счёт выделения главной движущей силы эволюции торговли. В качестве такой силы Э. Кайнак предложил рассматривать уровень развития общества, поскольку именно социальные процессы, по его мнению, определяют тенденции в формировании политических, экономических, рыночных и других факторов внешней среды. В целом с подобной точкой зрения следует согласиться. Однако необходимо учесть, что уровень развития общества во многом зависит от достигнутого уровня ресурсной доступности. Так, в тех случаях, когда количество необходимых ресурсов ограничено, образуются монопольные структуры, которые как раз определяют характер и содержание формируемых общественных институтов.

Для проверки гипотезы о том, что имеющиеся ресурсные ограничения оказывают решающее влияние на состояние розничной торговли, нами был проведён структурный анализ организации торговли в российских регионах (см. табл. 1).

Анализ, проведённый с применением правила сложения дисперсий, показал, что уровень распространения современных форм организации торговли, представленных преимущественно в сетевой рознице, на 94 % зависит от ёмкости регионального рынка. Главной причиной наличия данной зависимости, на наш взгляд, является специфика формирования региональных условий развития отдельных элементов, образующих единые цепи поставок товаров в розничное звено системы товародвижения.

Структурный анализ организации торговли в российских регионах

Номер группы регионов	Количество субъектов РФ	Средний годовой розничный товарооборот, млрд р.	Средняя доля оборота розничной торговли по торговым сетям, %
1	73	117327,4	12,9
2	8	542233,6	16,9
3	1	1016780	26,5
4	1	2882417	14,2

Учитывая важность ресурсной составляющей для обеспечения развития региональной розничной торговли, предлагаем для описания процессов эволюции её форматов использовать фрактальную теорию.

Особенность предлагаемой теории заключается в том, чтобы рассматривать региональную систему торгового обслуживания розничных покупателей в виде некоторого множества частных систем, имеющих в качестве целей полное удовлетворение потребностей отдельных групп покупателей. Именно в этом проявляется необходимая степень подобия частных систем региональной системе торгового обслуживания.

Что касается природы эволюции форматов розничной торговли, то, согласно фрактальной теории, в её основе лежит эволюция ключевых элементов цепей поставок. Причём в качестве главной задачи региональных органов власти рассматривается создание условий, способствующих прогрессивным изменениям в логистической инфраструктуре и тем самым стимулирующих в розничной торговле необходимые эволюционные процессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brown, S. Retail location theory: evolution and evaluation / S. Brown // *The International Review of Retail Distribution and Consumer Research*. – 1993. – Vol. 3. – No 2. – P. 185-230.
2. Davidson, W. R. The retail life cycle / W. R. Davidson, A. D. Bates, S. J. Bass // *Harvard Business Review*. – 1976. – November-December. – P. 89-95.
3. Dickinson, R. A. Innovations in Retailing / R. A. Dickinson // *Retail Control*. – 1983. – June-July. – P. 30-54.
4. Dou, W. A dynamic nonlinear model of online retail competition using Cusp Catastrophe Theory / W. Dou, S. Ghose // *Journal of Business Research*. – 2006. – Vol. 59. – P. 838-848.
5. Hollander, S. C. The Wheel of Retailing / S. C. Hollander // *Journal of Marketing*. – 1960. – Vol. 7. – P. 37-42.
6. Izraeli, D. The three Wheels of Retailing: A theoretical Note // *European Journal of Marketing*. – 1974. – Vol. 7 (1). – P. 70-74.
7. Kaynak, E. A refined Approach to the Wheel of Retailing / E. Kaynak // *European Journal of Marketing*. – 2007. – Vol. 13. – P. 237-245.
8. McNair, M. P. Progress in Distribution: An Appraisal after 30 Years / M. P. McNair // *Boston Conference on Distribution*. – 1958. – P. 22-27.
9. Maronick, T. J. The dialectic evolution of retailing / T. J. Maronick, B. J. Walker // *Proceedings: Southern Marketing Association*. – 1974. – P. 147-151.
10. Savitt, R. A Historical Approach to Comparative Retailing / R. Savitt // *Management Decision*. – 2007. – Vol. 20. – P. 16-23.
11. Whitby, S. Non-linear dynamics and duopolistic competition: a R&D model and simulation / S. Whitby, D. Parker, A. Tobias // *Journal of Business Research*. – 2001. – Vol. 51. – P. 179-191.

Ларченко Ю. Г., Тришина А. В., Чигрина А. Ю.
КЕЙРЕЦУ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД МЕЖОРГАНИЗАЦИОННОЙ СЕТИ

Ларченко Ю. Г., Тришина А. В., Чигрина А. Ю.
J. G. Larchenko, A. V. Trishina, A. Y. Chigrina

КЕЙРЕЦУ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД МЕЖОРГАНИЗАЦИОННОЙ СЕТИ

KEIRETSU AS A SPECIFIC TYPE OF INTER-ORGANIZATIONAL NETWORK

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uiliya_g@mail.ru.
Ms. Julia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uiliya_g@mail.ru.

Тришина Алёна Владимировна – студентка магистратуры 5-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: alena.trishina.90@mail.ru.
Ms. Alena V. Trishina – MA student, year 5, Department of Economics and Management, academic program "Commerce", Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: alena.trishina.90@mail.ru.

Чигрина Анна Юрьевна – студентка магистратуры 5-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: anechka-za@mail.ru.
Ms. Anna Y. Chigrina – MA students, year 5, Department of Economics and Management, academic program "Commerce", Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: anechka-za@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматривается специфический вид бизнес-группы – японские кейрецу, на примере которых раскрываются сетевые механизмы межорганизационного сотрудничества.

Summary. The paper explores a specific kind of business groups – the Japanese *keiretsu*, which exemplify the mechanisms of the networking inter-organizational cooperation.

Ключевые слова: кейрецу, межорганизационная сеть, формы объединения организаций, контрактные отношения.

Key words: keiretsu, inter-organizational network, forms of association of entities, contractual relationship.

УДК 334.76(075)

В последние десятилетия в теории институционального развития экономики России всё большее внимание уделяется изучению вопросов сетевого взаимодействия предприятий. Это обусловлено сложившейся тенденцией увеличения числа межорганизационных сетей, которые вытесняют интеграционные формы объединения предприятий. При этом сетевые структуры построены на контрактных формах взаимоотношений, отличительные особенно-

сти которых составляет основу механизма координации совместной деятельности предприятий. Поэтому важной задачей является изучение опыта реализации системы контрактных отношений в межорганизационных сетях с целью выработки эффективного механизма управления конкурентоспособностью коммерческих предприятий. В этом случае особый интерес представляет зарубежная сетевая структура – японские кейрецу. В них реализуется специфический вид контрактации, основанный на исторически сложившихся интеграционных связях предприятий с элементами рыночного управления.

Межорганизационная сеть – неоклассический контракт, реализуемый в рамках отношенческого контракта, направленного на оптимизацию использования исключительных ресурсов компаний – участников группы с целью повышения их конкурентоспособности [2].

В основе сетевого межорганизационного взаимодействия лежит исполнение длительного отношенческого контракта с неопределенным сроком действия. При этом под классическим отношенческим контрактом подразумевается план совместной деятельности ряда юридических лиц, в котором фиксируются обязанности каждого участника и порядок взаимного использования ресурсов. Однако в данном виде контрактных отношений не оговаривается порядок решения спорных вопросов. Отношенческий контракт основан на внутреннем механизме разрешения конфликтных ситуаций, возникающих в процессе совместной деятельности. Актуальность развития современных отношенческих контрактов обусловлена невыгодностью их нарушения вследствие возникновения транзакционных издержек. В этом случае затраты одного из предприятий, связанные с поиском нового партнёра по бизнесу, будут превышать будущие доходы от текущей совместной деятельности при условии продления периода выполнения контрактных обязательств.

Неоклассический контракт – неполный контракт, который длится до момента его завершения даже при возникновении спорных ситуаций. Особое внимание здесь уделяется условиям регулирования отношений расторжения контракта при непредвиденных обстоятельствах. Гарантом данного контракта выступает третейский суд, к которому обращаются для решения конфликтных вопросов. Решение выносит независимое лицо без вмешательства государства на основе соответствующих положений контракта.

Таким образом, неоклассический контракт, реализуемый в рамках отношенческого контракта, подразумевает двойственность экономического взаимодействия. В контракте согласовываются все правила и условия, но решение спорных вопросов происходит на основе личных неформальных переговоров сторон. Именно такой вид контрактации является основой возникновения механизма координации «сеть», являющегося основой управления в межорганизационной сети [4].

По мнению ряда авторов (Дж. Липнек и Дж. Стэмпис и др.), механизм координации «сеть» характеризуется следующими принципами:

- 1) наличием единой цели, направленной на повышение конкурентоспособности каждого участника сети;
- 2) формальной зависимостью, т.е. каждый участник межорганизационного объединения сохраняет свою юридическую самостоятельность при общей координации совместной деятельности центральным агентом;
- 3) взаимным обменом комплементарными (исключительными) ресурсами и компетенциями;
- 4) устойчивостью и эластичностью сети вследствие обладания участниками межорганизационного объединения уникальными ресурсами и компетенциями.

В теории межорганизационного объединения отдельным примером сети являются японские кейрецу. В своём становлении кейрецу прошло ряд этапов развития (см. табл. 1) [3, 110].

Изначально (до 1952 г.) кейрецу рассматривалось как семейный концерн в Японии, получивший название дзайбацу. С течением времени семейный концерн был преобразован в классический концерн, характеризующийся объединением юридически и хозяйственно неза-

Ларченко Ю. Г., Тришина А. В., Чигрина А. Ю.
КЕЙРЕЦУ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД МЕЖОРГАНИЗАЦИОННОЙ СЕТИ

висимых многоотраслевых компаний, с передачей права управления финансовой деятельностью единому руководителю.

Таблица 1

Стадии формирования кейрецу как особого типа межорганизационной сети

Автор/период	Определение	Особенности
До 1952 г. предшественником кейрецу являлось дзайбацу	Дзайбацу представляет собой концерн, основанный на семейных связях, центр управления находится в частной собственности	Ограничение монополии (не боле 10 % акций)
После 1952 г.	Кейрецу – современный аналог дзайбацу с рассредоточением прав собственности	Трансферт прав собственности внутри группы
1960 г.	«Кейрецу – это монополистическая организация, состоящая из гигантских промышленных и финансовых компаний; в центре ее находится банк, который доминирует в капитале всей структуры за счет долгового долевого финансирования; с помощью захвата ключевых точек движения капитала между фирмами, входящими в группу, центр переводит всю структуру под свой контроль» [3, 111]	Общие черты с ФПГ, а именно – финансовая структура в центре управления объединением
Дж. Линкольн М. Герлах	«Кейрецу – это группа взаимосвязанных компаний и набор специфических связей между ними; в кейрецу входят промышленные и финансовые компании, их менеджеры и должностные лица, с ними взаимодействующие; состав группы определяется долгосрочными, личными и обоюдновыгодными отношениями между ними» [3, 112]	В основе взаимодействия предприятий, входящих в группу, лежат бизнес-отношения, которые опираются на социальные взаимодействия трудовых коллективов

Начиная с 1960 г., кейрецу стало отождествляться с финансово-промышленной группой (далее ФПГ). При этом центральным агентом или стержневой фирмой, координирующей деятельность данного интеграционного объединения, стал банк.

Результаты исследования становления современного кейрецу показали, что данная форма объединения компаний прошла эволюцию от семейной монополии к определенному типу вертикальной интеграции.

В настоящее время кейрецу – это специфический японский вид бизнес-группы под управлением финансовой компании (банка, страховой компании или трастовой компании). Вокруг финансовой компании объединяются промышленные предприятия из разных отраслей экономики, каждая из которых в отдельности может представлять собой горизонтально или вертикально интегрированную структуру. Компании, входящие в группу, связаны между собой сетью устойчивых взаимоотношений различного характера: финансовые, социальные и исторические взаимосвязи. На рис. 1 представлена подробная структура кейрецу в форме стратегического альянса крупных компаний.

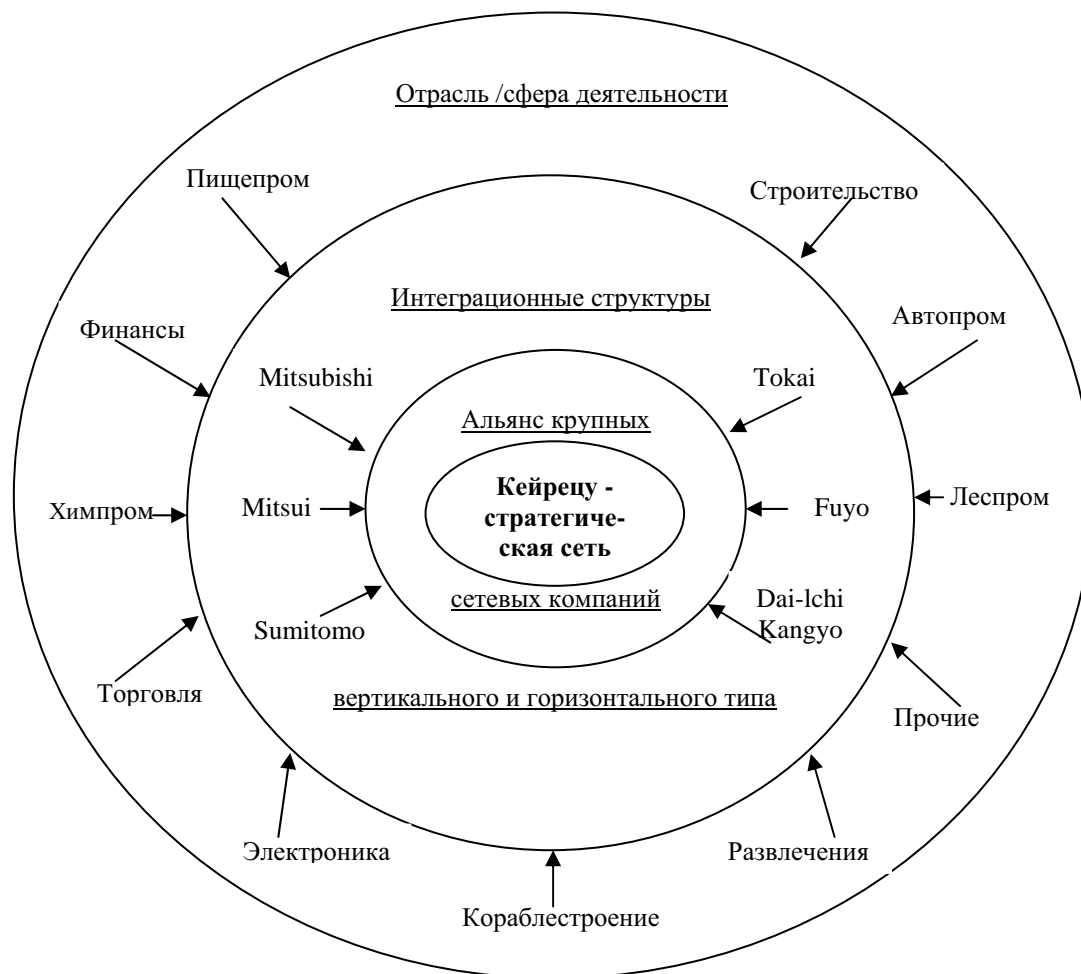

Рис. 1. Структура кейрецу

С позиции теории межорганизационной сети кейрецу представляет собой систему деловых взаимоотношений компаний, реализуемых через развитие социальных отношений, т.е. произошёл переход от интеграционной формы объединения предприятий к квазиинтеграции, характеризующейся гибридной формой управления компаниями «рынок - иерархия». Для данной формы управления совместной деятельностью характерно регулирование юридически независимых предприятий некой центральной компанией в части реализации общего проекта при полной информационной открытости и рыночной согласованности действий каждого участника бизнеса. Сравнительная характеристика кейрецу с интеграционными формами объединения предприятий представлена в табл. 2.

Исходя из изложенного материала, кейрецу – это переходная форма объединения от концерна к сети, включающая в себя разноотраслевые предприятия в центре с финансовой организацией, которая преобладает в капитале всех производственных предприятий, входящих в объединение, и контролирует их деятельность.

На основе рассмотренных сравнительных характеристик, представленных в табл. 2, были выявлены основные черты кейрецу:

- 1) Бизнес строится на основе развития социальной сети внутри бизнес-группы.
- 2) Бизнес строится на основе взаимного использования ресурсов компаний, что повышает степень их устойчивости и выживаемости особенно в условиях кризисных ситуаций.
- 3) Бизнес строится при отсутствии контроля над имуществом компаний, входящих в бизнес-группу.
- 4) Бизнес строится на основании исторически сложившихся семейных связей, традиций и деловых отношений.

Сравнительная характеристика кейрецу

Черта	Концерн	ФПГ	Кейрецу	Сеть
Контроль собственности	Фактически подчинены единому руководителю	Во главе финансовая компания	Во главе финансовая компания	Один или несколько лидеров
Социальные сети	Нет	Нет	Есть	Есть
Длительность взаимосвязи	Долгосрочные	Долгосрочные	Долгосрочные	Долгосрочные/среднесрочные
Характер связи	Добровольные	На основе решения правительства/ добровольные	Семейные связи и традиции	Добровольные
Финансовая организация	Нет	Есть	Есть	Нет
Трансферт знаний, информации	Нет	Нет	Есть	Есть
Степень интеграции	Полная интеграция	Полная интеграция	Квазиинтеграция	Квазиинтеграция
Помощь при финансовых трудностях	Нет	Нет	Есть	Нет

Выводы, полученные авторами в ходе изучения японских кейрецу и теории сети, позволили уточнить определение межорганизационной сети и выявить дополнительный признак типизации сетей – это исторически сложившиеся связи участников бизнес-группы, и расширить их классификацию. Кроме этого, установленные специфические черты японских кейрецу, являются важным звеном в процессе разработки отечественного механизма управления сетевыми структурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларченко, Ю. Г. Экономика предприятия (компьютерный практикум): учеб. пособие / Ю. Г. Ларченко. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. – 156 с.
2. Меркулова, А. В. Сетевая экономика: учеб. пособие / А. В. Меркулова, К. А. Рубан. – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – 181 с.
3. Несмачных, О. В. Оценка эффективности реализации финансовой стратегии предприятия на основе сбалансированной системы показателей: моногр. / О. В. Несмачных, В. В. Литовченко. – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2007. – 151 с.
4. Попова, Ю. Ф. Межфирменные сети на промышленных рынках России: теория и практика управления / Ю. Ф. Попова. – СПб.: Наука, 2008. – 360 с.
5. Шерешева, М. Ю. Формы сетевого взаимодействия компаний: учеб. пособие / М. Ю. Шерешева. – М.: ВШЭ, 2010. – 339 с.
6. Чистяков, С. В. Сетевые экономические взаимодействия: моногр. / С. В. Чистяков. – Кострома: КГУ, 2008. – 302 с.

Мерецкая М. Н.
M. N. Meretskaya

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА СНИЖЕНИЕ РИСКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

THE ROLE OF ECONOMIC ANALYSIS IN THE REDUCTION OF RISKS DURING THE PROCESS OF SUPPLY CONTRACTING

Мерецкая Мария Николаевна – аспирантка кафедры «Экономический анализ» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Россия, Москва); 8 495 396-64-01. E-mail: yourmarisha@ya.ru.

Ms. Maria N. Meretskaya – PhD Candidate, Department of Economic Analysis, the Financial University Under The Government Of The Russian Federation, Russia, Moscow; tel.: + 7 495 396-64-01. E-mail: yourmarisha@ya.ru.

Аннотация. В данной статье определены и перечислены составляющие элементы договора поставки, которые могут привести к снижению предпринимательских рисков предприятий и увеличению эффективности экономического оборота продукции, товаров, работ, снижению издержек обращения и затрат на производство.

Summary. The paper specifies and lists the elements of a supply contract that could reduce business risks and increase the efficiency of circulation of goods, products, works, and reduce distribution/production costs.

Ключевые слова: товар, контрагенты, стоимость, договор поставки, расчеты, покупатель, оплата, коммерческая организация.

Key words: goods, contractors, cost, contract of supply, financial settlements, customer, payment, commercial enterprise.

УДК 657.6:347.751.7

В настоящее время в России активно идет процесс развития системы хозяйственных взаимоотношений. Возрастающий в экономике страны спрос на товары (продукцию), требующий более четких договорных отношений (связей), обусловил создание отлаженной системы договорных отношений между предприятиями, организациями, находящимися как в России, так и за рубежом.

Несомненно, все позитивные изменения невозможны без четкой, отрегулированной работы всех структур и подразделений самого предприятия, без хорошо налаженных договорных отношений между контрагентами. Практика показывает, что в большинстве случаев перспективность того или иного договора определяется либо общеэкономическими показателями, либо на основе субъективных для конкретного предприятия критериев. Можно назвать достаточно большое число таких критериев: валовой региональный продукт, объем кредитования юридических лиц, структура и стоимость товаров, среднедушевой доход, средний уровень заработной платы, оборот розничной торговли, инвестиционный потенциал региона, темп роста объемов производства, объем свободных денежных средств предприятия и др.

Более того, в экономике важно не абсолютное значение какого-либо экономического показателя отдельно взятого предприятия, а потенциальная возможность осуществления договорных отношений, влияющих на рост производства. Однако на этом пути стоит ряд проблем. Прежде всего, не всегда представляется возможным определить наивысшую рентабельность при сложной совокупности взаимодействующих договорных отношений или рен-

Мерецкая М. Н.

**ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА СНИЖЕНИЕ РИСКОВ
ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ**

табельность ресурсного подхода к определению производственного потенциала. Иными словами, «экономическая эффективность, рассматриваемая в аспекте ее взаимосвязи с системой региональной производственной и непроизводственной сферы, выступает как социально-экономическая эффективность» [2, 52].

Следовательно, предприниматель, заключая договор поставки, во-первых, не всегда имеет шансы на получение товаров (продукции), перечисленных в документе, во-вторых, далеко не гарантированы возможности возмещения расходов и получения прибыли. Этот процесс, как показали наши исследования, по своей природе является вероятностным, и ему присущ большой элемент риска и неопределенности. По существующей классификации «определенность – риск – неопределенность» выбор решения при определенности означает, что для каждого действия известен некоторый конкретный результат, в то время как при риске каждое действие приводит к одному из множества возможных результатов, имеющих вероятность появления. Но и в такой ситуации предприниматель должен иметь возможность оценить перспективы своих вложений.

Необходимо отметить, что нейтрализовать возможные риски при заключении договора поставки может хорошо налаженная «система информационного обеспечения, которая дает возможность передачи и распространения данных о направлении развития инновационной сферы, состоянии рыночной среды, в том числе в рамках мирового хозяйства, наличии новых объектов интеллектуальной собственности» [1, 37]. Расчеты, проведенные автором, показывают, что риски могут быть уменьшены, если участники системы договорных отношений (договора поставки) будут осуществлять расчеты по одной из следующих схем:

- прямые участники расчета – перечисление денежных средств со счета одного предприятия на счет другого;
- структурные подразделения Банка России, имеющие банковские идентификационные коды (БИК);
- клиенты Банка России, не являющиеся кредитными организациями (их филиалами), не имеющие БИК;
- добровольность участия – клиенты банка самостоятельно определяют необходимость проведения платежей;
- прямое участие расчетов (с соблюдением позиции ликвидности) при непосредственном доступе к услугам Банка России;
- безотзывность платежа с момента списания средств с банковского счета участника-плательщика;
- окончательность платежа с момента зачисления средств на банковский счет участника-плательщика;
- расчеты платежа поручениями (вид платежа «срочно»).

Обратим внимание на то, что система оплаты по договору поставки предполагает две формы участия:

- прямое участие, при котором идентификация участника производится посредством БИК и обеспечивается его прямой доступ в режиме реального времени;
- ассоциированное участие, при котором идентификация участника производится посредством составления электронных сообщений, а доступ к услугам банка обеспечивается через платежную систему, в том числе и на уровне его территориального учреждения.

Очевидно, что перечисленные нововведения способствовали бы становлению договорных отношений как полностью интегрированной системы финансирования договора поставки. А поскольку обозначенные механизмы только внедряются в отечественную практику, то, по нашему мнению, многое зависит от эффективности работы всех звеньев как предприятия, так и банковской системы. При этом актуальность исследования данного вопроса обусловлена необходимостью повышения эффективности денежных расчетов на основе банковских электронных срочных платежей, поиском адекватных форм расчетно-платежных систем.

Необходимо отметить, что в соответствии с общепринятыми представлениями о сущности товарно-денежных отношений выделим четыре группы показателей, влияющих на заключение договора поставки.

Первая группа: показатели, характеризующие наличие необходимых товаров (оборудование, станки, продовольствие, лесоматериалы и пр.), т.е. фактическое наличие.

Вторая группа: показатели, характеризующие доступность товаров (продукции) для отдельных юридических лиц, т.е. экономическая возможность (платежеспособный спрос) заключения договора поставки.

Третья группа: показатели, характеризующие достаточность товаров (продукции) для производственных нужд приобретателя.

Четвертая группа: показатели, характеризующие качество и экономическую (реальную) безопасность товара.

В целях упорядочения результатов проведенного анализа и измерения степени безопасности договора поставки продукции, а также выявления факторов, его определяющих, предлагаем воспользоваться следующим методом комплексной оценки степени экономической безопасности. Итак, степень экономической безопасности договора поставки (СЭБДП) найдем как сумму оценок основных критериев предлагаемой лесоперерабатывающей продукции – физической доступности Φ , экономической доступности \mathcal{E} , достаточности потребления необходимой продукции \mathcal{D} , качество и безопасность товара \mathcal{K} : $\text{СЭБДП} = \Phi + \mathcal{E} + \mathcal{D} + \mathcal{K}$, измеряя экономическую сторону всех слагаемых и интегрального показателя в баллах. Каждый из указанных критериев имеет уровни: 1 (высокий), 2 (допустимый), 3 (низкий), 4 (недопустимо низкий).

Для измерения дифференцированной оценки СЭБДП введем следующие характеристики:

- высокий уровень договорных отношений: $\text{СЭБДП} = 1$ (как результат высоких значений показателей физической и экономической доступности, достаточности необходимого товара и его качества);

- допустимый уровень договорных отношений: $2 < \text{СЭБДП}$ – договорные отношения возможны, однако их экономический потенциал имеет некоторые риски;

- низкий уровень договорных отношений: $3 < \text{СЭБДП}$ – экономические оценки по каждому из критериев не превосходят 2, что предполагает возникновение сомнений при заключении договора поставки;

- недопустимо низкий уровень договорных отношений: $4 < \text{СЭБДП}$ – договорные отношения невозможны, однако желательно провести экономический анализ, изучить производственную базу предприятия и оценить критерии допустимости (возможности при необходимости) заключения договора поставки.

В итоге, суммируя количество предпочтений, получаем значимость каждого символа функциональной матрицы. Делением суммарного значения каждого символа на общую сумму значений всех символов определяем весовое значение каждого символа. Этот метод достаточно известен и не требует подробного разъяснения. Поскольку в системе может возникнуть ситуация увеличения (уменьшения) символов против каждой функции анализируемой экономической базы предприятия (организации), то должна определяться степень выполнения им обязанностей по договору поставки. Таким образом, матрица СЭБДП позволяет определить не только рациональность экономического анализа при заключении договора поставки, но проранжировать все задачи по степени трудоемкости и сложности их исполнения, а также определить коэффициент качества и результативность его заключения.

С учетом сложившейся отечественной и зарубежной теории и практики договорных отношений нами были проанализированы основные показатели экономической доступности и оценки естественных рисков, а также установлены границы их значений, характеризующие определенный уровень критериев безопасности при заключении договора поставки на некоторых предприятиях. Расчеты показали, что во всех случаях они имели определенный успех и достигли положительных результатов.

Мерецкая М. Н.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА СНИЖЕНИЕ РИСКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Из приведенного анализа можно заключить, что предложенный набор критериев и показателей можно дополнять, а также расширять границы и уровни каждого измерителя, но смысл и качество при оценке рисков при заключении договора поставки, по нашему мнению, при этом мало изменятся, поскольку главная цель проведенного экономического анализа заключается в обеспечении приоритетов в регулировании рынка сбыта и потребления продукции (товаров), связанного с поддержанием платежеспособного спроса.

Следует отметить, что экономическое содержание поставки является универсальным. Оно не зависит от вида, предмета, состава участников отношений по закупкам и сбыту продукции, товаров. Характерно, что экономическая природа поставки, вне зависимости от его вида, раскрывается в двух аспектах:

- во-первых, она является основным каналом для притока материальных и рабочих ресурсов, необходимых для производства товаров, работ, услуг;
- во-вторых, она служит основной формой продажи (продвижения) товаров (продукции) на рынке от собственника (продавца) конкретному покупателю либо неограниченному кругу лиц.

Решение задач как в рамках первого, так и в рамках второго контуров невозможно, во-первых, без осуществления экономического анализа договорных отношений, во-вторых, научно обоснованного способа предсказания возможных рисков (эффектов и степеней достижения целей) того или иного результата.

Иначе говоря, экономический анализ предшествующего заключению договора поставки зависит от интенсивности потока продаж, поставок и оплаты. Например, интенсивность потока поставок и сбалансированность запаса товаров обуславливают потоки продаж и оплаты. В этом случае может определяться возможная величина партии поставок и максимальный прирост потока продаж. Иными словами, прирост будет возникать вследствие превышения притока денежных средств над оттоком и являться результатом поставки партии товаров, что приведет к увеличению запаса.

В том случае, когда уменьшается спрос на продукцию, подлежат сравнению приток и отток денежных средств. Если спрос уменьшается до величины меньшей, чем интенсивность продаж, тогда фактором, ограничивающим продажи, является не величина запаса, а спрос (рынок). Отток денежных средств становится больше, чем приток их по поставкам, что значительно увеличивает риски предприятия. Однако, если структурные резервы предполагают взаимозаменяемость ресурсов, оговоренных в договоре поставки, то технологические резервы заключаются в интенсификации использования ресурсов.

Наряду с этим на цену поставляемого товара оказывают существенное влияние не только спрос и предложение как общеэкономические факторы, но и базис поставки, согласованный сторонами сделки. Кроме перечисленного в цену должны включаться фактические затраты, которые понес поставщик, а также и возможные издержки в случае форс-мажорных обстоятельств, обеспечивающие страховку от убытков. Цена договора также является показателем, раскрывающим характер сделки (вид продукции, тип транспортировки, стоимость страховки и комиссионных и т.д.), и показывает степень доверия и надежности контрагентов (насколько завышена и занижена цена по сравнению с рыночной ценой на подобный товар). Еще немаловажным критерием цены считается валюта (внутренняя или внешняя) платежа, раскрывающая характер сделки.

Следующим по значимости и экономической содержательности договора поставки является временной критерий – когда произошли погашение дебиторской задолженности и передача товара. Данный временной промежуток можно охарактеризовать как область наибольшей степени риска, важно обеспечить сделку таким уровнем страховки и ответственности, который не приведет к несоизмеримому увеличению цены. Поставщик в этом случае получает денежную компенсацию, способную покрыть его прямые расходы, а покупатель – пресечь возможные убытки, когда произойдет сбой в производственном цикле из-за недопоставки или поставки товара ненадлежащего качества. Так как поставщик и покупатель стремятся минимизировать риски, важно учитывать данный показатель в экономическом

анализе и выявлять тот порог, который позволит вычислить время ожидания, не приводящее к серьезным последствиям.

Не вызывает сомнения тот факт, что важным показателем, лежащим в инструментарию договора поставки, позволяющим оценить экономическое его содержание, являются условия поставки: соответствуют ли они взаимным пожеланиям контрагентов, принимаются ли они в согласии, насколько минимизируют риски во время отгрузки и транспортировки. Условия поставки должны быть составлены таким образом, чтобы достигнуть главного: не выйти за тот порог временного ожидания, который характеризуется повышенной степенью рисков. Условия поставки должны соответствовать принципам:

- адекватности (насколько экономически выгодна и необходима сделка);
- своевременности (совершение поставки в разумные сроки, указанные в договоре);
- автономности (четкое разделение ответственности и выполнение обязательств каждой стороной);
- объективности (условия сделки должны носить тот характер, который будет считаться экономически и юридически разумным третьими лицами в случае налоговой или аудиторской проверки).

Практика показывает, что к главным константам экономического анализа при заключении договора поставки принято относить цену на продукцию, удельные переменные затраты, удельный маржинальный доход, общие постоянные расходы по предприятию. По нашему мнению, именно здесь возникает очень болезненный и незащищенный, с точки зрения договорных отношений, процесс. Экономические риски, имеющие место в течение договорного цикла, могут приводить к плохо предсказуемому изменению бюджетных показателей (объем продаж и производства, прибыль от продаж и.д.) предприятия.

Кроме того, следует отметить, что на заключающийся договор поставки влияют, во-первых, формирование товарных и финансовых рынков, во-вторых, ориентация на стоимость, в-третьих, вложения инвестиций в улучшение качества (разработку) продукции, в-четвертых, рост важности сохранения, упрочнения и развития долговременных партнерских взаимоотношений с клиентами потребительских сетей.

Очевидно, что указанные выше особенности заключения договора поставки сужают деятельность контрагентов до рамок подписания соглашения. Некоторые предприятия предпринимают попытку внедрить обозначенную систему с той или иной долей успеха, но практически никто не представляет ясной цели и возможностей ее использования и, более того, даже не может четко подвести итоги экономического анализа при заключении определенного договора поставки. На наш взгляд, главное заблуждение заключается в игнорировании экономических рисков, т.е. намеренном ограничении использования данной системы. В настоящий момент, когда стоимостные оценки дискредитируют себя, такая возможность особенно актуальна.

Проведенное исследование показало, что в современных условиях необходим пересмотр теоретических подходов к заключению договора поставки. Для реализации обозначенных задач необходимо внедрение экономического анализа всей деятельности предприятия поставщика в качестве одного из важнейших элементов подсистемы оценки договорных рисков и управления ими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфаловская, Р. А. Инновационный лифт глобализации в структуре высоких технологичных проектов / Р. А. Варфаловская // Проблемы и перспективы современных гуманитарных, экономических и правовых исследований: материалы второй Междунар. науч.-практ. конф., г. Айя-Напа (Кипр) 14-21 октября 2012 г. – М.: МЭЙЛЕР, 2012. – С. 36-41.
2. Самаруха, А. В. Эффективность инновационных процессов в ходе трансформации региональной экономики / А. В. Самаруха, А. Н. Дулесов, Г. И. Краснов // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2009. – № 2(64). – С. 48-53.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Бренер И. С.
И. С. Бренер

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПЛАН ФУГУ» МАРВИНА ТОКАЕРА И МЭРИ СВАРЦ.
НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ О ЯПОНЦАХ И ЕВРЕЯХ В ПЕРИОД
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**REVIEW ON THE BOOK "THE FUGU PLAN" MARVIN TOKAERA AND MARY
SWARTZ. THE UNTOLD STORY OF THE JAPANESE AND THE JEWS DURING
WORLD WAR II**

Бренер Иосиф Семенович – старший научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (Россия, Биробиджан); 697016, ЕАО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4. E-mail: brener_iosif@mail.ru.

Josef S. Brener – Senior Research Fellow, Institute for Comprehensive Study of Regional Problems, the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences E-mail: brener_iosif@mail.ru.

Книга «План Фугу» написана на английском языке двумя авторами: раввином Марвином Токаером и Мэри Сварц – профессиональной журналисткой. Это уже второе издание книги, выпущенное в 2004 г. в Иерусалиме, Израиль. В России эта книга, к сожалению, до сих пор не известна читателю, так как она ещё не переведена на русский язык.

В заголовке книги использовано японское название рыбы – фугу, о которой в ней практически ничего не сказано, за исключением одного её качества – наличия в ней яда, крайне опасного для человека при неправильной ее обработке в ходе приготовления блюда. Именно название этой рыбы было использовано японцами в связи с принятием плана, вошедшего в мировую историю как «План Фугу». В основу его был положен критерий крайней осторожности и деликатности в работе с евреями, с которыми японцы считали надо правильно и точно выстраивать отношения, иначе все может закончиться весьма печально для тех, кто недооценит этот фактор.

Но целью авторов было не столько определить сравнительное соответствие этих характеристик, сколько рассказать об отношении японцев к евреям. В книге впервые представлены неизвестные страницы истории – разработка планов и участие Японии в специфическом решении еврейского вопроса. Авторы повествуют о планах Японии в Европе, на севере и юге Китая, связанных с предполагаемым переселением около миллиона евреев в северную провинцию Китая, а также конкретных шагах в этом направлении. Приведенный в ней материал представлен в виде реальной картины событий, происходивших в мире в 30 – 40-е гг. прошлого века. Главы книги в строгой хронологической последовательности предлагают читателю следовать ходу истории в международных отношениях государств, политических процессах, которые имели отношение к японскому плану.

В книге представлены уникальные фотографии действующих лиц этой истории, документов, что придает достоверность изложенным в ней фактам. Открывает коллекцию представленных снимков фото бывшего консула Японии в городе Ковно Сенпо (Тиунэ) Сугихара – человека, вошедшего во всемирную летопись истории и названного Праведником мира. Имя Сугихары навечно занесено в списки Праведников мира в Музее Яд ва-Шем в Иерусалиме и находится в одном зале с Оскаром Шиндлером, Раулем Валленбергом, королем Дании Кристианом X и многими другими, спасшими в годы второй мировой войны тысячи евреев от смерти. На фотографиях, приведенных в книге, запечатлены непосредственные участники подготовки и разработки плана Фугу, а также представлены снимки еврейских общин в Кобе, Шанхае, ряд документов, в том числе – карта расположения места проживания евреев в городе Шанхае – своеобразной резервации, напоминающей гетто.

В эпилоге приведен короткий рассказ о судьбах большинства действующих лиц этой

книги, что даёт возможность проследить историю их жизни и оценить правдивость многих приведенных в ней фактов. Отдельные эпизоды в книге, в том числе эпизод остановки поезда с беженцами – «туристами» на станции Биробиджан и короткий диалог, являются художественным вымыслом, но это не снижает достоверность общей картины событий, описанных в ней. Для читателей составлен глоссарий, в котором представлены еврейские и японские термины, а также алфавитный указатель имен людей, названий городов, что позволяет быстро ориентироваться в книге, насчитывающей почти 300 страниц.

Ценность работы М. Токаера и М. Сварц заключается в том, что авторы сумели показать в ней весь спектр событий, произошедших за короткий исторический отрезок времени: как в Японии рассматривался и решался еврейский вопрос, что происходило в разных странах мира после прихода к власти фашизма. План Фугу – это лишь одна из составляющих проблемы, которую увидел и сумел донести до людей раввин М. Токаер. Среди различных событий, связанных с созданием Еврейской автономной области, план Фугу следует также считать одной из новых страниц истории ЕАО. Скучная информация, ввиду закрытости архивных документов, предоставляла отрывочные данные о японских планах и видах на автономию. О японском следе в сфабрикованных ГПУ шпионских делах в 1937-1938 гг. в отношении многих биробиджанских руководителей написал Иосиф Баскин в книге «Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего». Он был одним из организаторов переселения евреев в Биробиджан, заведующим переселенческим отделом облисполкома. Почти семнадцать лет он провел в заключении по политической статье. Он был обвинен в том, что вместе с другими руководителями области вознамерился создать прояпонское буферное государство Биробиджан-го, наподобие Манчжоу-го, и намерении оторвать область от СССР.

Как и каким образом могло произойти отделение области, на какой основе? Ответы на эти вопросы даны в книге и свидетельствуют о серьезности намерений и планов, разработанных японским правительством, которые тогда уже начали реализовываться. М. Токаер рассказывает о малоизвестных для русских читателей страницах истории, имевших прямое отношение к области. После публикации книги «План Фугу» эти материалы стали предметом изучения историков, писателей, журналистов, кинорежиссеров.

Так, например, Чизуко Такао, профессор из Японии, выступая с докладом на тему «Биробиджанский проект в японской перспективе» на международной научно-практической конференции в Биробиджане в 2007 г., приводила доказательства событий, подтверждающих, что в конце 20-х – начале 30-х гг. Япония столкнулась лицом к лицу с «еврейским вопросом». Япония пристально вела наблюдение за сопредельной территорией – Биробиджанским районом, куда началось переселение евреев. В 1930-х гг., ограничив в результате оккупации Маньчжурии права русского эмигрантского сообщества, включавшего и евреев, она начала строить планы будущей экспансии этой территории. Не исключено, что информация о поддержке Биробиджанского проекта в начале 30-х гг. еврейскими организациями в США, Канаде, Франции подвигла японцев на рассмотрение «Плана Фугу», направленного на заселение евреями китайской Маньчжурии.

Другой научный труд на эту тему был подготовлен в 1996 г. Г. Левиным, профессором религиоведения Бостонского университета, США. Его книга «В поисках Сугихары» представляет подробную биографию японского дипломата С. Сугихара, в которой содержатся воспоминания его жены Юкико Сугихара о событиях тех нескольких месяцев, когда он выписал тысячи виз для евреев, бежавших из Польши. Поверенный в делах Великобритании и голландский консул оказали ему бесценную поддержку, начав выдавать временные туристские документы, на основании которых Сугихара выписывал транзитные визы через Японию, вопреки отказу Токио дать разрешение на их проезд. Когда бланки виз закончились, он чертил их от руки, работая до поздней ночи. Всем, кому вручались визы, Сугихара давал совет при первой встрече с японскими властями кричать "Банзай Ниппон!" – "Да здравствует Япония!" В связи с переводом в Берлин Сугихара, уже закрыв консульство, продолжал

Бренер И. С.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПЛАН ФУГУ» МАРВИНА ТОКАЕРА И МЭРИ СВАРЦ. НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ О ЯПОНЦАХ И ЕВРЕЯХ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

оформлять визы. После его отъезда люди от руки копировали их, перерисовывая иероглифы, ничего не понимая, что там написано, но веря в эти документы.

М. Токаер, восстанавливая картину событий, описывает встречу этих «туристов» на японском пограничном пункте, когда пограничники, проверяя документы, недоумевали, глядя на заполненные от руки фиктивные визы, где была вписана одна и та же фамилия – «Рабинович». После долгих мытарств и эти «однофамильцы» также нашли спасение на другой стороне планеты. Возможно поэтому книга «План Фугу» начинается с эпитафии: «На счастье (То mazal – перевод с идиш – И.Б.)), кто сделал возможное реальностью». Этот эпитафия посвящён лицам, в адрес которых М. Токаер высказывает благодарность за помощь и сотрудничество при подготовке книги, а также таким людям, как С. Сугихара, спасшим тысячи жизней евреев-беженцев. М. Токаер констатирует, что в 1979 г. было немного известно о плане Японии переселить до миллиона европейских еврейских беженцев в его марионеточное государство Манчжоу-го, и "Нью-Йорк Таймс" издал серию новостей относительно изданной книги. План Фугу был признан как один из немногих положительных моментов в судьбе евреев.

Книги и статьи на английском, японском, еврейском и китайском языках написаны теперь о Сугихаре – «Японском ангеле». В Японии имя «Сугихара» стало символом того, кто заботится о других, его жизнь изучают в средней школе.

М. Токаер пишет: «Сугихара никогда не упоминал о его собственной роли в спасении еврейских беженцев. Я спросил его об этом за несколько лет до того, как он умер. *«Я никогда не знал то, что происходило с беженцами»,* – ответил он. – *«Я никогда не знал, как они преодолевали путь через Советский Союз, и реально прибывали ли они в Японию, и были ли они в безопасности. Я не хотел это обсуждать, потому что, возможно, я только вел их к их смерти. Я боялся поднимать это».* Он знал, что меня интересует вопрос относительно плана Фугу. *«Я узнал только тогда, когда Вы рассказали мне. Если бы я знал это, то для меня было бы намного легче. Я не чувствовал бы единственное бремя ответственности за выдачу виз».* Наконец, я задал ему главнейший вопрос: Почему он делал это? Почему он рисковал своей карьерой и, возможно, своей жизнью, чтобы спасти этих беженцев? Он смотрел на меня, как будто он действительно не понимал вопрос. *«Я только делал то, поскольку мы люди, что мы должны делать. Один из моих лучших преподавателей в Харбине, когда-то сказал мне: Вы делаете правильную вещь, потому что это – правильная вещь. Не для выгоды. Не для признания. Только потому, что это - правильная вещь. Беженцы были люди, которые нуждались в моей помощи. Я мог оказать им помощь. Сделать это – была правильная вещь. Это все».*

Среди ужаса 1940-х это была величайшая добрая фортуна для тысяч еврейских беженцев и десятков тысяч их потомков, потому что редкий человек, такой как Сугихара, был там, когда их жизни зависели от его действий».

В предисловии, написанном Дэвидом Рубинсоном, говорится о том, что идеи книги легли в основу его фильма «Сугихара: заговор доброты», получивший в 1998 г. премию "Оскар" в своей категории. Д. Рубинсон отмечает, что М. Токаер лично взял интервью у каждого, кто был связан с этими удивительными историями. И впоследствии он оказался лицом к лицу с Тиуне Сугихара, человеком, который спас евреев в Восточной Европе приблизительно 30 годами ранее. В заключительной части предисловия Рубинсон делает вывод: «Если хоть один человек, который прочитает эту книгу, остановится и скажет: "Я могу сделать это". «Я могу действовать из своей глубокой человечности, сострадания и любви» – это может изменить наш мир. Визы Сугихары спасли тысячи жизней. Потомков тех людей, которым он сохранил жизнь, сегодня насчитывается более 50 тысяч человек».

В книге приводится историческая хронология событий, происходивших в мире с 1932 г., а также показано, на фоне каких политических, экономических, социальных изменений происходили изложенные в ней события.

В 1934 г. МИД Японии анонсировало план переселения 50 000 евреев из Германии в Манчжурию; в 1935 г. – поджог Рейхстага, давший начало распространению идеологии

нацизма в Европе, заключению альянса между Гитлером и Муссолини и затем с Японией. В 1938 г. мир был взбудоражен страшными событиями «Кристалльной ночи» в Германии. В том же году в Японии обсуждается план Фугу, где происходит переоценка подходов к еврейскому вопросу.

В 1940 г. Германия продолжает оккупацию европейских стран. Подписан пакт о ненападении между Японией и СССР. Германия оккупирует Югославию, Литву и в 1941 г. вторгается в СССР. Япония атакует Пёрл Харбор, оккупирует Шанхай и Гонконг.

1942 г. начался в Японии с конференции пяти министров. Шестая армия Германии окружена под Сталинградом и разгромлена. В мае 1945 г. Германия капитулировала, в августе СССР объявил войну Японии. США провели атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки. Япония капитулировала.

Книга «План Фугу» состоит из трех частей. Первая часть книги «Из Европы на Восток 1939-41. Рождение плана Фугу», наиболее существенная, состоит из семи глав. В ней идет речь о Сенпо Сугихаре, японском консуле, направленном в Ковно, Литва. Сугихара знакомится с политической обстановкой, которая уже находится на грани войны, с еврейскими организациями, с людьми, ищущими пути к эмиграции. Он начинает понимать всю остроту их положения, так как у них нет возможности уехать даже с помощью еврейской организации, отвечающей за перемещение беженцев.

Сугихара знал, что Гитлер обвинял евреев во всех проблемах Германии. Ему казалось, что "еврейская проблема" всегда была просто вопросом политики. Сугихара понимал, что если евреи останутся в Литве, им придет конец, возможности покинуть Европу другим путем, как не через Россию и Японию, не было. Японский консул понял всю трагичность их положения. Эти люди не были врагами. Они не были солдатами. Они не были революционерами. Они не были даже уголовными преступниками. Они были невинными, отчаявшимися беженцами. В беспомощности они просили о самом простом – помощи у Японии. С того времени, как он стал понимать проблемы беженцев, ему часто вспоминаются слова о старом самурайском принципе: "Даже охотник не может убить птицу, которая летит к нему найти убежище".

М. Токаер дает ключ к пониманию психологии японцев в отношении евреев, идеологической и политической составляющих формирования военных планов Японии в Азии и на Дальнем Востоке, а также мотивы появления плана Фугу, его идейных вдохновителей.

Анализируя международную ситуацию накануне войны, автор делает вывод, что у Японии была нить, которая связывала её с мировым еврейством. Признание евреев, которые ими были выделены в обособленную группу среди иностранцев, произошло порядка 40 лет до этого. Приход европейской цивилизации позволил ей почувствовать себя равной с ведущими странами Запада. Япония поняла, что может вести военные действия против России, которая угрожала её северным границам и надеялась захватить обширную северо-восточную область – Маньчжурию. Это был для неё источник сырья для расширяющейся промышленности. Вступив в сражение с Россией в феврале 1904 г., она поняла, что это была огромная страна с армией и неограниченными финансовыми ресурсами.

Для победы в этой войне нужны были деньги. Весной того же года вице-президент Банка Японии барон Корекио Такахаша прибыл в Лондон, пытаясь занять деньги на международном рынке. Он смог найти половину суммы, необходимой для продолжения войны. Перед возвращением в Японию Такахаша был приглашен на официальный обед, данный банкиром Джекобом Счиффом, который, как и Такахаша, ненавидел царя Николая II, считая его лично ответственным за еврейский погром в Кишиневе. Счифф на следующий день предоставил ссуду для продолжения войны. Япония получила ресурсы и завоевала новые территории. Как американец, он не должен был помогать японцам, но это был бизнес. Для японцев "еврей" стал синонимом доступа и к контролю огромных денежных сумм.

М. Токаер приводит ещё один пример знакомства Японии с еврейской историей и связанными с ней проблемами, повествуя о событиях, когда японские солдаты воевали в Сибири на стороне белогвардейцев, под командованием генерала Григория Семенова, ярого

Бренер И. С.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПЛАН ФУГУ» МАРВИНА ТОКАЕРА И МЭРИ СВАРЦ. НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ О ЯПОНЦАХ И ЕВРЕЯХ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

антисемита. Г. Семенов раздал каждому солдату по экземпляру антисемитской книги «Протоколы сионских мудрецов».

Среди японцев были два молодых офицера, на которых эта книга оказала важное влияние в их жизни – капитан Норихиро Ясуи, русскоязычный специалист, и Корешиги Инузука, военно-морской офицер из Токио. После возвращения японской экспедиции Инузука собрал вокруг себя группу офицеров, с которыми он решил исследовать «Протоколы», был сделан их перевод на японский язык. В ведомственных журналах появились статьи с исследованиями по данному вопросу, были составлены списки известных евреев на Западе, в Китае и в Японии. Ясуи поехал в Палестину, где встретился с политическими лидерами, включая Хаима Вейцмана и Давида Бен Гуриона. В его сообщениях говорилось о том, что евреи не строят планов захватить мир, и нет никакого международного заговора.

Анализируя политическую обстановку, М Токаер отмечает, что международный экономический крах и последующая депрессия выявили важность Маньчжурии с её богатством сырья, обширными пахотными землями для будущего Японии. С 1905 г. Квантунская армия охраняла железные дороги Маньчжурии, которые Япония получила согласно Портсмудскому соглашению по итогам Русско-японской войны. Однако у Японии не было лишнего населения, которое можно было бы отправить осваивать обширные запасы угля, железа, древесины и другие ресурсы, требовавшие огромного капитала. Попытки привлечь иностранные инвестиции, особенно из Америки, закончились неудачей. Капитал был в руках корпораций, которые не одобряли империалистические проекты Японии в остальной части Азии. В довоенной Японии был создан Союз, объединивший интересы приверженцев Маньчжоу-го с "еврейскими экспертами". В 1932 г. начались консультации с правительственными чиновниками и военными с учетом новой радикальной и смелой идеи – использования евреев для развития Маньчжоу-го.

Еврейские поселенцы, если бы они были привезены из Европы, обеспечили бы творческую энергию, индустриальные навыки и культурное обустройство в Маньчжоу-го. Американские и британские евреи также заинтересовались бы там вложением капитала, и была надежда, что правительство Соединенных Штатов снимет бойкот японских товаров.

В 1934 г. в журнале Министерства иностранных дел вышла статья "План по переселению пятидесяти тысяч немецких евреев в Маньчжоу-го". Статья получила огласку в японской прессе и еврейских журналах. Как отмечалось на неофициальной встрече еврейских экспертов, «...этот план очень напоминает фугу – японскую рыбу, смертельный яд которой должен быть удален прежде, чем её можно будет съесть. Если мы действительно квалифицированы в приготовлении этого блюда, то мы создадим для нашей нации и нашего любимого императора самое вкусное и самое питательное блюдо. Но если мы сделаем малейшую ошибку, то это разрушит нас самым ужасным образом.

Первое, что необходимо сделать, – это поймать фугу, чтобы Маньчжурия стала счастливым новым домом для тысяч евреев. Также необходимо возратить репутацию, которая была когда-то прежде».

М. Токаер делает экскурс в историю освоения евреями Маньчжурии, когда в конце XIX столетия в Маньчжурии появилось еврейское население. Харбинская община открыла школы, больницу, банк, дом престарелых и кладбище. Гордостью евреев была Синагога. Несмотря на прибытие в 1920 г. сотен антисемитских настроенных белых русских, о Харбине действительно думали, как о рае для евреев. Но Харбинский рай, когда в среде белых русских начались похищения людей с целью выкупа, стал городом жалкого существования. Японцы часто участвовали в этих грязных делах вместе с ними или одобряли их действия. Это достигло высшей точки в похищении Саймона Каспе – сына Джозефа Каспе, которому принадлежала гостиница в центре Харбина и ряд зданий кино и театров по Маньчжурии. Джозеф получил требование выкупа. Как гражданин Франции, он обратился к французскому консулу, который настоял, чтобы выкуп не платить, обещая с японской полицией найти сына. Спустя три месяца поисков, Саймон был найден убитым. Десятки тысяч людей, вклю-

чая китайцев, приняли участие в похоронах, скандируя: "Смерть японским вооруженным силам! Смерть проклятым обезьянам!"

Харбинская и Шанхайская общины евреев обратились к вице-министру иностранных дел Японии по поводу плохого обращения с евреями в Маньчжоу-го. Похитители были найдены и, к всеобщему удивлению, признаны виновными. Но японская полиция арестовала китайских судей, рассматривавших это дело, обвинив их в измене, и при новом его рассмотрении, уже японскими судьями, похитители были освобождены. Тысячи евреев уезжали из Харбина в Шанхай и другие китайские города, часть возвратилась в Советский Союз. К середине 30-х годов уехали почти 70 % евреев Харбина.

Создатели плана Фугу понимали, что массовое бегство должно быть остановлено. Маньчжурия должна была стать раем для евреев. Японцы оказывают поддержку при создании в 1937 г. Дальневосточного еврейского совета, который возглавил д-р А. Кауфман. Тогда же на Дальнем Востоке была проведена первая Конференция еврейских общин, куда приехали представители Харбина, Шанхая и Кобе, более 700 еврейских делегатов и приглашенных, в том числе полковник Ясуи и генерал Хигучи. Конференция выразила надежду на сотрудничество с Японией. Д-р Кауфман обратился с письмом во Всемирный еврейский конгресс, прося о членстве для Дальневосточного еврейского совета.

М. Токаер рассказывает о детальной проработке плана Фугу. Он отдает главенствующую роль в этом вопросе Конференции пяти министров, в числе которых были: премьер-министр принц Фумимаро Коноэ, министр иностранных дел Хачира Арито, армейский генерал – министр Сейширо Итагаки, военно-морской адмирал – министр Мицумаса Ёнаи и Сейшин Икеда, который тогда держал портфели министерства финансов и министерства торговли и промышленности. По её итогам было принято решение разработать в деталях план переселения евреев в Маньчжоу-го.

В отдельных главах книги рассказывается о деятельности японского консула С. Сугихара по выдаче транзитных виз и судьбах беженцев, прибывающих через Владивосток в Кобе, попытках японских офицеров реализовать план Фугу. Автор повествует о жизни еврейской общины в Шанхае, а также об атаке японцев на Пёрл Харбор. М. Токаер, описывая события в Шанхае, приводит важную и ценную информацию о деятельности еврейской общины, выжившей в условиях гетто.

Вторая, последняя попытка японского правительства реализовать план Фугу прошла в г. Далянь. Но под конец войны уже была другая расстановка сил в театре военных действий. Америка требовала безоговорочной капитуляции Японии, военная агрессия США была неизбежна, они не могли простить им Пёрл Харбор. Наступивший май стал концом Гитлера и Германии, концом безумства второй мировой войны, концом плана Фугу, который японцы так и не смогли осуществить.

P.S. Марвин Токаер дважды был в Биробиджане. Во время его второго визита в 2010 г. автор рецензии лично встречался с М. Токаером и М. Сварц, принимал их у себя в доме в Биробиджане, обсуждая с ними книгу «План Фугу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Tokayer M., Swartz M. The Fugu Plan. – Jerusalem, 2004. – 135 pp.
2. Баскин, И. Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего / И. Баскин. – Екатеринбург, 1993. – 193 с.
3. Бренер, И. С. Леаим, Биробиджан! / И.С. Бренер. – Красноярск: Изд-во «Красноярский писатель», 2007. – С. 246-253.
4. Вайсерман, Д. И. Биробиджан: мечты и трагедия / Д. И. Вайсерман. – Хабаровск: Изд-во «Риатип», 1999. – 512 с.
5. Chizuko Takao: «The Birobidzhan Project from the Japanese Perspective». Mizrekh. Jewish Studies in the Far East. Iudaika na Dal'nem Vostoke. Ber Boris Kotlerman (ed.) Published by Peter Lang Frankfurt. Peter Lang AG International Academic Publishers. 2009. – 284 pp.

ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ
IN MEMORY OF OUR COLLEAGUES

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ВЯЧЕСЛАВ АРКАДЬЕВИЧ САКУТИН

VIACHESLAV A. SAKUTIN

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin St.; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru

Есть люди в науке (и их довольно много), которые с завидным упорством профессионального укладчика асфальта силой своих слабеньких голосков стремятся убедить окружающих: времена универсальных ученых давно прошли и остались в далеком прошлом. Теперь царит время узкой специализации и хорошо, если ученому посчастливится или достанет таланта подсчитать или – это уже высший пилотаж – систематизировать количество книг в собственной библиотеке, или точно описать траекторию метлы дворника в безветренный день.

«И повсюду, где устно, где письменно, уверяют, что все это истина». Причин у этого в чем-то уродливого, а в чем-то естественного явления множество. Едва ли ни главная – это присутствие наследия тоталитаризма, где количество гениев-универсалов было строго определено классиками и проникнуть в их среду можно было только за административные, а вовсе не за научные заслуги. Еще одна причина – естественное стремление оправдать собственную несостоятельность.

Необходимо подчеркнуть, что однолюбы в науке, сами по себе, ни плохи, ни хороши. Существует три строгие группы: неученые (формальные носители степеней и званий – их больше всего, единственная сфера поиска – прибавление жалования), ученые (эти пытаются что-то разгадать) и ученые-универсалы (способные продуктивно работать в разных областях пусть даже одной сферы знания). Но все же, согласитесь, аналитический статус последних существеннее, чем у первых и вторых.

Третьих всегда меньше, чем первых и вторых, но они всегда неизменно присутствуют рядом с нами. Убедительным подтверждением ложности надсадных криков о том, что количество универсальных ученых прошло, был заведующий кафедрой философии и философской антропологии МГУ им. адм. Г.И. Невельского, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, член Философского общества РФ, признанный в России специалист в области феноменологии Вячеслав Аркадьевич Сакутин. Ведь универсал может работать и в какой-либо одной области знания, охватывая её с предельной широтой и привлекая для её исследования материалы других наук. Так он и поступал.

По инициативе В. А. Сакутина в 1995 году на базе ДВГМА была образована вторая в Российской Федерации кафедра философской антропологии. Кафедра успешно функционирует и сейчас. На ней осуществляется разработка методологии исследований в формате характера научной мысли В. А. Сакутина, ориентированной на синтез гуманитарных дисциплин. С 1999 года он являлся главным редактором журнала «Вестник Морского государственного университета» и, кроме того, входил в состав редакционных коллегий целого ряда периодических научных изданий.

Помню лекции и выступления В. А. Сакутина. Сама философская мысль говорила с аудиторией, не подстраиваясь и не кичась, не выпячиваясь, но и не скромничая, не панибратствуя, но и не устанавливая дистанции. Каждый получал нечто по своему разумению и желанию, своей страсти и своей требовательности, своей вовлеченности и своему умению слушать и получать. Забавно, что общение на банкетах практически ничем не отличалось от лекций и дело вовсе не в том, что В. А. Сакутин там или там занижал рамку. Он просто умел оставаться в любой ситуации самим собой. Он был идеальным образцом настоящего ученого без аффектации и позы, без стремления казаться или быть кем-то иным. При этом его кругозору мог позавидовать представитель любой гуманитарной науки. Его внешняя сухость удивительно гармонировала с блеском всегда живых глаз, которым постоянно хотелось услышать или увидеть нечто новое. Его характеризовало редкое в научной среде отношение к соискателям: желание разъяснить, помочь, а не одернуть или указать на несостоятельность. Его взгляд был устроен так, что улавливал, в первую очередь, позитивное и достойное внимания.

Не случайно у всех, кто с ним сталкивался, он вызывал неизменно доброе отношение. Вот что говорит о нем доктор философских наук Е. В. Савелова, много лет контактировавшая с ученым: «Вячеслав Аркадьевич был всегда открыт новому: идеям, смыслам, людям, книгам... Он загорался и радовался даже маленьким открытиям и творческим изюминкам, в которых он видел перспективу, пока еще не видимую даже их авторам. Ему был чужды интеллектуальный снобизм и высокомерие, он хорошо знал цену так называемым высоконаучным пьедесталам, на которых "бронзовеют" и почивают на лаврах многие деятели российской науки. Размышляя о сложнейших философских проблемах одиночества, он тем не менее не был одинок: близкие люди, друзья, коллеги, ученики уважали и любили его, поддерживали, берегли и ценили его талант Философа, Мастера, Учителя, Человека. По-детски искренняя и светлая улыбка, ироничные искорки в глазах, дружелюбие и обаяние... Таким он останется в памяти».

Мне Вячеслав Аркадьевич всегда напоминал доброго пастора (эдакого слегка подросшего, сменившего пыльную сутану на пиджак профессора отца Брауна), для которого глубина его космических исканий – только повод передать их другим, даже и не намекая на мзду, предполагающую такие высокие дары. Мне кажется, таким он и останется в университетских аудиториях – сутуловатый, с чуть стеснительной обаятельной улыбкой, внушающий не страх, как то полагается делать призракам, а спокойную уверенность в том, что самые сложные вопросы мироздания могут быть решены, если подходить к ним с позиций вдумчивого осмысленного универсализма.

Шунейко А. А.
ВЯЧЕСЛАВ АРКАДЬЕВИЧ САКУТИН

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА И ДРУГА.
УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ВЯЧЕСЛАВ АРКАДЬЕВИЧ САКУТИН

OBITUARIES
IN MEMORY OF A PHILOSOPHER AND FRIEND: VIACHESLAV A. SAKUTIN DIED
DECEMBER 15TH 2012

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

15 декабря 2012 года на шестидесятом году жизни скоропостижно скончался доктор философских наук, профессор Вячеслав Аркадьевич Сакутин. Выпускник философского факультета Свердловского университета, он более тридцати лет работал в Морском университете имени адмирала Г.И. Невельского, возглавлял созданную им кафедру философской антропологии, был директором гуманитарного института. Вячеслав Аркадьевич опубликовал более 130 научных работ, включая знаменитый текст «Феноменология одиночества», он активно преподавал, руководил аспирантами, выступал с открытыми лекциями, стоял у истоков новых образовательных программ по философии, психологии, конфликтологии. Философия В.А. Сакутина принадлежит к числу лучших достижений российской герменевтики и экзистенциальной феноменологии рубежа XX – XXI веков.

Владивосток – притягательное место, это – один из красивейших городов нашей страны; в нем удивительным образом сочетаются две возвышенные эстетические силы – красота гор и красота моря. Но Владивосток – не только здания и стихии; это город с богатыми научными традициями, среди которых есть и философская, ведь именно в этом городе, в Дальневосточном университете был создан единственный в регионе философский факультет. Вячеслав Аркадьевич Сакутин принадлежал к числу выдающихся философов, благодаря которому философская традиция Владивостока получила общероссийское признание.

В.А. Сакутин обладал удивительным даром мышления, глубокого и утонченного. Особенно поражали его устные речи. Когда философ выступал, казалось, что текст, произносимый им, является импровизацией, рождающейся в настоящий момент, - он был чудесным сплавом научных понятий и художественных метафор. Даже те, кто не признает подобных способов создания научных работ, не могли не видеть в текстах В.А. Сакутина таланта, оригинальности и глубины. Но не только профессионализмом и своими обширными знаниями отличался философ В.А. Сакутин, это был еще и прекрасный человек. Он обладал редкими для современного ученого качествами: открытостью и сосредоточенностью, искренностью и отзывчивостью, настоящей порядочностью. Он умел общаться с людьми, всегда был интересен и привлекал этим других. Но он и откликался на зов других, помогал каждому, кто бы к нему не обратился за помощью в научной работе.

В Комсомольске-на-Амуре, в КНАГТУ он был четыре раза, дважды выступал с блестящими докладами на конференциях, оппонировал на защите докторской диссертации, входил в состав экспертной комиссии по аккредитации. А когда Вячеславу Аркадьевичу не удавалось приехать по приглашению, он долго и регулярно извинялся за то, что мог кого-либо подвести. В университете запомнили его как умного, требовательного и доброжелательного ученого. Личность Вячеслава Аркадьевича была яркой и светлой. Хорошая память о философе Вячеславе Аркадьевиче Сакутине сохранится в каждом, кому довелось общаться с ним.